ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
малая серия № 1

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Общая редакция
М. Азадовского

Статьи,
редакция и примечания
А. Астаховой и Н. Андреева

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящей книгой открывается малая серия «Библиотеки поэта». «Библиотека поэта», основанная и руководимая М. Горьким, «ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы». [1]

В задачи «Библиотеки поэта» входит издание как крупнейших поэтов XVIII и XIX веков, так и авторов, менее известных современному читателю, но сыгравших существенную роль в развитии русского стиха. Вместе с тем предпринят сбор материалов по неисследованным до сих пор областям русской поэзии.

Неразработанность истории русской поэзии и отсутствие проверенных текстов заставило редакцию «Библиотеки поэта» сосредоточить свое внимание на пересмотре памятников поэзии с текстовой стороны, что в ряде случаев изменило представление о художественном и общественном

---

[1] М. Горький, О Библиотеке поэта. Державин, Стихотворения, Изд-во Писателей в Ленинграде, 1933, стр. 16.

облике поэта, сложившееся в традиционной истории литературы.

В целом «Библиотека поэта» должна составить энциклопедию русской поэзии за два века ее существования.

Малая серия «Библиотеки поэта», базирующаяся на проделанной научно-исследовательской и текстологической работе, строится по принципу простоты и доступности. Она дает избранные произведения русских поэтов. Ее цель — познакомить широкие круги советского читателя и, в частности, подрастающие поэтические кадры с главнейшими явлениями русской поэзии. Первые два выпуска посвящены фольклору — эпосу и лирике. Дальнейшие — показывают последовательное развитие русской поэзии от силлабических виршей петровской эпохи до литературы предоктябрьской поры.

Всего серия содержит шестьдесят шесть книг:

1. Русский фольклор. Эпическая поэзия.
2. Русский фольклор. Крестьянская лирика.
3. Вирши (Полоцкий, Прокопович, Паус, Медведев, Истомин, Буслаев, Собакин, Кантемир).
4. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков.
5. Поэты XVIII века (Херасков, Майков, Богданович, Петров, Попов, Капнист, Хемницер, Радищев).
6. Державин.

7. Карамзин и поэты его круга (Дмитриев, Милонов, Нелединский-Мелецкий, В. Пушкин).
8. Крылов — Басни.
9. Батюшков.
10. Востоков.
11. Гнедич.
12. Жуковский.
13. Вяземский.
14. Давыдов.
15. Кюхельбекер.
16. Катенин.
17. Рылеев.
18. Дельвиг.
19. Пушкин.
20. Баратынский.
21. Веневитинов, Хомяков, Шевырев.
22. Козлов и Подолинский.
23. Языков.
24. Полежаев.
25. Одоевский.
26. Лермонтов.
27. Кольцов.
28. Бенедиктов.
29. К. Павлова.
30. Мятлев.
31. Ершов.
32. Мей.
33. А. Григорьев.
34. Плещеев.
35. Никитин.
36. Огарев.
37. Тютчев.
38. Фет.

39. Майков.
40. Щербина.
41. А. Толстой.
42. Полонский.
43. К. Прутков.
44. Некрасов.
45. Добролюбов.
46. М. Михайлов.
47. Поэты «Искры».
48. Революционная поэзия эпохи народничества.
49. Надсон и Минский.
50. Апухтин.
51. Случевский.
52. Фофанов.
53. В. Соловьев.
54. Ф. Сологуб.
55. Брюсов.
56. И. Анненский.
57. Блок.
58. Белый.
59. Поэты-акмеисты.
60. Есенин.
61. Д. Бедный.
62. Хлебников.
63. Маяковский.
64. Поэты-футуристы.
65. Пролетарская поэзия (1895—1917).
66. Городской фольклор.

Как видно из плана, каждому поэту посвящен отдельный выпуск. Только в некоторых случаях объединены в один вы-

пуск два или три поэта, близкие по принципам своего творчества. Несколько выпусков серии представляют собой сборники или антологии, соединяющие поэтов, входящих в историю литературы как группа или объединение (например «Поэты „Искры“»), либо охватывающие значительный период в развитии русского стиха (сборники по поэзии XVIII и начала XIX века).

Каждый выпуск серии включает вступительную статью, тексты, примечания и библиографическую справку.

Вступительная статья содержит краткую биографию поэта, характеристику его литературных позиций и, как правило, характеристику особенностей поэтического мастерства. «Поэтам нашим, — пишет М. Горький в статье «О Библиотеке поэта», — нужно хорошо знать историю русской поэзии и знать, какими приемами техники слова пользовались поэты прошлого времени, как развивался, обогащался язык русской поэзии, как разнообразились формы стиха».

Тексты даются по первоисточникам (печатным и рукописным). Основным принципом расположения стихотворений является хронологический. Отступления допускаются лишь в тех случаях, когда сам поэт, в прижизненных изданиях, избирал жанровое или иное расположение своих произведений.

Учитывая, что малая серия предназначена для первоначальной литературной учебы, издательство снабжает книги краткими примечаниями справочного типа.

Аннотированная библиография ориентирует читателя в важнейших изданиях стихотворений поэта и в критической литературе о нем.

Выпуски серии выходят в свет в хронологическом порядке.

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

1

Когда-то один из крупнейших русских исследователей былевого эпоса назвал его «обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен». «В этом здании, — писал он, — жили иногда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился неприхотливый олонецкий крестьянин». [1]

Действительно, в том составе и виде, в каком былевой эпос дошел до нас, в устах последних его носителей — крестьянства и казачества — он представляет чрезвычайно сложное и во многом загадочное явление. Но, конечно, дело не только в том, что былина на протяжении своей многовековой

---

[1] Вс. Миллер, Экскурсы в область русского народного эпоса. Предисловие, М., 1892.

фольклорной жизни испытала ряд частичных изменений в виде «наслоений» или, по приведенному выражению, «пристроек» и «надстроек». Проблема былевого эпоса глубже и сложнее. Мы не знаем, в конечном счете, что́ представляли собой былины или те песни, которые легли в их основу, в древнейшую пору своего существования, так как самые ранние записи эпоса восходят только к XVII веку. Кроме записей нескольких исторических песен, сделанных для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 году, мы имеем еще незначительное число рукописных текстов, внесенных в списки XVII—XVIII и начала XIX века, видимо, в целях занимательного чтения. Эти записи, так же как и позднейшие, XIX и XX веков, произведенные учеными собирателями, — уже коренная и органическая переработка каких-то древнейших основ, и все попытки, иногда чрезвычайно остроумные, воссоздать первоначальный вид былины остаются спорными, а изыскания о происхождении той или иной былины не выходят за пределы более или менее вероятных предположений.

Однако несомненно, что эти неизвестные нам основы значительной части былевого эпоса мы должны искать в ранних веках феодализма. К ним приводят нас не только яркие зарисовки характернейших черт исторической обстановки этого периода, но и определенные следы феодальной идеологии,

конкретно — идеологии княжеско-дружинного класса.

Широкие степные просторы — «раздольице чистое поле», «заставы богатырские», эти пограничные сторожевые посты, стерегущие подступы к Киеву, кровавые схватки с врагами, осмелившимися проникнуть в пределы русских владений, осмелившимися угрожать русскому князю: «что возьмет Калин царь стольной Киев-град, а Владимира князя в полон полонит», — все это яркие, живые отражения реального исторического прошлого. Это — киевская Русь с ее неустанной, упорной борьбой со «степью», с ее непрекращающимся «военным положением», порожденным своего рода торговой конкуренцией русских князей с кочевниками и необходимостью ограждать регулярные торговые отношения от грозящих опасностей.

Идеологическая направленность древнейшего ядра былевого эпоса обнаруживает и ту социальную среду, в которой оно сложилось. Не только отмеченная тематика — все эти военные подвиги, бои, схватки, не только бытовая военная обстановка, но и общий характер центрального образа — «славного могучего богатыря» ведет нас к княжеско-дружинной среде. Именно эта среда была наиболее заинтересована в прославлении и увековечении выдающихся событий своего времени: походов, боевых столкновений, побед. Ряд свидетельств лето-

писей и древнерусских писателей говорит нам о существовании особых дружинных певцов-поэтов, «песнетворцев», которые «песни пояху» князьям, совершившим военные подвиги, и которые «преклоняли своя слухы в бывшая рати и ополчение да украсят словесы». Поэтический образ такого дружинного певца запечатлен самой былиной (Добрыня).

Характерно, что в былинах, возникших на основе этой княжеско-дружинной поэзии, все внимание по преимуществу уделяется подвигам богатырей-дружинников, подвиги самих князей воспеваются значительно реже; сплошь и рядом подчеркивается огромное значение дружины и зависимость от нее князя. В былине о Калине царе рассказывается, как получает Владимир предложение Калина сдать Киев «без боя, без драки»:

Владимир князь запечалился,
А наскоре ярлыки распечатывал и
просматривал.
Глядючи в ярлыки, заплакал вслед:
«По грехам над князем учинилося, —
Богатырей в Киеве не случилося,
А Калин царь под стеной стоит.[1]

В то же время былины донесли до нас и отзвуки внутреннего антагонизма в кня-

[1] Кирша Данилов, Древнероссийские стихотворения, № 165, изд. 3, М., 1878.

жеско-дружинной среде. Богатыри отказываются защищать Киев, потому что Владимир больше жалует «князей-бояр», чем их. «Князья-бояра» — это княжьи мужи, бояре киевской Руси, верхний слой, «старшая дружина», оседлая, богатая, пополнявшаяся из класса богатых местных землевладельцев. У младшей дружины, несшей военную службу, были свои счеты с этими ближайшими советниками князя из числа его «думы». С особой силой расслоение внутри дружины выражено в одном из самых замечательных вариантов былины о Калине царе известного сказителя времени Гильфердинга — Трофима Григорьевича Рябинина:

Да не будем мы беречь князя́ Владымира
Да еще с Опраксой королевичной:
У него ведь есте много да князей бояр,
Кормит их и по́ит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владымира.[1]

Былина отразила по преимуществу общее направление интересов и весь военно-кочевой быт именно этого второго слоя дружины. Все это привело исследователей к предположению, что «древнерусские воинские былины имеют два слоя: один составлен из хвалебных песен в честь князей, другой, более значительный по количеству,

---

[1] Гильфердинг, Онежские былины, № 75 СПБ. 1873.

возник из недр самой дружины и выдвинул героев богатырей-дружинников, естественно выставлявших на первый план свои социальные интересы и чувства, далеко и не всегда совпадавшие с интересами набиравшего их к себе на службу князя». [1]

Что касается образов врага, с которым в былинах сражаются богатыри, то в них отразились и смешались воспоминания о различных событиях, бывших в разные исторические периоды: впечатления ранних времен от столкновений с хазарами, а затем с печенегами, более поздние — с половцами, борьба с которыми была особенно затяжной и трудной, и, наконец, впечатления татарщины. Последняя оказала особенно большое влияние на былевой эпос. Нашествие татар стало источником сложения новых эпических песен. Таковы, например, все былины о Калине, Батыге, Скурле, Мамаевом побоище и т. п. Но и в древнейший слой тоже вплетаются новые впечатления: «татарин поганый» как враг богатыря — постоянная фигура былины и даже тех из них, где мы можем предположить более старую основу, возникшую еще в ранние периоды борьбы с кочевниками.

Военные темы — лишь часть содержания эпического наследия. Другие исторические

---

[1] Б. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1931, стр. 60.

явления эпохи феодализма — рост боярства и ослабление власти князей в больших торговых городах, борьба городских партий, заморская торговля, вообще торговые интересы и осознание силы торгового капитала, быт и нравы торговой буржуазии — также нашли в былинах яркое отражение.

Как и в отношении первой группы былин мы не можем и здесь в большинстве случаев с полной уверенностью приурочить ту или иную былину к определенному месту или времени, установить конкретное событие, легшее в основу былины; опять-таки многие изыскания в этой области имеют лишь бо́льшую или меньшую степень вероятия. Но общий характер жизни большого феодального города в преломлении сознания торговой буржуазии передан сильно и красочно. Бой-драка Василия Буслаевича с «мужиками новгородскими» как отражение борьбы общественных групп в среде самой социальной верхушки — бояр и богатого купечества, «велик заклад Садко», «повыкупить товары новгородские» — поэтическое воспроизведение торговой конкуренции, столкновение богатых «гостей» с князем, в результате которого посрамленный и униженный князь дает право «торговать безданно и беспошлинно», — все это драгоценнейшие черты прошлого, облеченные в высокохудожественные образы.

В сложении этих былин-новелл, как их обычно называют в отличие от воинских

или «боевых», большую роль сыграли скоморохи. Эти профессиональные потешники, артисты, музыканты, фокусники, постоянные участники пиров, свадеб и всякого рода празднеств, в области эпической поэзии явились до известной степени преемниками дружинных певцов, переняв от них и их песни и искусство играть на гуслях. С течением времени обе эти категории певцов слились вместе, образовав единую категорию скоморохов — веселых людей.

Мы не можем в точности указать, когда окончательно оформилась былина, получив тот композиционный и ритмический строй, в котором она дошла до нас. Но несомненно, что главное место в деле этого оформления принадлежит именно скоморохам, заинтересованным как в выработке всех художественных приемов, направленных на овладение вниманием слушателя, — особых зачинов, прибауток и т. п., так и приемов, помогающих запоминать и удерживать в памяти огромное количество стихов. Они производили отбор наиболее актуальных песен, соответственно интересам и вкусам тех общественных классов, которым они служили; они же подвергали их переработке. Но они, как уже выше сказано, слагали и новые песни-былины, преимущественно новеллистического типа с увлекательной интригой, с романическим сюжетом, богато насыщенные бытом того класса, для раз-

влечения которого они служили. Им же, несомненно, принадлежат и былины юмористического характера, в которых нередко действующими лицами являлись сами скоморохи. К более поздним образованиям в области эпической поэзии нужно отнести также и былины, приближающиеся к типу баллад, в сжатой и напряженной форме повествующие о каком-нибудь исключительном эпизоде семейно-бытового характера и заключающие часто яркие штрихи феодальных понятий о чести, положении и роли женщины и т. п.

Необходимо отметить еще одну категорию участников формирования былевого эпоса: церковно-паломническую среду — пилигримов, странников по святым местам, «калик». Творчеству их принадлежит не только религиозный эпос — духовные стихи, но и известная доля в обработке некоторых былин. В этом находит свое объяснение наличие в былинах ряда мотивов житийных и апокрифических.

Бродячий образ жизни профессиональных слагателей былин обусловил широкое использование эпосом международных сюжетов и мотивов. Мы находим целый ряд параллелей между русским эпосом и сказаниями других стран — Востока и Запада. Так, например, на создание былины о бое Ильи Муромца с сыном несомненное воздействие оказали восточные иранские сказания о Рустеме и его сыне Сохрабе-Зорабе,

на былинах о женитьбе Владимира («Дунай») отразились скандинавские сказания и песни о Брунгильде и т. д.

Итак, процесс создания былин хронологически охватывает очень длительный период, начиная с X века. Былины создавались в различных областях феодальной Руси — Киевской, Галицко-Волынской, Ростово-Суздальской, в Новгороде. В XV—XVII веках занесенные в Московскую область былины подвергаются новым переработкам в соответствии с идеологией новой среды — боярской, казаческой и др. Одновременно не прекращается и образование новых песен. Это формирование былевого эпоса нужно считать в основном законченным в XVII веке. Однако, как мы увидим ниже, живые творческие процессы продолжают сопутствовать былине и в новых условиях бытования, среди крестьянства и казачества, куда она в дальнейшем попадает.

Трудность изучения и осознания исторического смысла былинных образов именно в том, что они не являлись застывшими, раз навсегда данными, а вбирали в себя черты различных идеологий на протяжении целого ряда исторических эпох. В этом отношении особенно показательной является историческая судьба былинного образа Ильи Муромца.

В том, как он дан в ряде древнейших былин, слились и воплотились идеальные представления княжеско-дружинной среды о воине-дружиннике. Это образ огромной и осознающей себя силы, спокойной и уравновешенной. Храбрость его велика, но без ненужного и вредного задора. В минуту опасности именно Илья Муромец оказывает помощь. Он всегда победитель. Поражение его может быть лишь временным и всегда обусловлено несчастным случаем:

Махнет Илейко ручкой правою, —
Поскользит у Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру землю. [1]

Этот идеал богатыря — защитника князя и «матушки Руси земли» — несомненно объединял направленность интересов как князя, так и дружины и был общим для обоих слоев последней. Отмеченный облик дополняется еще чертой благочестия и набожности, особо важной в глазах правящего класса, опиравшегося на поддержку церкви. Эта черта, яркий след идеологии, прививаемой сверху, тоже донесена в ряде былин до настоящего времени.

Но такой образ не остается неподвижным. В обрисовку Ильи Муромца вторгаются совершенно иные черты.

---

[1] П. В. Киреевский, Песни, т. I, в. 1, М., 1863, стр. 51.

Он дружит с «голями кабацкими», которых называет «своими людьми». Обиженный князем Владимиром, он стреляет по церквам, сбивает «маковки золоченые» и пропивает их с голями в кабаке. Чтоб угостить их, он даже бросает свой «чуден золот крест» на прилавок. В противоположность спокойному, владеющему собой богатырю, мы видим разбушевавшегося бунтаря.

А что мне молодцу буде поделати,
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец е раздра́женной. [1]

В другой былине он обзывает Владимира «собакой», говоря, что не ради него он идет на борьбу с Калином; срывает «золотые ключи», объявляя: «завтра сам буду править княжеством», грозит Владимиру убийством и т. д.

В то же время сам князь Владимир выводится крайне ничтожным. Он трусит, ищет примирения с Ильей Муромцем, устраивает специально для него пир, всячески старается его задобрить и т. д.

В таком изображении Ильи Муромца заключены явственные ноты социального протеста. Такой именно образ бунтаря совершенно не соответствует общей идеологической настроенности дружинной среды. Здесь чувствуются уже отзвуки более

[1] А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПБ., 1873, стр. 234.

позднего времени. Предполагают, что на эти былины наложило свой отпечаток начало XVII века — эпоха массовых движений, направленных против московского правительства и господствующих классов. Именно в это время, когда происходит казачья революция, вызванная крайним обострением отношений между правительством и казаками, когда (несколько позже), к казакам примыкают крестьянские массы, доведенные жестокой эксплоатацией помещиков до крайней степени разорения и обнищания, — и мог быть создан новый образ Ильи Муромца — бесшабашного удальца и протестанта. В бунтарских выходках его следует видеть протест угнетенных слоев, преимущественно казачьей среды, против правительства, правящего класса и церкви. В этом и заключается большой исторический и социальный смысл былин о ссоре с Владимиром и о голях кабацких. Для этой же эпохи характерен также образ жалкого, приниженного правителя, дрожащего от страха перед разбушевавшимися народными массами. Возможно, что уже в эту пору начинает появляться в былинах об Илье Муромце и самое наименование его — «старый казак».

Последний этап в исторической судьбе былины — это бытование ее в крестьянской и казачьей среде. Отражение казацких настроений XVII века на образе Ильи Муромца мы отметили. В дальнейшем мы находим

уже полное превращение Ильи Муромца-дружинника в атамана казаков, предводителя их в борьбе с татарами и турками. Таковы былины, записанные среди казаков и в Сибири, об Илье Муромце на Соколе-корабле, а также многочисленные казачьи песни о «старом казаке-атамане» — Илье Муромце.

Крестьянство по-своему преломило, окрасило образ Ильи Муромца, идеального воина-дружинника феодальной эпохи. Некоторые из его черт оказались в этом новом преломлении близкими и понятными определенным слоям крестьянства. Илья Муромец защищает страну, землю от врагов, которые ее разоряют. Он стоит «за вдов, за сирот, за бедных людей». Он борется с разбойниками, от которых страдает население. Он самый сильный, самый храбрый, только на него можно положиться в трудную минуту. В эту характеристику вкладывалось содержание, отвечающее идеологии той основной массы крестьянства, для которой такое значение имели земля, собственность, хозяйство. Образ, дошедший из глубины веков, получает новую социальную функцию. Наиболее консервативные слои любовно культивировали также такие черты, как патриотизм и благочестие.

С другой стороны, в слоях бедняцких, оппозиционно настроенных, живейшее сочувствие вызывали иные моменты в былинах об Илье Муромце: противопоставление

его и других богатырей князьям и боярам «толстобрюхим», «кособрюхим», беспомощность князя, которого из беды может выручить только Илья Муромец, самое бунтарство богатыря, вызванное несправедливым отношением к нему князя, который обижает и оскорбляет своего «да что лучшего, а что лучшего, да лучшего богатыря». Таким образом, существование в крестьянской среде разных образов Ильи Муромца говорит о тех идеологических противоречиях, которые были так характерны для разнородной по социальному составу крестьянской среды.

Илья Муромец и в новой среде остается самым популярным богатырем. Естественно поэтому и последнее превращение его в крестьянского сына.

С наибольшей силой тенденция превращения дружинника в крестьянина выразилась в одной из самых поздних былин об исцелении Ильи Муромца. Здесь особенно выдвигается его отношение к крестьянскому хозяйству. Первый подвиг после получения здоровья и силы Илья Муромец совершает на хозяйственном фронте.

Он дубье-колодье все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой... и т. д.[1]

---

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I, М., 1861, стр. 35.

В этом отношении особенно интересен один из более поздних вариантов, в котором оказанная родителям помощь описана в красках, особенно характерных для крестьянина:

А пошел он как хранить полё ётцовское,
Он завидел-де в поле нонце скот ходит,
Он как из поля скота нонце выганивал,
Кабы полё то сырым дубом огораживал,
Он ведь рвал тут как ду́бьицо с кореньицом,
Он оклал-огородил людям на юдивленьицо.[1]

Образ Ильи, наиболее сложный и запутанный из всех эпических образов, вызвал обширную литературу. На анализе его четко выявились основные тенденции дореволюционных научных течений. Мифологи со своих славянофильских позиций — реакционного крепостнического дворянства — видели «в эпическом типе Муромца много великих доблестей идеального героя», воплощение высоких «общенравственных» черт. Корни этого они усматривали в «духе общины», который впитал в себя образ Ильи Муромца, выработавшийся из первоначального мифического образа бога-громовника и прошедший через посредствующий образ Ильи-пророка. По мысли мифологов, именно «общинная струя», насытив-

---

[1] Ончуков, Печорские былины, № 53, СПБ., 1904.

шая эпический образ Ильи, и привела к тому, что он сделался выразителем нравственных идеалов «всего народа». Характерно, что те былины, которые разбивали эту концепцию, мифологи просто отбрасывали, как «пересказы, стоящие совершенно особняком»[1] и несущие следы «позднейшей бытовой грубости» и «исторически вынужденной жестокости народа».[2]

В противовес славянофильско-мифологическим теориям первые представители сравнительной школы, отразившие буржуазно-западнические взгляды, подчеркивали в образе Ильи черты чуждого, нерусского происхождения, восточного и западного. В их работах образ Ильи совершенно утрачивал национальные черты. Вместе с тем конкретная социальная действительность, определившая этот образ во всей его сложности и противоречивости, ими совершенно игнорировалась.

Однако в дальнейшем, разгромив националистско-замкнутые концепции славянофильства, компаративизм как идеология крепнувшей буржуазии, с ее задачами изучения реальной среды и конкретной действительности, должен был неизбежно выдвинуть задачу вскрытия исторических основ былевого эпоса. Эту миссию выпол-

---

[1] Орест Миллер, Илья Муромец и богатырство киевское, СПБ., 1870, стр. 801, примеч.

[2] Ibid., стр. 804.

няла историческая школа, возглавляемая Вс. Миллером. Он и его ученики (особенно А. Марков) уже отчетливо видели роль различных социальных элементов в создании сложного образа главного героя русского эпоса (Марков даже говорил о классовых основах). Но они не сумели увидеть в этом процессе органической переработки, заново переосмысляющей всю былину в целом, а видели лишь определенный социальный «пласт», под которым, казалось им, легко рассмотреть древнейшую основу былины. Стоя на позиции буржуазного социологизма, Миллер не понимал также всей творческой силы социальных противоречий. Правильно вскрыв в былине о ссоре Ильи Муромца с Владимиром и о голях кабацких преломление протеста казачьей среды начала XVII века, он в аналогичной былине о Василии Игнатьеве видел лишь продукт «грубой среды любителей кружала государева», «кабацких заседателей», «веселых людей скоморохов», смакующих, по его выражению, «кабацкие сцены», «зелено вино» и проч.[1] Он совершенно не учитывал большого социально-исторического значения этой былины, в которой роль спасителя Киева, Ильи Муромца, перенесена на Василия Игнатьева, представителя голи, что заостряет былину в сторону противопоставления господству-

---

[1] Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности, в. 1, М., 1897, стр. 310.

ющему классу не младшей дружины — богатырей, и не «крестьянского сына», а самых низов социальной лестницы.

Мы задержались выше на трансформации эпического образа Ильи Муромца в виду особого интереса и показательности прослеженного процесса. Но аналогичные явления мы наблюдаем и в жизни других былинных образов. Так, например, ранний образ Алеши Поповича вполне положителен. Он «смелый Олешенька Попович млад». Смелость отмечается как главное его качество. Он хитер и находчив в столкновении с врагом. Таков Алеша Попович в ранних воинских былинах. Следы этого образа сохранились и в других былинах в постоянном эпитете Алеши «смелый».

В руках скоморохов Алеша Попович становится одним из главных героев романических историй былин-новелл. Именно в среде скоморохов, идущих навстречу социальным настроениям своих потребителей, в данном случае мелкого городского населения и крестьянства, используется исторйческое прозвище Алеши — Попович, и образ Алеши получает социальную оценку как представителя «поповских родов».

Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие;
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, се́ребра, —

Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша понапрасному.[1]

Этот социальный мотив крепко входит в былинную традицию. Особенное заострение он получает при подчеркивании некрестьянского происхождения Алеши:

А Олеша не роду да хрестьянского,
А Олеша та роду да все поповского,
Ише руки у Олеши да загребущие
А глаза у Олеши да завидущие и т. д.[2]

Алеша Попович превращается в комическую фигуру. Взамен храбрости начинают подчеркиваться черты хитрости, хвастливости и неразумного задора, трусости. Алеше придаются черты женского прелестника. Он «бабий пересмешник», «дивочий надсмешник», «похавный вор».[3]

Чрезвычайно интересна также судьба и переосмысление на различных этапах жизни былин образа князя Владимира, вокруг которого собираются богатыри.

Сопоставление былинных деталей с летописными данными говорит о том, что в этом эпическом образе преломились и скрестились воспоминания о двух истори-

---

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским, № 46, вып. 1, М., 1863.

[2] Архангельские былины и исторические песни, собр. А. Д. Григорьевым, т. III, СПБ., 1910, стр. 323.

[3] В этом заострении сатирических черт в образе Алеши сыграло роль и то, что с церковью скоморохи жили не в ладах.

ческих Владимирах: князе Владимире Святославовиче конца X и начала XI веков и популярном князе XII века — Владимире Мономахе. Первый, «типичный князь варяг, полукупец, полуразбойник, начальник наемной дружины, правительственная деятельность которого ограничивалась сбором дани с подвластных племен»,[1] впоследствии объявляет христианство официальной религией и в церковной организации получает новое оружие для эксплоатации. Этот князь, деятельность которого отвечала интересам высшего класса, нашел очень сочувственное изображение на страницах летописи. Летописцы — придворные историки — старались подчеркнуть его заботу о дружине, описывали, например, пиры, которые он для дружины устраивал, и т. п. Эти черты совпадают с былинным образом «ласкового Владимира Красное солнышко». Кроме того в основе ряда былин установлены определенные исторические эпизоды, связанные с личностью князя Владимира Святославовича.

Владимир Мономах, один из крупнейших феодалов древней Руси, к концу своей жизни объединивший в своих руках и в руках своей семьи почти три четверти тогдашней Руси, вел энергичную борьбу с половцами, наиболее опасными врагами

---

[1] Большая советская энциклопедия, т. XI, М., 1930, стр. 571.

киевской торговли в XII веке. Это сделало его популярным как среди верхушки, так и в массах, страдавших от половецких набегов. Популярность Мономаха еще более выросла после киевской революции начала XII века, когда он искусной дипломатической социальной политикой (уступками мелкому городскому люду и смердам) восстановил спокойствие.

Но рядом со следами сочувственного отношения к этим князьям, сохраненными по преимуществу в застывших хвалебных эпитетах, мы наблюдаем в былинах явную тенденцию к снижению образа князя, идущую, как это уже было отмечено, от настроений младшей дружины. Выше мы видели черты беспомощного и в то же время несправедливого «властителя», которому вместе с его «князьями-боярами» противополагаются младшие дружинники-богатыри, совершающие труднейшие подвиги и часто не получающие за это от князя должной награды. Эти отголоски социальных взаимоотношений раннего феодализма должны были особенно приттись по вкусу боярской и купеческой среде тех богатых торговых городов, которые соперничали и вели борьбу с князьями-феодалами. Здесь эти черты, ведущие к развенчанию князя, получили особое усиление и дальнейшее развитие. Владимиру присваивают роль сводника, поддерживающего интригана Алешу всеми неблаговидными средствами,

вплоть до угроз и обмана, заставляющего жену Добрыни Никитича «от живого мужа» итти под венец с Алешей. Заключительный укор Добрыни по адресу Владимира в целом ряде вариантов данной былины оттеняет и подчеркивает неблаговидность поступка князя.

Владимир ежечасно посрамляется не только богатырями, но и боярами, и «гостями», приезжающими из других городов и мест, при этом заключительное разрешение униженным Владимиром: «а торгуй в нашóм во-ó граде во Киеве, ты во Киеве во граде век без пошлины» — выпукло передает основную направленность той среды, в которой культивировалась былина на определенном историческом этапе.

Наконец, на том же образе былинного Владимира сказались впоследствии и впечатления от московских царей и обстановки их двора.

С одной стороны, в него вносятся черты деспотизма, например, рассказывается об отсылке неугодных Владимиру богатырей на «службу великую» с целью их гибели, с другой стороны—резкое изображение князя, обезличенного «боярами толстобрюхими», с которыми он «думу думает» и против которых он «ничего говорить не смет», — переносит нас в сферу тех настроений московского поместного дворянства и купечества, которые подготовили государственный переворот середины

XVI века, направленный на ликвидацию «боярщины».

Так видоизменялся и переосмыслялся былинный образ в период наиболее интенсивной жизни былины, в период ее сложения, с ранних времен феодализма вплоть до конца XVII века. Но и в среде последних носителей эпического наследия — крестьян — былина не застывает в определенных и неизменных формах, а продолжает жить творческой жизнью, изменяясь под воздействием социальной среды, местности и личных свойств исполнителя.

3

Проблема подвижности былинного текста в крестьянской среде не сразу была выдвинута в науке о былине. Наоборот, долгое время, начиная с 20—30-х годов XIX века, когда, собственно, и начинается научное изучение «устной словесности», вплоть до второй половины XIX века господствовало представление о механическом сохранении крестьянами эпического наследия, доставшегося им от далеких предков.

Это наследие понималось как результат глубокого в прошлом процесса некоего «коллективного», «безличного», «общенародного» творчества, отразившего «народную душу» и «народную мудрость». Отдельные же изменения в пересказах рассматривались как явления индивидуальной па-

мяти — забывание и вытекающее из него искажение, которое не следует принимать в расчет. Исследователь должен оперировать лишь исконным, подлинным текстом.

Такова была основная концепция в отношении фольклора мифологической школы. Это игнорирование непрекращающихся живых творческих процессов в фольклоре, вытекающее из общей тенденции славянофильства отыскать в прошлом и познать «истинную народность», находило как раз в области былины опору в действительно крепкой традиционности всего композиционного и ритмического ее строя.

Однако, когда новые научные течения второй половины XIX века, связанные с интересами крепнущей буржуазии, выдвинули задачу изучения конкретной действительности, то и в жизни былины были вскрыты следы живого индивидуального творчества, отразившего влияние окружающей обстановки.

Первые шаги в этой области принадлежат А. Ф. Гильфердингу и В. В. Радлову, почти одновременно опубликовавшим свои наблюдения над различным материалом эпического творчества, — Гильфердинг над северными былинами, Радлов над эпическими поэмами сибирских народностей.[1] Оба отме-

---

[1] А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПБ., 1873; Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, СПБ., 1865.

чали в исполнении певцов-сказителей сосуществование унаследованной традиции и чисто творческих моментов. Эти последние сказываются преимущественно в «ловком соединении готовых уже частичек картины в одно целое», в воссоздании текста на основе усвоенного общего остова былины и «типических» мест. «В каждой былине, — говорит Гильфердинг, — есть две составные части: места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял ее; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий состав, так что всякий раз, как сказитель поет былину, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения».[1] Но и типические места несут отпечаток личности сказителя, так как у каждого имеют свои особенности. По мысли Гильфердинга, как раз именно типические места «всего более отражают на себе личность сказителя», так как он производит определенный отбор из массы готовых типических картин.

---

[1] А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПБ., 1873, стр. XXVII.

Но дело не только в отборе, как думал Гильфердинг. Дальнейшие наблюдения показали, что и типические места сказитель перерабатывает, внося известные изменения и дополнения соответственно своему отношению к изображаемому, своим вкусам и настроениям. Так, при повторении выезда богатыря в погоню за врагом (сперва, например, Алеша Попович или Добрыня Никитич, потом Илья Муромец) обычно в точности повторяется картина снаряжения богатыря, в частности седлания коня. В публикуемом нами варианте «бой Ильи Муромца с сыном» при выезде Добрыни сперва передаются традиционные подробности:

Он ведь скоро седлат то своего коня доброго,
Он седлат, все убират коня богатырского.
Он двенадцать шелковыих упружинок застегиват... и т. д.

Когда же после возвращения напуганного врагом Добрыни едет сам Илья Муромец, то сказительница делает неожиданное противопоставление:

Недосуг Ильи коня учясывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцать шелковыих упружинок застéгивать...

Вообще особенно четко вырисовываются индивидуальные привнесения на фоне определенной традиции. Так, например, за-

ключительный эпизод былины о Соловье-разбойнике — известное описание исполнения соловьем свиста на дворе Владимира — развернут во всех былинах в традиционном плане изображения общего испуга. Картина эта дает большой простор для юмора. Некоторые сосредоточивают внимание на комической фигуре князя, падающего от страха со стула, укрывающегося «под куньей шубочкой» или под пазухой Ильи Муромца, другие переносят сатирический акцент на бояр, ходящих «окаракою», и т. п. В этих оттенках, в изменениях отдельных деталей не только проявляется степень одаренности исполнителя, его художественное чутье, не только сказывается влияние профессии и особенностей быта, но и находит выражение его социальная психология. Драгоценными штрихами являются, например, такие детали, как возражение князя Владимира послу, сватающемуся за его племянницу: «Моя племянница ведь царская дочь, а жених-то, може, есть батрак»; гневный ответ посла: «Я крестьянский сын и крестьяную, а про богачество и не спрашивай», или следующая выразительная мотивация женой Добрыни Никитича ее согласия на замужество с Алешей Поповичем, данного под влиянием угроз Владимира взять ее к себе в работницы: «Под бояриным жить да быдто под чортом, лучше итти мне за Алешеньку в замужество».

4

Вся эта индивидуальная чисто творческая деятельность протекает в пределах определенной и очень крепкой поэтической традиции. Выше было уже отмечено наличие в прошлом певцов-профессионалов, в руках которых и была выработана богатая и своеобразная художественная техника былин.

Некоторые черты былинной поэтики назывались нами попутно. Например, так называемые общие или типические места, то есть традиционные формулы, устойчивые, постоянные выражения и обороты, повторяющиеся в былинах с разным содержанием. Таково описание выезда богатыря в поле, седлание коня, скачки богатырские, единоборство богатырей; поклоны богатыря при входе в терем, вопросы, к нему обращаемые, его ответы, похвальба богатырей на пиру, сватовство, прощание с матерью и т. п. В четкую форму отлилась и сама композиция былины. Начинаясь чаще всего с «зачина», дающего обычно конкретные географические указания, откуда и куда едет былинный герой, она развертывает действие чаще всего в хронологической последовательности событий, эпизодов, связанных с главным действующим лицом. Направление сюжетного развития часто указано уже в самом на-

чале. Развитие это тормозится обстоятельными, подробными описаниями каждого действия героя и постоянными повторениями. В этом богатстве описательных деталей, в подробном развертывании отдельных эпизодов — главная прелесть словесной ткани былины. Иногда былине предшествует «запев» или «прибаутка», не имеющие прямой связи с содержанием былины и служащие лишь своего рода художественной прелюдией, увертюрой к былине. Цель запева — создать настроение, подготовить слушателя к восприятию. Таков, например, знаменитый запев к былине о Соловье Будимировиче в сборнике Кирши Данилова:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота океан море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.[1]

Основным композиционным приемом в былине, помогающим развертывать действие, является антитеза — прием контраста. Черниговские мужики советуют Илье не ехать прямоезжею дорогою, — Илья Муромец едет и встречается с Соловьем Разбойником, Василий Буслаевич не слушается наставлений матери и озорничает во время путешествия в Иерусалим и т. д.

---

[1] Кирша Данилов, Древнероссийские стихотворения, № 1, изд. 3, М., 1878.

Контрастность самих выведенных лиц тоже часто служит основой для развертывания сюжета: Илья Муромец и Идолище, Илья и Сокольник и т. п. В целях дальнейшего движения сюжета широко используется диалог. Давая общую информацию о том, что произошло или происходит, он вызывает новое действие с вмешательством нового лица. Заканчивается былина четкой развязкой, дающей разрешение конфликта. Некоторые былины сопровождаются еще особыми концовками, выражающими впечатление от изображенного, дающими сентенцию или величание.

То старина, то и де́яние...

А тут Со́ловью ему и славу́ поют,
Ай славу́ поют ему век по́ веку...

Синему морю на ти́шину,
Всем добрым людям на послу́шание...

Неизбежным спутником былины, спецификой ее стиля является гипербола, обусловленная общей художественной целеустремленностью героической поэмы — стремлением поразить воображение слушателя грандиозностью подвигов силы и храбрости. Так богатыри бьются «день до вечера, с вечера бьются до полуночи, с полуночи бьются до бела света», богатырь скачет «выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего» и т. д. Многочисленные

и разнообразные повторения, с обычным соблюдением троечности с нарастанием, несут, кроме композиционных, изобразительные и эмоциональные функции. Наиболее часты повторения следующих типов: 1) повторение коренных, то есть смысловых частей слова: «У того ли Чернигова нагнано-то силушки черным-черно, ай черным-черно, как черна ворона» (Гильфердинг, № 74); 2) повторение синонимов: «Без бою, без драки, без кроволития»; 3) повторение путем отрицания протовоположности: «А и холост хожу, не женат гуляю»; 4) повторение слов и выражений с нарастанием: «Калика эта старая, эта старая калика да седатая, седатая калика да плешатая» и др. Удерживая внимание на смысле повторяемых слов или путем нагнетания новых признаков постепенно разворачивая образ, повторения помогают более острому восприятию и сообщают образу художественную четкость.

Широко применяются в былине и сравнения, параллелизмы и постоянные эпитеты. В них мы часто находим не только отражение определенных эстетических вкусов (поле чистое, белая березка, красное солнышко), но и указания на историко-бытовые и социальные черты и исторические отношения (печка муравлена, терема златоверхие, бояра толстобрюхие, славный великий Новгород, татарин поганый и др.).

Былина издавна была связана с музы-

кой. Встарину она не только пелась, но и сопровождалась игрой на гуслях. В крестьянской среде она лишь поется, обычно одним лицом, значительно реже хором. Этот последний способ исполнения существует главным образом у казаков. В противоположность песне напев былины не так крепко и органически связан с текстом, он является лишь средством его подачи. Напев может сопровождать различные былины, так же как самый текст может легко быть оторван от напева и существовать отдельно от него. Но в то же время освобождение былины от напева влечет за собой обычно разложение былины. Она теряет четкость своего ритма, рассказ становится более свободным, приближается к прозаическому пересказу.

Напев формирует стихотворный ритм былины. Стих принадлежит к типу «вольного стиха», не укладываясь в строгие рамки классических размеров. В большинстве случаев он характеризуется четырьмя главными ударениями, из которых последнее, представляющее некоторое отягчение последнего слога, при пении обычно протягивается: «Из того ли то из города из Муромля́, из того села да с Карачирова́...» Но так как ударение последнего слога легче, чем третьего с конца, то окончания былинных стихов воспринимаются как дактилические. Рядом с таким преобладающим типом былинного стиха есть другие —

с меньшим количеством ударений и с двухсложными окончаниями. Такого рода стих формируется и более короткими, быстрыми напевами. Рифмы постоянной в былинах нет, она появляется лишь в результате синтактического параллелизма и чаще всего представляет неполное созвучие — ассонанс.

Там пехотою никто тут не прохаживат,
На добро́м кони никто тут не проезживат,
Птица, черный ворон не пролетыват,
Серый волк да не прорыскиват.

То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются.

(Гильфердинг, № 74)

Ассонансы и другие звуковые сочетания мы встречаем часто и в середине былинного стиха.

Различное использование и применение указанных нами художественных средств выражает личную творческую манеру. Но былина несет на себе не только следы индивидуальной поэтической деятельности. Мы наблюдаем также наличие определенных художественных школ в пределах того или иного района. Так, например, отмеченный выше социальный элемент в характеристике Алеши Поповича различным способом используется в плане ком-

позиционном. В прионежской группе былин он обычно включается в былину о Дюке Степановиче, в которой социальные черты Алеши становятся препятствием для посылки его на опись «животов Дюковых».

Его глазищецка поповские,
Поповские глазищецка завидливы;
А ему оттоль с Индеи да не выехать!

В вариантах же, записанных на Мезени, этот мотив вносится в былину о Добрыне и Алеше, где указанными чертами Добрыня обосновывает свой запрет жене выходить в случае его гибели за Алешу.

Вопрос о художественных школах в былевом эпосе совершенно не разработан, так же как не изучен и не выяснен вообще областной тип былины. Мы видели, что былина впитала в себя целый ряд черт, идущих от различных социальных групп в различные исторические эпохи. На последнем этапе своего бытия в крестьянской среде она тоже получает отпечаток социальной среды определенной местности, в которой бытует. Так не случайным является в былинах, записанных в Средней России и в Поволжьи, в районах крепостного землевладения, упорная замена «древнего боярина» — «барином» или внесение в традиционную

---

[1] Гильфердинг. Онежские былины, № 152, СПБ., 1873.

формулу похвальбы на пиру следующего сословного штриха: «Барин хвалится своими крестьянами». Интересно также сплетение в северных былинах черт южного пейзажа, сохраненного крепкой традиционностью былин, с географическими бытовыми чертами севера. «Раздолице чистое поле», «дуб кряковистый», часто совершенно неизвестные северному крестьянину, перемежаются со «щельями-каменьями», «мхами и болотами», «мелкими озерками», полями, на которых пахарю Микуле приходится «вывертывать» камешки, — типичные черты северного, в частности карельского пейзажа.

5

Основные массивы эпического наследия были открыты преимущественно на севере: в районе нынешней Карелии и в Северном крае: в бывшей Архангельской и отчасти Вологодской губерниях, по рекам Ваге, Онеге, Пинеге, Мезени, Печоре, в Поморьи, на Торском и Зимнем берегах Белого моря. Кроме того былины оказались еще у казаков — донских, терских и оренбургских, в Поволжьи и, наконец, в Сибири, как Западной, так и Восточной. Во все эти места былина заносилась вместе с колонизацией, идущей из Новгорода, игравшего большую роль в сложении и оформлении эпоса. Средняя Россия и Украина, места, где тоже создавалась часть былевого

эпоса или те песни, которые послужили ее основой, оказались наиболее бедны, дав всего несколько отдельных и случайных записей. Бурная смена исторических впечатлений, с одной стороны, крепостное право, с другой, привели к исчезновению здесь былинной традиции, остатки которой до нашего времени лучше всего сохранились в наиболее глухих и менее всего затронутых промышленным духом местах. Общие черты бытового уклада северных крестьян, особые условия, способствовавшие сохранению эпоса, как, например, некоторые промыслы, обеспечили здесь эту сохранность.

В средних же районах из всего эпического наследия сохранились более поздние былины балладного типа, по складу почти перешедшие в песню, и другой вид эпического творчества — исторические песни.

Но и на севере процесс постепенного угасания былинной традиции налицо. Засвидетельствованный еще первыми собирателями конца XIX века, он значительно усилился в условиях современной революционной деревни, приобщенной даже на самых отдаленных окраинах к общим интересам и заботам социалистической стройки. Этот процесс исчезновения, однако, совершается медленно и в разных местах в разной степени. В некоторых районах, как, например, в Поморьи, на Карельском

и Терском берегах, в северных частях Заонежья, знание былин чуть теплится, жалкие остатки эпоса хранятся в памяти лишь немногих преемников былого сказительства. В других районах, на Пинеге, в Южном Заонежьи и Пудожьи, былина еще бытует, но сказители исполняют ее чаще для себя; былина все больше и больше замыкается в узком кругу любителей и редко находит аудиторию за пределами семьи. Наконец, есть и такие места (Мезень, Печора), где еще в последние годы (1928—1929 гг.), былина бытовала в полной мере. Сказителей здесь было довольно много, они исполняли былины и в тесном кругу семьи, и для себя во время работы, и для односельчан. Бывали даже случаи специальных собраний для совместного пения. Знание былин зарегистрировано здесь и в среде более молодых. Отмечена также забота сказителей о пополнении своего репертуара. Однако и здесь заметно общее падение былинной традиции. Репертуар сокращается. В Усть-Цильме, по данным 1929 года, репертуар свелся к двадцати пяти сюжетам вместо сорока восьми, записанных Ончуковым. Различные степени сохранности и живучести былинной традиции обусловлены различными темпами и характером социально-экономического роста районов.

Стремление записать все, что еще сохранилось из эпического творчества, в виду

**Максим Григорьевич Антонов,
современный мезенский сказитель**

его несомненного падения, а также новые задачи, выдвинутые советской фольклористикой, требовавшие повторных изучений, привели к ряду новых обследований. Последние записи, среди которых мы находим еще целый ряд прекрасных, художественных текстов, все же в значительной своей части обнаруживают явные моменты разрушения: тенденцию к ускорению действия, что приводит к разрушению былинной обрядности и к обеднению былинного стиля, освобождению текста от напева, при котором текст подвергается опрозаичиванию, и т. п.

Медленность угасания творчества, идеалы и образы которого — глубокая архаика, говорит с несомненностью о том, что былина заключает в себе какие-то жизнеспособные элементы, долго удерживавшие ее от окончательного исчезновения. Мы уже видели, что былевой эпос включает ряд таких идеологических моментов, которые были привнесены в него оппозиционно настроенными слоями: отдельные ноты социального протеста, критика господствующих классов, бунтарство против устоев. Благодаря этому некоторые мотивы и образы могли наполняться новым содержанием и становиться близкими передовым слоям крестьянства.

Былина как одно из самых значительных явлений фольклора вызвала обширную научную литературу. Ее богатое истори-

ческое, социальное и художественное содержание привлекло, как мы видели на примере былин об Илье Муромце, внимание представителей различных научных течений.

К былине также не раз обращаются поэты, писатели, художники, композиторы, вдохновляясь эпическими образами и используя их для воплощения своих творческих замыслов. На этом пути мы находим идеологов различных классов и социальных групп, насыщающих свои стилизации определенными социальными тенденциями (например, Чулков, Львов, Карамзин—XVIII и начало XIX века, Лермонтов, Ал. Толстой — XIX век, Бальмонт, Брюсов — XX век). С точки зрения художественной, эти произведения тоже далеко не равноценны. Часто мы видим слабые, слащавые, фальшивые подделки, но мы имеем и такие вершины поэтических достижений, как лермонтовская «Песня о купце Калашникове».

Эта замечательная поэма живо свидетельствует о том, каких художественных высот можно достичь путем подлинного и глубокого проникновения в богатство эпического наследия.

Проблема освоения этого наследия с большой силой выдвинута и поставлена в наши дни.

В. И. Ленин высоко ценил фольклор в художественном и социально-политиче-

ском отношении. В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич пишет: «Когда однажды зашла речь об устно-поэтическом творчестве, Владимир Ильич попросил дать ему просмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал он. — Я бегло просмотрел вот эти книги, но вижу, что нехватает очевидно рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».[1]

А. М. Горький, который неустанно подчеркивал необходимость обращаться к фольклору как к «началу искусства слова», как к богатейшему источнику высоких образов и словесного мастерства, не раз также отмечал огромное значение былинных образов.

«Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, — говорил он на Первом съезде писателей, — созданы фольклором, устным творчеством трудового народа».[2] В галерее ярких мировых образов, в создании которых, по его

---

[1] «Ленин о поэзии». «На литературном посту», 1931, № 4.

[2] Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 г. Стенографический отчет, М., 1934, доклад А. М. Горького, стр. 8.

словам, «гармонически сочетались рацио и интуиция, мысль и чувство», наряду с именами Геркулеса, Прометея и Фауста А. М. Горький называл также образы, созданные русским былевым эпосом.

А. Астахова.

БЫЛИНЫ

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А как первая была поездка Ильи Муромца
А из Мурома до Киева.
А как клал-то он да промеж собой ведь заповедь
Меж заутреней поспеть к обедне воскресенския.
А пошел-то он да на широкой двор,
А седлал, уздал своёго коня, да лошадь добрую:
Что накладывал на спину лошадиную-ту войлучок,
А на войлучок накладывал седёлышко черкальское,
Вот затёгивал-то он двенадцать отўжинок,
А застегивал-то он двенадцать пряжочок;
'шше[1] отужинки были шелкóвыя,
А как пряжочки былѝ да золочёныя,
А как шпёнышки были булатныя,
А того-то белого булата заморского, —
Что не ради-то красы, да ради крепости,
Ради тех-то приспехов богатырскиях.
Он приковывал-то палицу ко стремену булатному;

[1] Ишé, ишшé — еще.

А ка клал-то он к палице заповедь великую,
Чтобы от Мурома до Киева-то палицы-то
не отковывать.
А как одевалсе доброй молодец да в платьё
богатырское,
А прошшалсе он с отцом да с ро́дной
матушкой:
«Ты прошшай-ко-се, да мой ро́дной
батюшко!»
Он ведь лёгко скакал да на добра́ коня.
А как видели тут молодца сряжаючись,
А не видели-то ёго поездки богатырския.
Он поехал из города из Мурома,
Из того жо села да Карачаёва.
А как подъезжаёт к городу к Черні́-
городу, —
Тут стоит-то под Черни-городом сила
великая,
А хотят-то розбить, розорить-то город
Чи́женец,
А божьи́ церквы хочут да под конюшни
взеть.
А сидит-то старой на добром кони́ да при-
задумалсе:
«А что клал-то я собе-то заповедь вели-
кую,
Что от Мурома до Киева да палицы-ты
не отковывать;
Как прости меня, господь, да в таковой
вины!
Я не буду боле-то класть заповеди великия».
Отковал-то он ведь палицу тяжелою,
Он ведь постёгал коня да по крутым бедрам,

А заехал во ту силу великую;
А да вперёд махнёт, дак сделат улицей,
А назад махнёт — дак переулками;
Коё бьёт, больше конем всё мнёт.
Он прибил, притоптал всю силу великую.
А как стречают, мужики-ти города Черни-
города,
А стречают, отпирают ёму ворóта
городóвыя,
А стречеют, ёму низко клáнетсе:
«А приди ты к нам хошь князём живи
в Черни-городе, хошь боярином,
Хошь купцом у нас слови, гостем торговыма.
Мы ведь много даи́м тебе золотой казны
несчётныя».
Говорит-то старой таковы речи:
«Не хочу-то у вас-то жить не князём, не
боярином,
Не купцом, гостем торговым жа;
Мне ненадобно-то ваша золота казна
несчётная:
Золотой казной мне ведь не откупатисе!
Тольке вы скажите в красен-от Киев-град
дорожку прямоезжую:
Кольке времени ехать какой дорогою?» —
«Прямоезжой дорогой надоть ехать три
месяца,
А окольною дорогой надоть ехать три года;
Заросла-то прямоезжая дорожка равно
тридцать лет,
Заросла-то она лесым тéмным жа;
А как есть на ей три заставушки великия:
А как перва-та застава — лéсы тéмныя,

А втора-та застава — грези чёрныя,
А как третья-та застава есть ведь реченька
Смородинка,
А у той-то у речки есть калинов мост;
А тут есть-то, тут Соло́вьюшко живёт
Рохма́ньёвич;
А сидит-то Соловьюшко да на девяти дубах,
А как ревёт-то Солове́юшко да по-звериному,
А свистит Соловейко по-соловьиному,
А сидит-то собака, шипит он по-змеиному.
А не конному, не пешому проходу нет,
А не серому волку́ прорыску нет,
А не ясному соко́лу проле́ту нет». —
«Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку
прямоезжую!»
Он поехал по той дороги прямоезжою.
А как он приехал к лесу те́мному,
Сходил-то он да со добра́ коня,
А лево́й рукой-то он коня ведёт,
А право́й рукой дубье рвёт да ведь
с ко́ренём,
С коренём рвёт да ведь мост мостит:
Он проехал-то лесы те́мныя,
А проехал-то он да гре́зи че́рныя,
А доехал до той жа реченьки Смородинки.
Как увидял ёго Соловьюшко Рохма́ньёвич,
Зашипел-то Соловьюшко по-соловьиному,
Заревел-то Соловьюшко да по-звериному,
Как ведь зашипел он Соловьюшко
по-змеиному;
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
А сыро́ дубьё да пошаталосе;
Как потнулсе ёго конь, на колени пал,

А от того от свисту соловьиного,
А от рёву-ту он от звериного.
А как бил он коня да по крутым бедрам:
«Ужь ты волчья пасть[1] да травяной мешок!
Не слыхал ты разе свисту соловьиного,
Не слыхал ли ты реву звериного,
А не слыхал шипотку-ту всё змеиного?»
А как брал-то он да свой розрывчат лук,
Натягал-то он тетивоньку шолко́вую,
А накладывал-то он стрелочку калёную,
Сам ко стрелочки да приговаривал:
«А лети моя стрела да по-под-небёса,
А не падай не на воду, не на землю, не в сы́рой дуб,
А пади-тко-се Соло́вьюшку во правой глаз».
А как полетела стрелочка да по-под-небёса,
А как падала стрела не на воду, не на землю, не в сы́рой дуб,
Она падала стрелочка Соловьюшку во правой глаз.
А как падал Соловьюшко да на сыру землю;
Подъезжал тут старая стари́ньшина да под Соловьюшка,
А приковывал-то Соловьюшка да за белы́ руки,
Подымал Соловьюшка да на добра́ коня,
А приковывал ёго ко стремену булатному,
А подымал он Соловьюшка-то на добра̀ коня;
А поехали они ко городу ко Киеву.

---

[1] Вместо «сыть». *Примеч. собир.*

А как мимо ехали Соловьево высокое
подворьицо,
А высокое-то дворьицо, высок терем;
Как увидели Соловьюшка да ро́дны дочери,
А больша-то говорит: «Как батюшко-то
едёт, мужика везёт».
Да втора-то сёстра говорит: «То — мужик-
от едёт, везёт батюшка».
А как едут они к Соловьюшку да к широку́
двору,
Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотела убить да Илью Муромця;
Подхватил-то стары́й казак да Илья Муро-
мець да подворотину,
Ухватил-то ей да из белы́х-то рук;
Тут он хватил своё востро́ копьё,
А сколол-то его большую дочь.
Говорит Соловьюшко Рохманьёвич:
«Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!
Не грубите, не гневите сердца
богатырского;
Выкупайте мня да из неволюшки:
Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
А три-то мисы чиста се́ребра,
Насыпайте три-то мисы меди, всё
коза́рочки».
А поехал он ко городу ко Киеву,
А не зашел-то он к Соловьюшку в высок
терем.
А приехал в славной Киев-град,
Ко ласкову приехал князю на широкой
двор,
Как ведь соходил-то со добра́ коня,

А вязал-то коня да середи двора,
Середи двора к дубову столбу да к золоту
кольцу;
Как заходит на крылечико косисчато,
Со красна́ крыльца в полаты княженецкия;
А он крест-от кладёт да по-писа́ному,
А поклон-эт ведёт да по-учёному,
А как бьёт челом-ту князю во рученьку
во правую:
«Уж ты здравствуй, князь Владимер
стольне-киевской».
«Уж ты здравствуй-ко, дороднёй доброй
молодец!
Я не знаю твоёго не имени, не отчины —
Величеть тебя по имени, называть по
отечеству».
А князям, боярам всё — во левую.
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй
молодец!
Ты садись-ко за ти столы окольния,
А за ти жа за скатерти за браныя,
А за кушанья за розноличния».
А как сел-то Илеюшка за столы за
белоду́бовы.
Как от-пир идёт наве́сели,
Красно-то солнцё идёт на е́сени,
А как красно-то солнцё идёт ко западу,
Ко западу идёт, ко за́кату;
А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны,
веселы,
Пьяны, веселы сидят, хвастают:
А как всё богатой-от хвастат золотой
казной.

Иной-от хвастат широки́м двором,
Как иной-от хвастаёт добры́м конём,
Сильн-ёт хвастат своей силою,
Умной-от-то хвастат родным батюшкой,
А разумной-от хвастат ро́дной матушкой,
А неразумной-от ведь хвастает родно́й сестрой,
А как глупой-от хвастат молодой женой.
Как Владимер-от по гридни-то похаживат.
А белыма-ти ручками розмахиват,
А желты́ма-ти кудрями принатряхиват.
А как сам он говорил да таковы слова:
«Уж ў мня вси-то на пиру пьяны, веселы,
Ишше вси у мня на честном хвастают;
А как приезжай-от гость сидит, нечи́м не хвастаёт.
Уж ты что жо, дороднёй молоде́ц, нечи́м не хвастаёшь?» —
«А как чим-то я буду всё ведь хвастати?
Ише тим рази ведь я похвастаю, —
Промежду заутренёй, обедней воскресенския
Хотел-то я приехать из города из Мурома,
Из села-то приехать Карачеева.
А как ехал тут-то я путем-дорогою,
А стоит под городом Черни́-городом сила великая,
А великая сила, немалая;
Я тут побил ту силушку великую;
А приехал я ко городу Черни-городу
А спросить у мужиков города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоезжую.

Указали мне дорожку прямоезжую, —
Ишше тридцать лет по етой дорожочки
не езжено;
Ишше было на ей три заставушки великия:
Как перва-то застава были ле́сы те́мныя
да гре́зы че́рныя;
Как приехал-то тут к двум заставушкам,
А сошел-то я со добра́ коня,
А лево́й рукой коня веду, право́й рукой
ду́бьё рву,
А как дубьё-то рву да со̂всем с ко́ренём;
Как я проехал тут да гре́зи че́рныя да ле́сы
те́мныя,
А приехал к третию̑ заставушки,
Я приехал туто к реченьке Смородинке,
А сидит-то Соловьюшко Рохманович,
Да сидит-то вор-собака на девяти дубах:
Я его состре́лил с девяти дубов»,
Тут-то закричели князи, бо́яра:
«Уж ты гой еси, мужичонко, приехал,
задле́ньшина ты, деревеньшина».
А как тут ста́рому казаку за беду да
показалосе:
«Уж вы гой еси, бояра кособрюхия!
А сидит-то у меня Соловьюшко да на
добро́м кони.
На добро́м кони, у князя середи двора,
А прикован у мня ко стремену́ булатному».
Говорил-то тут Владимер-князь:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодец!
Навеку́ я не видал Соловьюшку
Рохманьёва,

Не слыхал я ёго свисткотку́ соловьиного.
А не слыхал-то я рёву звериного,
А не слыхал-та я да шипотку змеиного.
А покажи-тко-се мне Соловьюшко
Рохманьёва,
А заставь его свистеть-реветь да
по-звериному,
Шипеть ёго да по-змеиному».
Пошли они да на красно́ крыльцё;
Выходили тут бояра кособрюхия
А смотрить, слушать рёву соловьиного-
змеиного.
А как говорит-то старый казак да Илья
Муромец:
«Уж ты гой еси, Соловьюшко Рохманович.
Ты свисти-тко-се пол-свисту соловьиного,
А реви-тко-се пол-рёву ты звериного,
Ты шипи-тко-се пол-шипотку всё
змеиного».
А не послушал он да Ильи Муромца,
Засвистел-то он во весь свист-от
соловьиныя,
Заревел во весь-то рёв звериныя,
Как зашипел он во весь-то шипоток
змеиныя.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
Полаты княженецки зашаталисе,
А как у князя резвы ножки подломилисе,
Буйна голова с плеч да подкатиласе.
Захватил князя Илья Муромец во праву
руку к себе под пазуху,
А княгину захватил под руку-ту всё под
левую;

А как дёржит-то их в охапочки.
Как бояра-ти испопадали да вси ведь замертво.
А как закрычал стары́й да зычним голосом:
«Уж ты гой еси, вор-розбойник Соловей Рохманьёвич!
Тебе полно реветь да по-звериному,
Перестань свистеть по-соловьиному,
Перестань шипеть да по-змеиному».
А как тут бояришка поверили, забоелисе.
А как соходил стары́й со красна́ крыльца,
А отковывал от стремена булатныя,
А отсек Соловьюшку-ту буйну голову.
А как Соловьюшку у князя на двори да смерть кончаласе.

БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

А во да́лече, дале́че во чисто́м поли
Там ведь стоял-то шатёр белой поло́тняной;
Да во том во шатру новом поло́тняном
Было жило пять могучиих бога́тырей:
Что перво́й-от бога́тырь Ва́нюшко, боярской сын,
Да второй-от Ванька, енеральской сын,
Да трете́й-от Олёшенька, поповской сын,
Да четвёртой Добрынюшка Никитич млад,
Ише пятой-от — старая старыньшина,
Ише старая старыньшина Илья Муромец,
Илья Муромец был, да свет-Ивановиц.
Пробужаитсе Илья да от крепко́го сну;
Он свежо́й водой ключе́вой умываитсе,
Тонким белым полотенцом утираитсе,
Он ведь молитсе всё спасу пречистому
Да царице небесной богородице;
Ён выходит на широ́ку светлу улицу,
Он берёт свою трубочку подзорную,
Он ведь смотрит на чётыре во вси стороны:
Что во да́личе, дале́че во чисто́м поли,
Там ведь ездит бога́тырь по чисту́ полю,

Иише ездит по чисту́ полю, полякуёт;
Он ведь ме́чёт всё палицу тяжелую,
Он ведь ме́чёт-то палицу сорока пудов,
Он берёт-то едной рукой, с коня нейдёт,
Не'станови́т он своёго коня доброго;
На кони-то сидит будто сильнёй бугор.
Иише тут-то Илья Муромец при-
ужа́хнулся,
Приужа́хнулся, со страху прироздумался:
«Мне кого бы послать-то во чисто́ полё,
Во чисто́ полё послать мне, попроведати?
Мне послать ведь разве Ва́нюшу боярского, —
Не простых-то родо́в, — роду боярского,
Утеряёт в чистом по́ле буйну голову.
Мне послать ведь разве Ваньку
инирального, —
Енирального роду пришел, нежного;
Утеряет-то в чистом поле буйну голову;
Да послать разве Олёшеньку Поповица;
Он ведь роду как всё поповского, —
Потеряет в чистом поле буйну голову;
Мне послать разве всё брателка крестового
Как того ли Добрынюшку Никитича».
Услыхает Добрынюшка таковы речи;
Он ведь скоро выходит из бела́ шатра,
Он ведь скоро седлат-то своёго коня
доброго,
Он седлат, всё убират коня богатырского:
Он двенадцать шолко́вых упружинок
засте́гиват;
Иише сам он коню да приговариват:

«Уж ты шолк всё не рвись, да ты убор не гнись!»
Но не ради красы, да ради крепости,
Ради силы своей да богатырския.
Как поехал Добрынюшка во чисто́ полё.
Не наехал бога́тыря в чисто́м поли́;
Он поехал Добрынюшка поближе ко синю́ морю
И увидял бога́тыря всё пресильнёго;
Он скрычал ведь, бога́тырь',[1] во всю голову:
«Ты постой-ко, бога́тырь, сам ты мне скажись,
Ты скажись-ко мне, богатырь ты могу́чёй жа;
Подъезжай ко мне поближе, мы как съедемсе».
Как услышал бога́тырь таку похвальбу,
Поворачиват своёго коня доброго;
Как зары́снула[2] у коничка права́ нога, —
Мать сыра-та земля да потрясаласе,
Ише си́нёё море зволновалосе,
Из озер, из рек вода да поливаласс.
Ише тут ведь Добрынюшка испугаитсе;
Подломились у Добрынюшки ножки резвыя,
Приупали у Добрынюшки ручки белыя,
Приудрогло у Добрынюшки ретиво́ сердцо́,
Помутились у его-то очи ясныя,
Прокатились у ёго жо горючи́ слёзы:

---

[1] Вместо «богатырю». *Примеч. собир.*
[2] Задела за землю, за корешок ли. *Примеч. исполн.*

«Уж я скольки по чисту́ полю не езживал, —
Уж я эдакого бога́тыря не видывал».
Поворачивал Добрынюшка добра́ коня
Ко своёму-ту он да ко белу́ шатру,
Ён поехал-то всё прочь ко белу шатру.
Как стречат-то старыньшина Илья Муромец;
Недосуг Ильи коня учясывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцать шолковыих опружинок засте́гивать;
Ише сам говорит да таковы реци:
Ише мне-ка во чисто́м по́ли смерть не писана;
Я поеду с бога́тырем побра́таюсь,
Я поеду с могучим поздороваюсь».
Приезжает Илья да во чисто́ полё;
Он наехал бога́тыря в чисто́м поли́;
А богатырь-то ездит, забавляитсе,
Он как детскима-боярскима забавами;
Ишше сам-то он палице приговариват:
«Приклоню-ту свою палицу тяжелую,
Приклоню-ту я тебя прямо на красён Киев-град,
Как на матушку тебя, да каменну́ Москву».
Ишше те слова ведь старой ведь старыньшины
За беду-ту ёму стали за великую,
Приезжаёт к бога́тырю близёхонько,
Он ударил своей-то ведь палицей тяжелою,
Он ударил богатырю по буйно́й головы.
Как бога́тырь-то сидит, сидит не думаёт,
Он не думаёт сидит-то, сам не обёрнитсе

Не обёрнитсе сидит, да не згленёт же.
Ише тут ведь Илья да призадумалсе:
«Разве силушка у мня уж не попрежному,
Не попрежному сила, не по-старому?»
Он отъехал всё за́ вёрсту за мерную,
Он нашел в поли́ горючей серой камешок,
Он ударил по ка́мешку палицёй тяжелою; —
Разлетелся-то камень на мелки́ куски.
Подъезжат опять к богáтырю во второй
након,
Он ударил его по буйно́й головы;
Ай богáтырь-то сидит, всё не думаёт.
Ище тут опять Илья да отъезжает прочь;
Он ударил ведь в камень во второй
након, —
Разлетелся ведь камешок в мелки́ куски.
Приезжает к богáтырю во третéй након.
Он ударил-то палицей по буйно́й головы;
Да тогда-то богáтырь усмехнулся-то;
Тут не лютоё зéльё разгорелосе,
Богатырско-то сердцё роскипелосе;
Говорит-то Илья Муромець таковы слова:
«Уж ты гой еси, богáтырь ты могучёй же!
Уж мы съедимсе с тобой разве, ударимсе».
Они съехались с им да всё ударились;
Вострых сабельки у их да поломалисе,
Востры копьица у их всё потупилисе
Всё от ихных же лат да богатырскиих;
Ише стали они да рукопашкою;
Ише мáстёр Илья-то да был боротисе;
Подкорю́чил богáтыря правой ножочкой;
Ище пал-то богáтырь на сыру землю,
Мать сыра земля-то потрясалась.

Он ведь хочёт пороть да груди белыя;
Ише сам он Илья-та ведь Муромец
пороздумалсе:
«Я спрошу ведь у богатыря, росспрошу
про то».
«Уж ты гой еси, дороднёй ты доброй
молодец!
Тебе много ли от роду-ту тебе есть годов?» —
«А годов-то мне от роду-ту всё двенадцать
лет».
«Ты ведь чьей же земли да чьёго города,
Ты чьёго жо отца, ездишь, да чьей
матушки?»
Говорит-то дороднёй-от доброй молодец:
«Кабы сидел-то я у тебя да на белы́х
грудях,
Не спросил бы я у тебя не роду, не
племени,
Не спросил бы не города, отца-матушки;
Я колол бы твои-ти да всё белы́ груди,
Посмотрял бы твоё-то ретиво́ сердцо».
Говорит-то Илья Муромец во второй
након,
Говорит-то ёму да во трете́й након:
«Уж ты чьей же земли да чьего города,
Ты какого отца, какой матушки?»
Говорит-то дородней доброй молодец:
«Уж я города всё ведь я неверного,
Уж я сын-то Маринки все Кайдаловки,
Да котора живёт во земли неверныя,
Получаёт она пошлину великую
Как с того-ли со князя-то со Владимира
Что за ти-ли за чёрны-ти его ка́рабли;

А меня она послала всё на святую Русь,
На святую меня Русь-ту, всё в каменну́
Москву
Отыскать тебя, старого, седатого;
Не дошод, она велела, всё низко кланитьсе,
Называть тебя велела всё ро́дным
батюшком;
Да дала она перстень на праву́ руку́».
Как увидел-то старая стариньшина,
Он ведь свой ведь увидел всё именной
перстень,
Он со той-ли со 'ставочкой драгоценною,
Он ведь брал-то его да за праву́ руку,
Целовал он его в уста саха́рныя:
«Как моё ты, моё чадо милоё,
Чадо милоё моё ты, всё любимоё,
Ты ведь мла́денькой мой всё
Подсо́кольничок!»
Целовал он в уста-то его в саха́рныя,
Он ведь стал-то ёму скоро ра́ссказывать:
«Я ведь был-то ходил-то да по синю́ морю;
Замётало-то меня погодушкой великою;
Я тогда подарил перстень твоей ро́дной
матушке:
«Како́го ты родишь, да тому отдай:
Хошь ты сына родишь, быват, ясна
сокола,
Хошь ты дочку родишь, ты красну
девицу».
А поехали они тогда во бело́й шатёр;
Как на радости пили да трои суточки.
Подсокольничок-то ведь на ёго зло думаёт,
Зло-то думаёт он, чтобы зло бы сделати:

«Не послушаю я матушки наказаньица, —
Ухожу я своёго-то родна батюшка!»
Как ведь тут же Илья всё как заспал же,
Как крепки́м-то сном заспал богатырским же;
Ише взял Подсокольничок-от востро́ копьё,
Как направил ёму всё в ретиво́ сердцё;
Сохранил ёго господь-от, всё помиловал;
Розлетелось копьё-то Ильи-то в белы́ груди;
Ише был-то у ёго на шеи навешан золотой же крест,
Золотой-от ведь крест был во вси груди;
Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсе.
Он ведь взял Подсокольничка за жолты́ кудри,
Он бросал-то его-то ведь высо́ко же,
Он ведь выше ёго-то лесу стоячёго.
Он пониже всё облака ходе́чего;
Он ведь тут-то его же не убил вовсё;
Привязал он к своёму[1] к добру́ коню;
«Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольничка во своё место,
Чтобы не ездил к нам больше во чисто́ полё.
Во чисто́ к нам полё, чтобы в красён Киев-град;
Не допушу ёго до матушки славной каменно́й Москвы».

---

[1] То есть к его коню, Подсокольника.

Побежал-поступал-то тут ведь доброй
конь,
Прибегал-то к родимой его матушки.
Ён крычал-то скоро ведь да зычным
голосом:
«Уж ты гой еси, матушка родимая!
Ты родимая моя, матушка любимая!
Ты отворь-ко мне косисчато окошочко,
Посмотри-тко на своёго чада милого;
Ты велела ведь мне-ка старому низко
кланетьсе;
Ише стар-от ведь надо мной как
надругалсе-то:
Привязал-то меня взял ко добру коню;
Розвяжи ты меня, маменька, скорё-
шенько».
Розвязала она его скорёшенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
«Уж ты было ли, чадышко, на святой
Руси?»
Он ведь взял своё-то всё востро́ копьё,
Он ведь матушки-то ударил всё ведь
в белу грудь;
Ишше тут ведь она-то скоро́ предста-
вилась.
Ише сам-то собака похваляитсе:
«Уходил-то теперече ро́дну матушку;
Как теперече мне будёт воля вольняя.
Заполоню ту все я русския че́рны ка́рабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многи́х
людей;
Разышу-то тогда жа Илью Муромца,
Отсеку я по плёц ёму буйну голову».

Как пришло-то об одну пóру, прикатилосе,
Уже и сотня чернёных-то пришло кáраблей;
Захватил-то он, вси-то зáбрал-то,
Заполонил он народу всего да православного.
Как приходят ёрлычки скоро скорописьчаты,
Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
Что во матушку приходят в каменну Москву:
«Захватил-то Подсокольничок чёрны кáрабли,
Заполонил-то Подсокольничок людей добрыих.
Да матросичков он да всих карабельшичков»
Как недолго тут Илья, немного он роздумыват,
Он скорёхонько-скоро да собираитсе;
Он ведь скоро поехал тут к Подсокольничку,
Он прибил всех со старого до малого,
Он отсек у Подсокольничка буйну голову,
Пригонил вси чернёны-ти свои кáрабли
Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Приезжал Идолище поганое в стольно-
Киев град,
Со грозою, со страхом со великиим,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
Посылал посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру
И говорил посланник таковы слова:
«Ты, Владимир, князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой
великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться».
Тут Владимир князь ужа́хнулся,
Приужа́хнулся да и закручинился.
Говорит Илья та́ковы слова:
«Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана,
Поеду я в раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганого».
Обул Илья лапо́тики шелковые,
Подсумок одел он черна бархата,

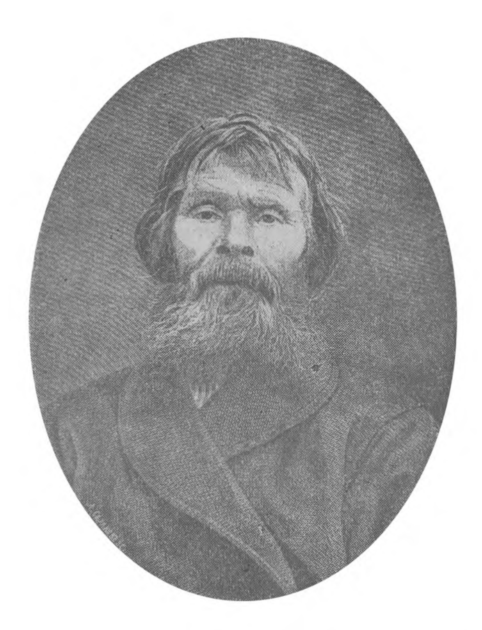
На головушку надел шляпку земли
греческой,
И пошел он к Идолищу ко поганому.
И сделал он ошибочку не малую:
Не взял с собой палицы булатния,
И не взял он с собой сабли вострыя.
Идет-то дорожкой — пораздумался:
«Хошь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка не вре-
мячко,
И с чим мне с Идолищем будет попра-
виться».
На ту пору, на то времячко
Идет ему встрету каличище Иванище,
Несет в руках клюху девяноста пуд:
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мне клюхи на времячко,
Сходить мне к Идолищу к поганому».
Не дает ему каличище Иванище,
Не дает ему клюхи своей богатырскоей.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Сделаем мы бой рукопашечный:
Мне на бою ведь смерть не написана, —
Я тебя убью, мне клюха и достанется».
Рассердился каличище Иванище,
Здынул эту клюху выше головы,
Спустил он клюху во сыру землю.
Пошел каличище — завбрыдал.
Илья Муромец едва достал клюху из
сырой земли,
И пришел он во палату белокаменну

Ко этому Идолищу поганому,
Пришел к нему и проздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
«Ай же ты, калика перехожая!
Как велик у вас богáтырь Илья Муро-
мец?»
Говорит ему Илья таковы слова:
«Толь велик Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:
«По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьет?»
Говорит Илья таковы слова:
«По стольку ест Илья, как и я,
По стольку пьет Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:
«Экой ваш богáтырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю».
Говорил ему Илья таковы слова:
«У нашего Илья Муромца батюшка был
крестьянин
У ёго была корова едучая:
Она много пила-ела и лопнула».
Это Идолищу не слюбилося.
Схватил свое кинжалище булатнее,
И махнул он в калику перехожую
Со всея со силушки великия.
И пристранился Илья Муромец в сторо
нушку малешенько,
Пролетел его мимо-то булатний нож,
Пролетел он на вонную сторону с про-
стеночком.

У Ильи Муромца разгорелось сердце богатырское,
Схватил с головушки шляпку земли греческой
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на полы.
Тут ему Идолищу славу поют.

ИЛЬЯ В ССОРЕ С ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнё-Киевской
Ай сделал как задёрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для богáтырей,
А для тых богáтырей да русскиих,
Чтобы всяко званиё да шлó туды,
А на тот, на тот да на почестный пир,
А к стольнёму князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего да лучшего богáтыря,
А старого казáка Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть.
И тут-то Илья да роззодорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой тýгой лук,
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздýмался:
«А что мне молодцу будé поделати?
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец есть раздрáженной».
Как он-то за тым тут повы́думал,
А стрели́л-то он тут по божьи́м церквам,
А по тым стрели́л по чудны́м крестам,



Трофим Григорьевич Рябинин, заонежский сказитель второй половины XIX в.

А по тым маковкам золоченыим.
Да пали тут тыи маковки,
Да пали тут, отпали на сыру землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
«Да ай же вы были го́ли мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскии!
А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси.
А обирайте маковки вси золоче́ныи.
А подёмте-ко вы да со мной еще,
А тот-то на тот да на царе́в кабак,
Как станем нунь пить да зелена́ вина,
Да станем-то пить да заодно́ со мной».
Да как тут-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царскии,
Обирали маковки тыи золоче́ныи,
Самы оны к ёму да прибегают все:
«А батюшко ты да отец наш был!»
А пили тут оны да зелено́ вино,
Как пили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-та пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скоры́м-скоро,
А скоры́м скоро́, скоро́ скоре́шенько,
А сделал он задернул тут почёстный пир
А для старого каза́ка Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями со бояры со русийскима,
А со тыма со могучима бога́тырмы:
«А думайте́-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте́-тко, братцы, думу крепкую,

А думайте думу, не продумайте:
А нам кого будет послать да Илью позвать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А старого казáка Илью Муромца?»
А как тут-то они да думу думали:
«А нам-то есть кого послать Илью позвать?
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыи,
А крестовыи-то братец да названыи,
Дак он-то, быват, его послушает».
Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу да крестовому,
Да как здравствует он братца да крестового:
«А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,
А крестовый братец мой названыи!»
Да как старыи казак Илья Муромец,
Да как он-то его да также здравствует:
«Ай здравствуй-ко, брат мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?»—
«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было рáньше того,
А раньше того дело поделано,
А пописи были пописаный,
А заповеди да пополóжоный,
А слушать-то брату да мéньшому,
А мéньшому слушать брата бóльшого.
Да еще-то как у нас да éсте с тобой,
А слушать-то брату ведь бóльшому,

А й большому слушать бра́та ме́ньшого».
Да тут го́ворит Илья таково слово:
«Ах ты, братец да мой да был крестовыи!
Да как нунечку топеречку у нас с тобой
А все-то по́писи да были ведь попи́саны,
А заповеди были пополо́жены,
А слушать-то брату ведь ме́ньшому,
А ме́ньшому слушать да бо́льшого,
А бо́льшому слушать брата ме́ньшого.
Кабы не братец ты крестовый был,
А не́кого бы я не послушал зде!
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца я названого.
А тот ли-то князь стольнё-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя братец же послушаю».
Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старыи казак да Илья Муромец,
А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
А со братом со своим до со крестовыим.
А давают ему тут место не ме́ньшое,
А не ме́ньшое место было — бо́льшое,
А садят-то их во больше́й угол,
А во больше́й угол да за больше́й-от стол.
Да как налили тут ча́ру зелена́ вина,
А несли эту чару́ рядо́м к ему,
А к ста́рому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару едино́й рукой,
А выпил он чару во единый здох.
А другу́ наливали пива пьяного,
А несли эту чару рядо́м к ему,

А принял тут Ильюша единóй рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Как третью наливали мёду сладкого,
Да принял молодец тут единóй рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Тут наелиси, напились вси, накушались,
Да стали тут оны да вси пьянёшеньки,
А стали тут оны вси веселёшеньки,
Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
А послал-то братца ко мне ты крестового,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А нéкого-то я бы не послýхал зде,
А скоро натянул бы я свой тýгой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню во столовую,
А я убил бы тя князя со княгиною.
За это я тебе-то нунь прощу
А этую вину да ту великую».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Во славном во Киеве городе,
Был сильние славные богатырь Илья
Муромец.
Он ездил да́лече дале́че во чисто́м поли,
Он ездил много времени.
Цветно платье его истаскалосе,
Золота казна у его издержаласе.
Приезжаё во Киев град,
Захотел он с пути-дорожки опохмелиться,
Приходит он во царев кабак,
Говорит чумакам целовальникам:
«Ай вы, братцы чумаки целовальники!
Я ездил долго в чисто́м поли,
Цветно платье у мня истаскалосе,
Золотая казна у мня издержаласе,
Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина безденежно».
Говорят чумаки целовальники:
«А й ты, старая собака, седатый пёс!
Да не дадим мы без денег зелена вина».
Да не много-то Илья у их спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.
Приходил он ко подвалу кабачному,

Он пинал правой ногой двери подвальнии,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другу́ю брал под другую,
Третью бочку он ногой катил.
Выходил Илья да на зеленый луг,
Закрыкал он во всю голову человичию,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
«Ай вы, братцы мои пьяницы,
Да вы, голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у мня зелена вина до́пьяна,
Да вы молите бога за старого».
Да собиралисе пьяницы голи кабацкие,
Мужики деревенские на зеленый луг,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки целовальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу соболиную,
Обливал эту шубу зеленым вином,
Сам волочил по лу́жечку зеленому,
Он ко шубы приговаривал:
«Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Судит ли мне бог волочить собаку царя Галина[1],
Да по этому лу́жечку зеленому,
А ему от моих белых рук плакати».
Услыхали эти речи чумаки целовальники,
Приходили ко князю Владимиру,

[1] Вместо Калина.

Они били челом, низко кланялись.
«Да уж ты наш свет государь-де Владимир князь!
Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо сотворилосе,
Да не знаем, кто пришел:
А чорт ли пришел, али водяной пришел
К нам на царев кабак.
Он просил зелена вина безденежно
Три бочки сороковые,
А мы безденежно ёму вина не́ дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не торазно с нами разговаривал,
Шел ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальные правой ногой,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
А другую брал бочку под другую,
Да третьюю бочку ногой катил.
Да й выходил он сударь на зеленый луг,
Закричал-де он громким голосом,
Во всю головку человическу,
Во всю силу свою богатырскую:
«А й вы, братцы мои, вы, товарищи,
Пьяницы голи кабацкие,
Мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленой луг,
Да вы пейте у мня зелена вина безденежно».
Приходили тут пьяницы голи кабацкие,
На зеленой луг,
Роспоил оно вино им безденежно.
Да скинал с себя шубу соболиную,

Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да й волочил по лужечку зеленому,
Да он ко шубы приговаривал:
«Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да судит ли мне бог волочить собаку
князя Владимира,
Да по этому лугу зеленому». —
Да нам нечем, сударь, Владимир князь,
Нечем буде за вино расчет держать».
Вскричал князь Владимир стольнё-Киевской
Своим громким голосом:
«Посадить его в пóгреб глубокие,
В глубок пóгреб да сорока сажен.
Не дать ему не пить, не есть да ровно
сорок дней,
Да пусть он помрёт собака и с голоду».
Как узнала про это честная вдовица
княгиня Апраксия,
Что посажен Илья Муромец да во глубок
погрёб,
Она сделала подкопь ту тайную,
Да во тот ли пóгреб глубокие,
Кормила-поила Илью ровно сорок дней.
Да прошел туто слух по всем землям, по
всем ордам,
Да прознали то все короли иностранные,
Что не стало во Киеве во городе
Славного богатыря Ильи Муромца.
Из той земли из Корельские
Подходил тут под Киев град
Собака Галин царь,
Со своей силой армией.
Да й не много не мало было силы нагонено,

Да колько было в лиси[1] лесу стоячего,
Да й на лесочку-то прутья весучего,
А на прутьях листочку зеленого.
Он пишё во Киев град ко князю Владимиру,
Да ли пишё к е́му со угрозами:
«А й ты, князь Владимир стольний-Киевской!
Ты пожалуй-отдай добром мне Киев град,
Без бою-то драки великие,
А если добром не дашь Киева,
То я возьму его силою,
Я князей-бояр твоих всех повырублю,
Да и княгины-боярыней живых в полон
возьму,
А тебя князя Владимира
Предам смерти скорые».
Тех-то угроз Владимир князь испугается,
Об Ильи Муромце схватается.
«Как бы был у мня жив несудимый
богатырь Илья Муромец,
Да я не слышал бы я этой угрозы
великие».
Да приходит честная вдовица княгиня
Апраксия
Ко князю Владимиру.
Она бьет челом да й поклоняется:
«Да уж ты, свет государь, наш Владимир
князь.
Да ты прости меня, я виновата есть:
Да жив-то Илья да ведь Муромец,
Он сидит во тёмном во погребе,
Я сделала подкопь тут тайную

[1] в лесе.

Да во тот ли во пóгреб глубокие,
Я поила-кормила его сорок дней».
Да говорит ей Владимир князь:
«А й же ты, честнáя вдова, княгиня
Апраксия!
Если правду говоришь, до люби буду
жаловать,
А если нет жива, буду казнить твою
голову».
Приходил князь во погреб глубокие,
Тот погреб сорока сажен.
Он приходит к Ильи, поклоняется,
Говорил-то Владимир Ильи таковы слова:
«Ты прости, сударь Ильюшенка, во пéрвой
вины,
Этому делу были виновны целовальники».
Да приходит во погреб честная вдова
княгиня Апраксия,
Да приходит Ильи поклоняется:
«А й же ты, сильний богатырь Илья
Муромец!
Послужи ты за веру христианскую,
Да и за землю российскую,
Да за славный за Киев град,
За вдов, за сирот, за бéдных людей,
За меня, молодую княгиню Апраксию,
За князя за стольнего Владимира».
Говорит тут Илья-де Муромец:
«А й же ты честная княгиня вдовица
Апраксия!
Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую.
Да и за стольние Киев-град,

За вдов, за сирот, за бедных людей
И за тебя молодую княгиню Апраксию.
А для собаки-то князя Владимира,
Да не вышел бы я вон из погреба».
Выходил-то Илья из погреба глубокого,
Он седлал-уздал своего коня доброго,
Он садился на добра коня,
Брал он в руки шалыгу железную,
Да железну шалыгу дорожную,
Да котора была весу ровно сто пудов.
Да поехал он во чисто полё,
Где стояла сила собаки царя Галина.
Только увидели молодца на коня ведь
саждаючи,
Да не увидели, куда его поедучи.
Он как взял этой шалыгой помахивать,
Да и по татарам пощалкивать,
Дак куда ли махнё — улица́ падё,
А назад отмахнё — переулици,
Да исприбил он всех до единого.
Приезжал ко шатру-де он царскому,
Да он берёт-де в полон самого царя Галина,
Предал его смерти скорые.
Да тем решилося царство татарскоё,
Покорилась земля-де Корельская
Да стольнёму князю Владимиру,
Да стали тата́рове
С той по́ры дань платить,
И тем это дело прикончилось.

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ

Не по матушке было по Невы реки,
Тут плыли, выплывали два гнеды тура,
Кабы встречу им матушка родимая,
«Уж вы здравствуйте, туры, да дети
малые!» —
«Уж ты здравствуй, матушка родимая!
Кабы ты-же турица златорогая!» —
«Уж вы где-же туры да были-спобыли?
Вы чего-же туры да много видели?» —
«Ож мы были-то, матушка, во Шахове,
Уж мы были, восударына, во Ляхове,
Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле с угла на угол,
Стольнё-Киев-де град да из конца в конец;
Не какого чудышко не видели,
Только видели чудышко не малое,
Как не малое чудо превеликое:
Выходила тут девица младо-красная,
Да в одной она рубашочке без пояса,
Да в одных она чулочках без башмачиков,
Приходила она да ко Почёв-реки,
Да брала она книгу да лис евангелиё,
Приходила она да ко Почёв-реки,
Забродила она да по колен в воду,
А еще того поглубже выше пояса,

А еще того поглубже до белых грудей;
Становилась ко камешку ко серому,
Она клала-то книгу на сер-горюч камень,
А стояла она да от зари до зари,
А читала она книгу от доски до доски,
Она сколько читала, вдвое плакала». —
«Ох, вы, глупыи туры, да дети малыи!
Ох, вы, глупыи туры да неразумныи!
Не девица выходила да младо-красная,
Пресвята госпожа мати-богородица.
Она чует над городом незгодушку,
Она чует над Киевом великую:
Кабы Скурла-де царь до подымаетсе,
Скурлыта-де-ка царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушком со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племенником со Киршаком;
Объявил он, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорок тысячей,
По праву руку, собаки, сорок тысячей,
По леву руку, собаки, сорок тысяцей,
Позади его, собаки, да числа смету нет.
Выезжал он, собака, на чисто поле,
Хорошо он, собака, да шатры выстроил,
Баско-хорошо, собака, да верхи выкрасил,
Во шатры-де, собака, да столы выставил,
Он писал-де ерлык да скору грамотку,
Выбирал он тотарина самолучшего,
Кой получше, побольше, попроворне всех,
Кабы сам он тотарину наговариват:
«Ты поедь-ко, удалой доброй молодец,
Через заставы едь да караульныя,

Через стены ты едь да городовыя,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придвер-
ников,
Станови ты коня да середь улицы,
Не приказана коня, да не привязана,
Заходи ты ко князю ко Владимеру,
Заходи ты во гриню во столовую,
Ты положь-ко ерлык да на дубовой стол,
Ты положь-ко ерлык, да скоро вон поди».
Как увидел-то солнышко Владимер-князь,
Он увидел ерлык да скору-грамотку,
Говорит-то тут солнышко Владимер-князь:
«Уж ты ой есь Добрынюшка Никитич сын!
Ты читай-ко ерлык да скору-грамотку».
Как читат-бы Добрынька усмехается:
«Как дают город добром, дак я добром
возьму;
Не дают город добром, дак я боём возьму,
Как боём-де возьму, да кроволитьичом,
Самого-то князя я под меч склоню,
Как Опраксию княгиню да за собя возьму,
Как соборны ихны церкви все на дым
спущу».
Кабы это-де князю да за беду стало,
За досаду показалось за великую,
Кабы стал-то тут солнышко снаряжатисе,
Кабы кунию-ту шубу на одно плечо,
А пухов-де колпак да на одно ухо,
Он пошел по городу по Киеву,
Кабы стречу ему большая подсушина:
«Уж ты здравствуй-де, бóльшая под-
сушина!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимер-князь!
Уж ты что-же идёшь да не по-старому?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясныи».
«Ох ты ой еси, бо́льшая подсушина!
Как есь у меня над городом незгодушка,
Кабы есь у меня над Киевом великая,
Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —
«Уж ты, батюшко, солнышко Владимер-князь!
Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать».
А оттоль-де-ка солнышко вперёд пошел.
Кабы встрету ему средня подсушина:
«Уж ты здравствуй-ко средня подсушина!» —
«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимер-князь!
Уж ты что-же идёшь да не по-старому?
Повеся да дёржишь буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясные?» —
«Ох ты ой есь, средняя подсушина!
Кабы есть у мня над городом незгодушка!
Кабы есть у мня над Киевом великая,
Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —
«Уж ты, солнышко, батюшко, Владимер-князь!
Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать».
А оттуль-де-ка солнышко вперед пошел.
Кабы встрету ему меньшая подсушина:
«Уж ты здравствуй ты, меньшая подсушина!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимер-князь!
Уж ты что-же идёшь не по-старому?
Повеся ты идёшь да буйну голову,
Потопя ты идёшь да очи ясныи». —
«Ох ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы есть у мня над городом незгодушка,
Кабы есть у мня над Киевом великая,
Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —
«Ох ты, солнышко, батюшко, Владимер-князь.
Ты поди-ко по городу по Киеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
На кружала ты зайди да на восударевы;
Как на той-же на печке на муравленке,
Тут лежит-де удалой доброй молодец;
Не креста у его нету, не пояса,
Не рубашочки нет на ём полотняной,
Под одной он лежит да рогозиною,
Кабы всё на вине у ёго пропито,
Во царевом кабаки да всё заложено,
Он и спит нынче тут да трои суточки».
Как оттуль-де-ка солнышко вперед пошел,
Он идёт-то по городу по Киеву,
Он заходит на царевы да больши кабаки,
На кружала заходит восударевы,
Он и смотрит на печку да на муравленку,
Он увидел удала да добра-молодца:
«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,
Молодой ты, Василей, сын Игнатьевич!
Тебе полно-ле спать да нынь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися,
Уж ставай ты, Василей, сын Игнатьевич,

Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменою».
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы кличёт-то солнышко во второй
након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно-ли спать, да нынь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися,
Уж ставай-ко, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменою».
Как на то-де Василей не ослышался,
Кабы кличёт-то солнышко во третéй након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно-ле спать, да нонь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися,
Ты ставай-ко, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменою».
А топéре Василей розбужаитсе,
От великого хмелю просыпаитсе,
Говорит-то Василей Игнатьевич:
«Уж я рад-бы служить, хоть голову
сложить,
Как болит-то моя буйна голова».
Наливаёт князь чару зелена вина,
Не большую, не малу в полтора ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкого.
На закуску колач да бел-круписчатой,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,
А берёт бы Василей единой рукой,

Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за чарой-то Васька приговариват:
«Не оммылось у Васьки да ретиво сердцо,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
А берет-де-ка солнышко во второй након,
Наливает-де чару зелена вина,
Не большую, не малу полтора ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкого,
На закуску колач да бел-круписчатой,
А берет бы Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за чарой-то Васька приговариват:
«Не оммылось у Васи ретиво сердцо,
Не звеселилась у Васи буйна головушка».
Наливаёт Солнышко во третей након,
Подаваёт-то Солнышко обема рукми,
А берет-то Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за чарой-то Васька приговариват:
«Как оммылось у Васьки да ретиво сердцо,
Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынь служить да верой правдою, —
Не креста-то у меня нет, не пояса,
Не рубашечки нет у меня поло́тняной,
Кабы нету-то у мня да коня доброго,
Кабы нету у меня сбруни лошадиноей,
Кабы нету у мня приправы молодецкоей,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нету у меня стрелочки каленоей,
Уж и нет у меня налицы буёвоей,
Кабы нет у меня копейцо бурзомецкое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,

Во царевом кабаки да всё заложено».
Как пошел тут солнышко Владимер-князь.
Он пошел к чумакам, да целовальникам:
«Ох вы ой есь, чумаки, да целовальники!
Отдавайте всё Васеньке безденежно».
Кабы отдали всё Васеньке безденежно,
Кабы стал-то Василей снаряжатисе,
Кабы стал-то Василей сподоблетисе,
Как седлал он, уздал да коня доброго,
Как садился Василей да на добра коня,
Как тугой-от-де лук да принатегивал,
Калену свою стрелку принаправливал,
Кабы сам ко стрелы да приговаривал:
«Полети-ко ты стрелочка калёная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячего,
Залети-ко ты стрелка во чисто поле,
Залети-ко Скурлы ты да глазом правыим,
Уж ты выйди-ко стрелка ухом левыим».
Как садился Василей на добра коня,
Погонил-де Василей во чисто полё,
Кабы сива-то грива да расстилаетсе,
Кабы хвост-де трубой да завиваетсе,
Кабы из роту коня да пламя мечетсе,
Из ноздрей у коня да искры сыплютсе,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Пригонил-то Василей во чисто полё,
Как приехал он на заставу татарскую,
Выбирал он тотарина самолучшего,
Как получше, побольше, потолще всех,
А схватил он тотарина за резвы ноги,
Кабы стал он тотарином помахивать,
На праву руку махнет дак цела улица,

На леву руку махнёт — с переулками:
«Хоть ты тонок на жилах — не сорвешьсе,
Хошь и сух на костьи да не изломишьсе».
Он и всю тут силушку повыкрошил,
Он и добрым конем да всех повытоптал,
Как поехал он ко князю ко Владимеру,
Приезжат он ко князю ко Владимеру.
Как заходит во гриню да во столовую,
Как садит его Солнышко за дубовой стол,
Как поит-то его да зеленым вином,
Как поит-то его трои суточки.
Собиралисе все бояре толстобрюхие,
Собиралисе ко князю ко Владимеру,
Как по полу Солнышко похаживат,
Тихосмирную речь да выговариват:
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
А чего-ж тебе да нынче надобно?
Ты бери-ко города да с пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями».
Говорит-то Василей сын Игнатьевич:
«Мне не надо города да с пригородками,
Мне не надо села да со деревнями,
Ты дозволь-ко-ся мне чего мне надобно:
Я куды-де пойду, да куды пбеду.
Мне-бы пити-де вино везде безденежно»
Говорят на то бояра толстобрюхие:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Говорит-то Василей таковы речи;
«Уж ты, Солнышко, батюшка Владимер-князь!
А еще-ле я вам Васенька понадоблюсь?»

Говорят-то бояра во второй након:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Говорит-то Василей таковы реци:
«А еще-ле я вам Васенька понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во третей након:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Как скочил-то Василей на резвы ноги,
Он схватил-то столесенки кедровыи,
Он убил всех бояр да толстобрюхиих.

СУХМАТИЙ (СУХМАН)

Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у ласкового князя у Владимера,
Тут ведь было у его собран почесен пир,
А почесён-от пир всё на весь-от мир,
На князьей-то было, всё на бо́яров,
На сильних, могучиих бога́тырей.
Ишше все на пиру да напивалисе,
Ишше вси на чесном да наедалисе;
На пиру-ту вси сидят да они хвастают:
Ишше глупой-от хвастат молодой женой,
А разумной-от хвастат ро́дным батюшком,
Разумной-от хвастат ро́дной матушкой.
Ай Владимер-от ведь по полатушкам похаживат,
Ишше сам он говорит да таковы слова,
Говорит своим могучим всем бога́тырям:
«Ише что у мня бога́тыри сидят, не хвастают?
Я спрошу же у тебя, да доброй молодец,
Уж ты русской сильнёй всё бога́тырь мой
Ише тот-ли Сухматий-свет Сухма́тьёвич:
Ты не пьёшь-то у меня, сидишь не хвастаёшь?»
Говорит-то Сухматий-свет Сухматьёвич:

«Уж ты гой еси ты, красно наше солнышко,
Ише тот-ли ты князь да всё Владимир-свет!
Я ведь тем разве тебе теперь похвастаю,
Что привезу я тебе лебёдушку всё из чиста́ поля,
Я неранену тебе, всё некрова́влёну,
Привезу тебе лебёдочку живу́ в руках». —
«Уж ты гой еси, Сухматий свет Сухматьёвич!
Привези мне-ка лебёдушку-ту завтро ты по у́тру мне-ка ранному».
Он отходит тут скоро́ почесён пир;
Ише вси-ти с пиру́ скоро росходятсе.
Тут выходит-то дороднёй доброй молодец
Что по имени Сухматий свет Сухматьёвич,
Он выходит тут из-за столов-то белоду́бовых,
Из-за тех-ли из-за скатертей шолко́выих,
Он ведь бьёт-то чёлом, кланеитсе князю со княгиною,
Что со той-ли с Опраксеей с королевичной;
Он скоре́шенько седлат своёго ко́ня доброго,
Он берёт-то всё ведь саблю свою вострую;
Поезжает во чисто́ё полё доброй молодец,
Из чиста́ поля на тихи всё на заводи.
Он не мог найти лебёдушки да не одной негде́,
Не найти их-то да он не на заводях,

Не на матушке не он на Почай-реки.
Приехал дороднёй доброй молодец:
«Эко горюшко мне теперь да добру
молодцу!
Не поеду я во красён теперь в Киев-град,
Я поеду, съезжу я теперь всё ко Непре́-
реки».
Приезжает, свет, он ко Непре́-реки:
А ведь Непре́-то-река течёт всё пому-
тиласе;
Прогово́рила она всё с им язы́ком
человеческим:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй моло-
децъ,
Уж ты сильнёй бога́тырь со святой Руси,
Ты по имени Сухматий свет Сухматьёвич!
Не гляди-тко на меня, на матушку Непре́-
реку;
Поглядишь ты на меня, да ты не бойсе
всё;
Я ведь, матушка река, из силушки по-
вышла всё:
Там стоят-то за мной, за матушкой Непре́-
рекой,
Стоит-то тотаровей поганых десять
тысячей;
Как поу́тру-ту они да всё мосты́ мостят,
Всё мосты́ они мостят, мосты́ кали́новы:
Они утром-то мостят — я ночью всё у их
повырою;
Помутилась я, матушка Непре́-река,
Помутилась-то всё да я избиласе».
Тут поехал-то дороднёй доброй молодец,

Он за матушку поехал за Непре́-реку
По тому-то всё по мо́сту по калинову;
Он ведь стал-то тотар да побивать да всё
поезживать,
Он конём их стал топтать да всё на саблю
востру брать.
Как один-от был идо́лишо поганоё.
Он стрелял-то всё в дородня добра
молодца
А в того-ли то в Сухматия Сухматьёвича;
Он направил свою всё калену́ стрелу,
Он простре́лил у его да все как правой
бок;
Ише вышла пуля-та всё в левой бок.
Тут ведь спал-то со добра́ коня дороднёй
доброй молодець
Ише тот-ли Сухматий-свет Сухматьёвич;
Он ведь взял-то травы да всё сорвал
листков,
Он обкладывал листами всё раны свои
кровавые;
Он с того-то всё ише с горя великого,
Он выде́ргивал лесину из сырой земли,
Он как стал-то лесиночкой посвистывать,
Он ведь стал-то дубиночкой помахивать;
Он прибил-то ведь поганых всих тотар-то
тут,
Не оставил он ведь силы всё на се́мена.
Да восталось дубиночки-то всё один
обломочек;
Тут ведь скоро он садилсе на добра́ коня;
Приезжает ко городу ко Киеву,
Он ко ласковому князю ко Владимеру;

Ай выходит скоро князь ёго стречать всё
на широкой двор,
Говорит-то он ёму всё таковы речи:
«Ты привёз ли мне, дороднёй доброй молодец
А по имени Сухматий свет Сухматьёвич,
Ты привёз ли мне лебёдочку неранену,
Ты неранену лебёдочку, всё некрова́влену;
Ты живу́-то мне в руках хотел привезти
да всё немёртвую?»
Говорит-то Сухматий свет Сухматьёвич:
«Мне-ка было, моё ты красно солнышко,
Мне ведь было всё ведь тут не до лебёдушки:
Подошла-то тут силушка тотарская,
Ай у матушки стоит всё у Непре́-реки,
Ай стоели тотар всё десять тысячей,
Всё мостили мосты́ они калиновы;
Они утром-то мостят, да ночью выроёт
Ишше матушка-те всё-то уж Непре́-река:
Вода-та всё в реки да помутиласе.
Я избил-то ведь тут поганых всех тотар-то
их,
Не оставил я ведь их силы́ на се́мяна».
Ай спрого́ворит ведь тут да нашо красно
солнышко,
Как Владимер всё, князь да стольне-
Киевской:
«Посадите-ко дородня добра мол дца,
Ай во ту его во те́мницу во тёмную;
Ай пустым-то всё он хвастаёт, напрасным
тут».
Посадили-то в темницу добра молодца.

Посылат скоро Добрынюшку-ту всё ведь
князь проведывать:
«Уж ты съезди-ко, Добрынюшка Никитич
млад,
Съезди, съезди ты ко матушке к Непре́-
реки,
Розышши-ко, россмотри да силу битую».
А приехал Добрынюшка к Непре́-реки, —
Намошшоны тут мосты, мосты калиновы;
Ай прибита все силушка тотарская;
Да нашел-то Добрынёчка обломочёк,
Всё обломочёк нашел этóй дубиночки;
Он привёз-то князю всё на посмотреньицо.
Они свесили-то ету всё дубиночку, —
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил-то Владимер князь да стольнё-
Киевской:
«Вы отмыкайте-тко подите скоро тёмну
те́мницу;
Уж я буду Сухматья-та̂ Сухма́тьёвича,
Я ведь буду-то его да теперь ми́ловать,
Буду миловать его да буду жаловать:
Надарю я ёму города да всё с посёлками»
Отмыкали-то его да скоро те́мну те́м-
ницу,
Выпускают-то дородня добра молодца,
Ишше сильнёго могучёго бога́тыря
Да того-ли Сухматья свет Сухма́тьёвича.
Говорят-то ему да всё россказывают:
«Уж ты гой еси, бога́тырь святорусския,
Ты по имени Сухматий Сухма́тьёвич!
Да ведь хочёт тебя князь Владимер, хочёт
миловать,

Хочёт миловать тебя да хочёт жаловать,
Подарить-то хочёт город всё с посёлками».
Говорит-то тут Сухматий свет Сухматьёвич:
«Не умел меня Владимер-князь ведь жаловать!
Я теперече поеду во чисто́ полё».
Он садилсе тут скоро на добра́ коня,
Он поехал скоро во чисто́ полё;
Он приехал во чисто́ полё роска́тисто.
Он отдернул-то листки от ран кровавых всё,
Говорил-то ведь сам да таковы слова:
«Уж ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко-се из ран да всё Сухма́н-река,
Что Сухман-то протеки-тко, река быстрая,
Хоть у бедного дородня добра молодца,
Хошь у русского могучёго богатыря,
У того-ли у Сухматья свет Сухматьёвича!»
Протекала тут ведь Сухман, да речка быстрая,
Выбегала у ёго всё кровь горячая.
Наказал ише́ своёму коню́ доброму:
«Уж ты, конь, ты всё конь, моя да лошадь добрая!
Ты не стой, не плачь у тела богатырского,
Ты поди-ко-се, беги да куды хошь поди,
Во луга ступай-поди да во зелёныя,
Ты питайсе-ко всё травой шелко́вою,
Ходи пей-ко-се ключо́ву-ту свежу́ воду,

Что ис той-ли ты из матушки Сухма́нь-реки».
Ипше тут-то ведь Сухматью свет Сухма́тьёвичу
Тут славы́-ти всё поют, да он представилсе,
Он представилсе тут да всё прекончилсе;
Всё славы́ про то поют, всё в старина́х скажут.

НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ

Как во славном граде, в стольне Киеве,
Ай у ласкова князя у Владимера
Начиналсе стол, почéсён пир.
Не от ветра палаты покачалисе,
Не от вихоря ворота открывалисе, —
Заходил в их Добрынюшка Микитич млад.
Как за им зашли князья всё, многи бóяра
Многи русскии могучии богáтыри.
Вполсытé оне да наедалисе,
Вполпьянé оне да напивалисе,
Оне вси на пиру да порасхвастались.
Уж как тот тем хвастаёт, новóй новы́м:
Ипше умной хвастат отцом, матерью,
Ай безумной хвастат золотой казной.
Как Добрынька-ка хвастат молодой жоной,
Молодой Настасьёй, дочерью Микуличной.
Оне вси на пиру да росмехнулисе,
Друг на друга на чёсном да оглянулисе, —
Промежу собой разговор ведут:
«Видно, нечем уж Добрынюшке похвастати, —
Дак уж хвастаёт Добрынька молодой жоной,
Молодой жоной Настасьёй, дочерью Микуличной!»
Не ясён сокóл с тёплá гнезда солятывал,

Не бело́й кречет с тёпла́ гнезда сопархивал, —
Сходил-ли тут да сам Владимер князь
Со своёго места с княженецкого.
Он по гридне столовыя похаживат,
Сам таки он речи поговариват:
«Уж как все-ти добры молодцы росхвастались;
Мне-ка нечем, князь-Владимеру, похвастати.
Как во да́лече, дале́че во чистом поли́
Там лётат Невежа чёрным вороном,
Уж он пишет мне-ка со угрозою,
Уж он кличёт-выкликаёт поединщика.
Мне кого послать с Невежой битьсе-ратитьсе,
Очишшать дороги прямоезжия,
Постоять на крепкиих заставушках?»
Уж как бо́льшой-от туляитсе за среднёго,
Ишше среднёй-от хоронится за меньшого;
Ай от меньшого Владимеру ответу нет.
Из-за заднёго стола-та белоду́бова
Вышол первой богаты́рь наш граду Киеву,
Ишше старой казак да Илья Муромец.
С ним по гридне столовыя похаживат,
Он такие речи поговариват:
«Я теперь недавно из дорожочки.
На заставушках стоял целых двенадцать лет,
Как Невежа, чёрной ворон, не казал мне глаз.
Кабы видял я Невежу, черна ворона,

Пострелил бы я собаку из тугá лука.
Нам послать было Добрынюшку Никитича:
Он зашшыта будёт граду Киеву,
Оборона будёт нашой крепости».
Выпивал Добрынька чару зеленá вина,
Не большую пил, не малу — полтора ведра.
Как покончили почесён пир, пошел с пиру,
Он невесёл пошел и нерадосён.
Приходил в полаты в княжецкия,
Как не белая берёзка к земли клонитсе,
Не зелёныя листочки расстилаютсе, —
Припадат Добрыня к своёй матушки:
«Уж ты вой éси, матушка родимая,
Ты честна вдова Офимья Олександровна!
Ты почто меня бесчастного спорóдила,
Ай почто ты бесталанного отрóдила.
Спородила бы меня ты, рóдна матушка,
Лучше маленьким катушим серым камешком,
Завернула бы меня да в полотёнышко,
Опустила в глубину, на дно-синё-морё.
Там лёжал бы я óт веку дó веку;
Буйны ветры хоть меня да не завеяли,
Добры люди про меня де не забаяли;
Дак не ездил бы я да по святой Руси,
Не губил бы я да християнцких душ,
Не слезил бы я да отцей, мáтерей.
Не вдовил бы я да жон молóдыих,
Не сирóтал бы я да малых детушок.
Ай тепере нать ехать во чистó полё,
На зȁставушках стоять целых двенадцать лет».
Ай спроговорит Офимья Олёксандровна:

«Уж ты гой еси, чадо милое!
Кабы знала над тобой таку незгодушку,
Кабы ведала велико я безвре́менье,
Дак не так бы тебя, дитятко, споро́дила:
Спородила бы тебя я, чадо милоё,
Уж я силой в Святогора бы бога́тыря,
Уж я участью-таланью в Илью Муромца,
Уж я смелостью в Олёшу бы Поповича,
Уж походочкой-поступочкой шапливою
Я во мла́дого Чурилу сына Пленкова,
Я посадкою-поездкой молодецкою
Я в Поты́ка Михаила во Иванова,
Всим житьём-бытьём, именством бы,
богатеством
Я во мла́дого во Дюка во Степанова.
Видно, су́дил бог, изволил тебе так уж
жить, —
Зародилсе в звезду ты в бесчастную!»
Как сражалсе Добрынюшка Никитич
блад:[1]
Уж он платьицо кладёт тако звериноё,
Снаряжаёт-обряжаёт коня доброго,
Садится Добрыня на добра коня,
Поезжат Добрынька с широка двора.
Праважат ёго Офимья Олёксандровна,
Провожат, сама да кли́чём кликаёт:
«Ай же ты, любимая невёстушка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Уж ты что сидишь во тереми в златом
верхи́,
Над собой разве незгодушки не ведаёшь?

---

[1] Вместо «млад».

Закатаитсе ведь наше красно солнышко,
Ай заходит за горы за высокия:
Поезжат Добрынька с широка двора.
Ты скоси-тко на широкой двор скорё-
шенько,
Поспроси-ко у Добрыньки хорошохонько,
Он далёко ли едёт, куда путь держит,
Скоро ждать ли, дожидать да нам домой
велит,
Велит скоро ли в окошочко посматри-
вать?»
Как скочила Настасья дочь Микулична,
Выходила на широкий двор скорёхонько
В одной тоненькой рубашочки, без пояса,
В одных тоненьких чулочиках, без чёбо-
тов;
Забегаёт Добрыньки со бела́ лица,
Припадаёт к стремечку к булатному:
«Ай же ты, моя любимая державушка,
Молодой ты Добрынюшка Никитич блад!
Ты далёко ли едёшь, куда путь дёржишь,
Скоро ждать ли дожидать да нам домой
велишь?»
Ай спрогóворит Добрынюшка Никитич
блад:
«О же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Когда ты у мня, бедна, стала спрашивать,
Дак же я теперь начну тебе рассказывать:
Как пройдёт тому времени и три года,
Уж ты три года прождёшь да друга три
прожди;
Как Добрыня твой назад не изворотитсе,

Дак втогда тебе, Настасья, воля вольняя:
Хоть вдовой сиди, да хоть заму́ж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина;
Не ходи только за бабьёго надсмешника,
За судейного за перелетника,
Ай за смелого Олёшу за Поповича:
Как Олёша-та собака мне — назва́ной брат;
Ай названой-от брат ведь паче ро́дного».
Только видели Добрынюшку как се́дучись,
Не видали Добрыньки как поедучись.
Не дорогой он ехал, не воротамы, —
Чере' стену скачёт городо́вую,
Мимо башню́ машот наугольнюю,
Уж он с горушки на горушку поскакиват,
Уж он с хо́лма на́ холм перепрядыват,
Вси он речки, озёра перескакиват,
Уж он мелкие роздолья промеж ног
спушшат,
Куды падали копыта лошадиныя,
Тут очудились колодецки глубокия.
Уж как де́ничек за де́ничком как дождь
дождит,
Ай неделька за неделькой как трава
ро́стёт,
Ишше годичек за годичком соко́л летит.
Как прошло тому времени и три года,
Поскоре сказать, прошло и целых шесть
годов.
Приходил к им Олёшенька Лёвонтьёвич,
Приносил к им весточку нерадостну:
Ай убит лёжит Добрынька во чисто́м
поли,
Он головушкой лёжит да чрез рокитов куст,

Уж он резвыми ногамы во ковыль-траву,
Руки, ноги у Добрыньки поразмётаны,
Уж как буйна-та головка поразломана,
Ясны очи вы́клёвали вороны.
С того на́чали к Настасьюшке похаживать,
Уж как на́чали Микулисню посватывать.
Ишше сватом-то ходит сам Владимер князь,
Уж как свахой — Опраксия королевисня:
«Ай тебе ли жить, Настасья, молодой вдовой,
Молодой твой век одной коро́тати?
Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за смелого Олёшу за Поповича».
Она свата дари́т одной шириночкой,
Она сваху дари́т другой шириночкой,
Она смелого Олёшу калёно́й стрелой.
«Как исполнила я всю-ту мужню заповедь —
Прожила теперь да целых шесть годов, —
Дак исполню свою я женску заповедь:
Проживу ишше да целых шесть годов,
Дак втогда ишше успею всё взаму́ж пойти».
Опять деничек за деничком как дождь дождит,
Неделька за неделькой как трава растёт,
Годичек за годичком как сокол летит, —
Как прошло тому времени и шесть годов,
Поскоре сказать, прошло целых двенадцать лет.
Приходил опеть Олёшенька Лёвонтьёвич,
Приносил к им весточку нерадостну:

Как убит лёжит Добрынька во чисто́м поли,
Вси уж косточки его да порастасканы.
С того на́чали к Настасьюшке похаживать,
Опять на́чали Микуличну посватывать.
Ишше сватом ходит сам Владимер князь,
Уж как свахой — Опраксия королевична:
«Ай тебе ли жить, Настасья, молодой вдовой,
Молодой твой век одной коро́тати?
Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за смелого Олёшу за Поповича».
Пораздумалась Настасья, прирасплакалась:
Уж ей силой берут, бедну, неволёю,
Ей не честию берут да не охвотою.
Как веде́тсе пир у их по третей день,
А сёго дня нать ити во церковь божию,
Принимать с Олёшей по злату́ веньцу.
Как пошла Настасья, с широка́ двора,
Ай садилась Офимья Олёксандровна
’на под светло косисчато окошочко,
Уж как плакала старушочка с приче́тиком:
«Ай давно уж закатилось солнцо красноё;
Закатаитсе, видно, и светёл месяц!»
Походит Настасья с широка двора.
Как из да́лече, дале́че из чиста́ поля
Выпадала пороха снегу белого;
По тому снежку, белой порошеньке
Уж как ехал детина Заоле́шенин.
На ём платьицё тако звериноё;
Под им конь-от косматой быдто лютой зверь.

Не дорогой он едёт, не воротамы,
Чере' стену скачёт городо́вую.
Приезжал к полаты к белокаменной,
Уж он пнул столбы, ворота своим чёбо-
том;
С боку на́ бок столбы все росшатнулисе,
Ай широкие воро́та отворилисе.
Проводил коня да привязывал,
Проходил в полату без докладушок.
Уж он крест кладёт да по писа́ному,
Ай поклон ведёт он по учёному,
Поклоняитсе на вси чётыре сто́роны,
Он старушочки кланялсе особенно:
«Уж ты здравствуй, Офимья Олёксан-
дровна!
Ай же ты, Добрынюшкина матушка,
Тебе сын Добрынюшка поклон послал.
Мы сёго дни с им с вечёра разъехались:
Ай Добрынька поехал ко Царю́граду,
Уж как я поехал к граду Киеву.
Говорил мне Добрынька таковы речи:
«Если судит бог бывать да в граде
Киеве,
Попроведай про родиму мою матушку,
Попроведай про любимую семеюшку,
Молоду Настасью дочь Микуличну».
Ай спрого́ворит Офимья Олёксандровна:
«Ай же ты, детина Заолешенин!
Не тебе бы надо мной да надсмехатисе,
Не тебе бы досажать победно ретиво́
серд́цё.
Без угару болит буйна головушка,
Без досады шумит да ретиво́ серд́цё.

Приходил к нам Олёшенька Лёвонтьё-
вич,
Приносил к нам весточку нерадостну,
Что й убит лёжит Добрынька во чисто́м
поли;
Он головушкой лёжит да через рокитов
куст,
Уж он резвыма ногамы во ковыль-траву;
Ручки, ножки у Добрыни поразмётаны,
Уж как буйная головка поразломана.
Ясны очи вы́клёвали вороны.
Иссушила я победно ретиво́ сердцё,
Тяжелёшенько по сыне своём плакала.
С того начали к Настасьюшке поха-
живать,
С того начали Микуличну посватывать:
Уж как сватом-то ходит сам Владимер-
князь,
Уж как свахой Опраксия-королевична.
Уж ей силой берут, бедну, неволёю,
Ей не честию берут да не охвотою.
Как веде́тсе пир у их по третей день;
Ай сёгодни пойти нать в церковь божию,
Принимать с Олёшой по злату венцу».
Ай спроговорит детинка Заолешенин:
«Говорил мне Добрыня таковы речи:
За кого пойдёт Настасья дочь Мику-
лична, —
Дак велел мне сходить на пир, на
свадёбку,
Ай тебе он велел брать золоты́ ключи,
Отпушшатьсе в по́грёбы глубокия,
Ай достать мне-ка одежду скоморошную,

Ай достать мне-ка шубочку-кошулёчку,
Ай достать мне-ка сапóжочки — зелён
сафьян,
Ай достать мне-ка шляпочку пуховую,
Пушистую, ушистую, завесисту,
Да достать мне-ка гусёлышка ярóвчаты».
Ай брала Офимья золотые ключи,
Отпушшалась в погрёбá глубокия,
Как достала одежду скоморошную,
Ай достала гусёлышка ярóвчаты,
Ай достала шубочку-кошулёчку,
Достала сапóжочки зелён сафьян,
Подавала чёрну шляпу пуховую,
Ай пуховую шляпу ушистую.
Уж он брал ведь палицу сорóк пудов:
«Чтобы нас на свадьбе не обидели».
Он пошел к Владимеру стольне-киев-
скому.
У дверей стоят тут все придверники,
У ворот стоят приворотники, —
Не пропушшают удалу скоморошину.
Уж он брал их за шею, прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты в княженецкия.
Как идýт за им да все придверники,
Ай идýт за им все приворотники,
Ай творят оны велику ёму жалобу:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимер
стольно-киевский!
Ай кака-та удáла скоморошина!
Уж он брал нас за шею, прочь оттал-
кивал,
Смело проходил в полаты княженецкия».
Тут прогóворит удала скоморошина:

«Здравствуй, солнышко Владимер стольне-
киевский,
Со своим ты с князём с первобрачныим,
Со своёй княгиной второбрачныя!
Ишше где-ка моё место скоморошное?»
Испроговорит Владимер стольно-киевский:
«Ай твоё ведь место скоморошное
На брусовой печке ды и в за́печью».
Уж он в этим местом не обрезгуёт,
Залезал на печку на брусовую,
Вынимал он гусёлышка яровчаты,
Уж он клал на колена молодецкия,
Уж он начал струночки натягивать,
Уж он начал по гуселькам похаживать,
Уж он стал на гусёлышках выигрывать:
Уж он и́грыши берёт да со Царя́града,
Ай выи́грыши ведёт до града Киева.
Ай стоит Настасья за столом да бело-
ду́бовым,
Худо видит вольный белый свет;
У ей слёзы-то скачут из ясны́х очей,
Не в один скочи́ли ру́чей — ровно в три
ручья:
«Я была как за любимой-то державушкой,
У его были ведь эки же гусёлышка,
Уж он так же по гусёлочкам похаживал!»
Ай спроговорит Владимер стольне-
киевский:
«Ай же ты, удала скоморошина!
Солезай со печки со брусовыя́.
За твою игру за весёлую
Я даю тебе три места три хорошиих:
Ай перво́ тебе место — подле меня,

Ай друго тебе место — супроти́в меня,
Ай третьё тебе место — куда сам
похошь».
Не садилсе скоморошина подле́ князя,
Не садилсе он да супроти́в князя,
Он садилсе к Настасьи дочери к
Микуличны
Говорил скоморошина таковы речи:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимер
стольне-киевский!
Ты позволь-ко мне-ка налить чарку
зелена вина,
Поднести мне чарку, дӑ кому я хочу.
Кому задумаю, кого пожалую».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«За твою игру да за весёлую
На моём пиру да что ты хошь твори».
Наливал он чарку зелёна́ вина,
Подносил Настасьи дочери Микуличны,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Всю ты выпей чарочку до донышка;
Не допьёшь до дна — дак не видать
добра».
Как брала Настасья чарку во белы́ руки,
Выпивала чарочку до донышка;
Подкотилсе какой-то ей злачён перстень.
Уж как видит Настасья дочь Микулична,
Что й была с Добрынькой в церквы
божия,
Принимала с Добрынёй по злату́
венцу, —
Выходила иза столов да белоду́бовых,
Она падала Добрыньки во резвы́ ноги:

«Ты прости меня, вины да виноватую!
Я наказу твоего да не исполнила.
Меня силой берут и неволею,
Не честью берут, не охотою,
Сватом был сам Владимер-князь,
Свахой Опраксия-королевична».
Как спрогóворит Добрынюшка Никитич блад:
«Не дивую я уму женскому;
Уж как бабей волос долог, а ум кóроток;
Как дивую я брату-ту названому
Ишше нá имя Олёшеньке Поповичу.
Да ишше дивую князю я Владимеру:
У жива мужа да отымат жону!»
Уж как вышел Олёша за столов да белодýбовых,
Уж он кланялсе Добрыни во резвы́ ноги:
«Ты прости меня, вины да виноватого». —
«Уж как в той вины да тебя бог простит,
А в другой вины я не прошшу тебя:
Ты зачем ходил к родимой моей матери,
Приносил ей весточку нерадостну,
Досажал ее победно ретивó сердцё?»
Уж он брал Олёшу за жолты́ кудри;
Водит он его по гри́дине столовыя,
Уж он сам на гуслях да выговариват,
А Олёша тут поахиват.
Как от буханья не слышно было оханья.
Пригодилсе в бесёды Илья Муромець;
Захватил Добрыню за могуты́ плеча,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Не убей ты за напраслину богáтыря:

Хоть он силой-то не си́лён, а напу́ском
смел».
Тут Владимеру ко стыду пришло;
Потупил он ясны очи во кирпичен пол.
Брал Настасью Добрыня за белы́ руки.
И встречала Офимья Олександровна:
«Не красное солнышко повызошло,
Не мелкие звездочки рассыпались, —
Пришел Добрыня на широкий двор!»
Остался Олёша Леонтьевич,
Садилсе покрай лавочки брусовыя,
Уж он сам говорил таковы речи:
«Всякий на свети женитсе,
Да не всякому женитьба издаваитсе:
Издалась только Ставру́ сыну Годе́нову
Да мла́дому Добрынюшке Микитичу».

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА БРАТЬЕВ ЗБРОДОВИЧЕЙ

Во славном городе во Киеве,
У князя было у Владимира,
Столованьице было, пированье, почестен пир
На многие князи и бо́яра,
На сильных могучих бога́тырёв
И на все паленицы удалые.
На пиру все были пьяны-веселы,
Все на пиру прирасхвастались:
Иной хвастает добры́м конем,
Иной хвастает своей ухваткою,
А бояре хвастают животом своим.
При том пиру, при беседушке,
Сидят два брата, два Петровича;
Сидят они брата́ны, не веселы,
Свои буйны головы повесили.
Князь Владимир сто́льный-киевский
Стал по гриднице похаживать:
«Что вы, брата́ны, не веселы,
Что вы ничем не похвалитесь?» —
«Князь Владимир стольный-киевский!
И нечем нам, братанам, похвастати:
Добры кони у нас не удалы,
Молоды жены не изро́дные;

Есть у нас у братов родна сестра,
Свет Наталья Збородовична:
Сидит она во высоком тереме,
Сидит, заперта двумя две́рями,
Она за́мкнута тремя ключами;
Ее красно солнушко не огреет,
И буйны ветры ее не обвеют,
Ясный сокол мимо терема не пролетит,
На добром коне мимо молодец не проедет».
При том пиру при беседушке
Случилось быть Алешиньке Поповичу;
Попович говорил таковы речи:
«Не чѐм же вы, братаны, хвастаете,
Не добром вы, братаны, похваляетесь;
Довольно я видал вашу сестрицу
Свет Настасью Збородовичну,
А бывали и такие часы,
Что у ней и на грудях леживал!»
Збородовичам братьям за беду пало,
За беду пало, за великую;
Хватали они по ножишку по булатному,
Метали ими в Алешу Поповича.
Горазден Алеша был ножи хватать.
Хватал за черенья за ножевые,
Сам говорил таковы слова:
«Ой вы гой еси, два брата, два Петровича!
Поезжайте, братаны, к своему двору,
Сойми́те с себя платье цветное,
Отдавайте его любимым конюхам,
Оболокайтесь сами в платье черное,
Чтоб вас жены не опо́знали;
Дождитесь ноченьки седьма́ часу,
Поезжайте тогда во чисто поле,

Захватите комýлю снега белого,
Метните ее во окошечко во слýхово:
Услышите отвестьё Настасьи Збородовичны».
Снимались братаны со пира вполпьяна,
Садились они на добрых коней,
Поезжали братаны к терему высокому,
Захватили комýлю снега белого,
Метали его во окошечко во слухово.
Услышала брéкот Настасья Збородовична,
Сама держит скорое отвестьице:
«Уж ты гой еси, Алешинька Попович млад!
Без тебя у меня кушанья прозачéрстнули,
Пúтьица медвяны застоялися!»
Тогда два брата Збородовичи
Ко высокому терему сбегалися:
Ломали двери теремóвые,
Захватили свою родну сестрицу,
Свет Настасью Збородовичну,
Везли ее в поле во Куликово,
Хотят ей срубить буйну голову.
Тогда Алеша Попович млад
Крычал-зычал зычным голосом:
«Ой вы два брата, два Петровича!
Не губите своей Настасьи Збородовичны,
Отдайте мне-ка в замужество!»
Остоялись братья Збородовичи,
Низко кланялись они Алеше Поповичу!
Отдавали ему во замýжество
Свет Настасью Збородовичну.

СТАВЕР

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пирование — почестный пир
На многие князи на бо́яры,
На всех-тых гостей званых-браныих,
Званых-браныих гостей, приходящиих.
Все на пиру наедалися,
Все на честном напивалися,
Все на пиру порасхвастались:
Инный хвалится добрым конем,
Инный хвалится шелковым портом,
Инный хвалится селами со приселками.
Инный хвалится городами с пригородками
Инный хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.
Из тыя из земли Ляховицкия
Сидел молодой Ставер сын Годинович,
Он сидит за столом, да сам не хвастает.
Испроговорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Ставер сын Годинович!
Ты что сидишь сам да не хвастаешь?
Аль нет у тебя села со приселками,
Аль нет городов с пригородками,
Аль нет у тебя добрых комоней,
Аль не славна твоя родна матушка,

Аль не хороша твоя молода жена?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Хотя есть у меня села со приселками,
Хотя есть города с пригородками,
Да то мне молодцу не похвальба;
Хотя есть у меня добрых комоней,
Добры комони стоят — все не ездятся,
Да то мне молодцу не похвальба;
Хоть славна моя родна матушка,
Да и то мне молодцу не похвальба;
Хоть хороша моя молода жена, —
Так и то мне молодцу не похвальба:
Она всех князей-бояр да всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет».
Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
«Ты, солнышко, Владимир стольно-киев-
ский!
Засадим-ка Ставра в погреба глубокие:
Так пущай-ка Ставрова молода жена
Нас князей-бояр всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,
А Ставра она из погреба повыручит!»
А был у Ставра тут свой человек.
Садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю Ляховицкую
Ко той Василисты Микуличной:
«Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!
Сидишь ты, пьешь да проклаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Как твой Ставер да сын Годинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал он тобой, молодой женой,

Что «князей-бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет».
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить;
Мне-ка силой выручать Ставра — не выручить;
Я могу ли, нет, Ставра повыручить
Своею догадочкою женскою!»
Скорешенько бежала она к фельшарам,
Подрубила волоса по-молодецки-де,
Накрутилася Васильем Микуличем,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорок молодцов удалых стрельцов,
Сорок молодцов удалых борцов,
Поехала ко-о́ граду ко Киеву.
Не доедучи до-о́ града до Киева,
Пораздернула она хорош-бел шатер,
Оставила дружину у бела шатра,
Сама поехала ко солнышку Владимиру.
Бьет челом, покланяется:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский
С молодой княгиней со Опраксией!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ты откудашной, удалый-добрый молодец,
Ты коей орды, ты коей земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отечеству?»
Отвечал удалый-добрый молодец:
«Что я есть из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич де;

Я приехал к вам о добром деле — о сватовстве
На твоей любимыя на дочери».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу — со дочерью подумаю».
Приходит он ко дочери возлюбленной:
«Ах ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал к нам посол из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич де,
Об добром деле — об сватовстве
На тебе, любимыя на дочери.
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!
Речь-поговоря — все по женскому;
Перески тоненьки — все по женскому;
Где жуковинья были — тут место знать;
Стегна жмет — все добра бережет».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит к послу земли Ляховицкия,
Молоду Василью Микуличу:
«Уж ты, молодой Василий сын Микулич де.
Не угодно ли с пути со дороженьки
Сходить тебе во парную во баенку?»
Говорил Василий Микулич де:
«Это с дороги не худо бы!»
Стопили ему парну баенку.

Покуда Владимир снаряжается,
Посол той поры во баенке испарился,
С байны идет — ему честь отдает:
«Благодарствуй на парной на баенке!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Что́ же меня в баенку не подождал?
Я бы в байну пришел — тебе жару поддал,
Я бы жару поддал и тебя обдал?»
Говорил Василий Микулич де:
«Что ваше дело домашнее,
Домашнее дело, княженецкое;
А наше дело посольское, —
«Недосуг-то долго нам чваниться,
Во баенке долго нам париться;
Я приехал об добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу — с дочерью подумаю».
Приходит он ко дочери возлюбленной:
«Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия
Об добром деле — об сватовстве
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорит как дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь мой родной батюшко!
Что́ у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по женскому;
Переськи тоненьки — все по женскому;
Где жуковинья были — тут место знать».
Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит ко Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич де!
Не угодно ль после парной тебе баенки
Отхохнуть во ложне во теплыя». —
«Это после байны не худо бы!»
Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился, где ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.
Как шел туда Владимир стольно-киевский,
Посмотрел во ложню во теплую:
Есть широкие плеча богатырские.
Говорит посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич де:
«Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Чтó же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я пойду — с дочерью подумаю».
Приходит ко дочери возлюбленной:
«Ай же, дочь моя возлюбленна!
Приехал посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич де,
За добрым делом — за сватовством
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!»
Говорил Владимир стольно-киевский:

Я схожу посла да поотведаю». —
«Ах ты, молодой Василий Микулич де!
Не угодно ли с моими дворянами потешиться,
Сходить с ними на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
Во тоя в острии ножовыя,
Расколоть-то стрелочка надвое,
Чтобы были мерою равненьки и весом равны».
Стал стрелять стрелок перво князевый:
Первой раз стрелил — он не дóстрелил,
Другой раз стрелил — он перéстрелил,
Третий раз стрелил — он нé попал.
Как стал стрелять Василий Микулич де,
Натягивал скоренько свой тугий лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял в колечко золоченое,
Во тоя остреяво ножевая, —
Расколол он стрелочку надвое,
Они мерою равненьки и весом равны.
Сам говорит таково слово:
«Солнышко Владимир стольно-киевский.
Я приехал об добром деле — об сватовстве
На твоей на любимыя на дочери,
«Чтó же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу-пойду — с дочерью подумаю».
Приходит к дочери возлюбленной
«Ай же ты, дочь моя возлюбленна:
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич де,
Об добром деле — об сватовстве

На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Чтó у тебя, батюшко, на разуме:
Выдаваешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по женскому:
Перески тоненьки — все по женскому;
Где жуковинья были — тут место знать». —
«Я схожу, посла поотведаю».
Он приходит к Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич де,
Не угодно ли тебе с моими боярами
потешиться,
На широком дворе поборотися?»
Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич де,
Того схватил в руку, того в другую,
Третьего склеснет в середочку,
По трою за раз он на зень[1] ложил,
Которых положит — ты с места не стают.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ты молодой Василий Микулич де!
Укроти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семяна!»
Говорил Василий Микулич де:
«Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь, — возьму нé с чести,
А не с чести возьму, — тебе бок набью!»
Не пошел больше к дочери спрашивать,

[1] На землю.

Стал он дочь свою просватывать.
Пир идет у них по третий день,
Сего дни им итти к божьей церкви:
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Что же ты, Василий, не весел есть?»
Говорит Василий Микулич де:
«Что буде на разуми не весело:
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла,
Нет ли у тебя загусельщиков,
Поиграть во гуселышка яровчаты?»
Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют, — все не весело.
«Нет ли у тя молодых затюремщичков?»
Повыпустили младых затюремщичков,
Все они играют, — все не весело.
Говорит Василий Микулич де:
«Я слыхал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие:
Он горазд играть в гуселышки яровчаты».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Мне повыпустить Ставра —
Мне не видеть Ставра;
А не выпустить Ставра —
Так разгневить посла!»
А не смет посла он поразгневати, —
Повыпустил Ставра он из погреба.
Он стал играть в гуселышка яровчаты, —
Развеселился Василий Микулич де,
Сам говорил таково слово:
«Помнишь, Ставер, памятуешь ли,

Как мы маленьки на улицу похаживали,
Мы с тобой сваечкой поигрывали:
Твоя-та была сваечка серебряная,
А мое было колечко позолоченое?
Я-то попадывал тогды-сёгды,
А ты-то попадывал всегды-всегды?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Что я с тобой сваечкой не игрывал!»
Говорит Василий Микулич де:
«Ты помнишь ли, Ставер, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоты училися:
Моя была чернильница серебряная,
А твое было перо позолочено?
А я-то помакивал тогды-сёгды,
А ты-то помакивал всегды-всегды?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Что я с тобой в грамоты не учивался!»
Говорил Василий Микулич де:
«Солнышко Владимир, стольно-киевский!
Спусти-ко Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Мне спустить Ставра, — не видать Ставра,
Не спустить Ставра, — разгневить посла!»
А не смеет он посла да поразгневати:
Он спустил Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя.
Приехали они ко белу шатру,
Зашел Василий в хорош-бел шатер,
Снимал с себя платье молодецкое,
Одел на себя платье женское,
Сам говорил таково слово:
«Теперича, Ставер, меня знаешь ли?»

Говорит Ставер сын Годинович:
«Молода Василиста дочь Микулична!
Уедем мы во землю Политовскую!»
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Не есть хвала добру молодцу,
Тебе воровски из Киева уехати:
Поедем-ко свадьбы доигрывать!»
Приехали ко солнышку Владимиру,
Сели за столы за дубовые.
Говорил Василий Микулич де:
«Солнышко Владимир, стольно-киевский,
За чтó был засажен Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Похвастал он своей молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет».—
«Ай ты ей, Владимир стольно-киевский!
А нынче чтó у тебя на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня, Василисту, за Микуличну?»
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло;
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Ставер сын Годинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киеве,
Во Киеве во граде век беспошлинно!»
Поехали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.
Тут век про Ставра старину поют,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послýшанье.

ДЮК

Во той было Индеи во богатыя,
А был молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил по тихиим по заводям,
Стрелял серых гусей и лебедей.
Он всех выстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел да еще три стрелы.
Он трем-то стам цену ведает,
Только трем стрелам цены не ведает.
Как из-под камешка из-под яхонта,
Из-под яхонта да самоцветного,
Убил он три орла, он три орловища.
А не тех убил, которы летают по святой Руси,
Он тех убил, которые летают по синим морям.
Как едут гости корабельщики,
Поднимают это перушко орлиноё.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.
Покупали мужички-то да индейские,
Приносили это перышко в подарочек
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А он сам стрелял молодой боярин Дюк Степанович.
Он с таких-ли великих со радостей,

Пошел он к государыне родной матушке,
Просит прощеньица с благословеньицем
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
Он прямой дорожкой не окольною.
Как проговорила его государыня родна
матушка,
Родна матушка Мальфа Тимофеевна:
«Я не дам тебе прощеньица с благосло-
веньицем,
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
Прямой дорожкой не окольною.
А прямой дорожкой не окольною.
Есть три за́ставы там да великия:
А первая-то за́става есть горы там
толкучии:
В другой раз столкнутся, а в дру́горы
истолкнутся;
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, моло́дому, живу́ не быть.
Есть там другая за́става — птицы кле-
вучия,
Они тебя, Дюка, и с конем склюют.
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, моло́дому, живу́ не быть.
Есть третья там за́става — лежит змеищо
горынчищо,
О двенадцати змея о хоботах,
И тая тебя и с конем сожрет.
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, моло́дому, живу́ не быть».
А он, мо́лодой боярин Дюк Степанович,

Он не слушал своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
Он пошел во конюшенку стоялую,
Взял он уздицу да ведь тесмяную,
Он взял бурушко да ведь кавурушка.
Как у бурушка по колен ноги в землю зарóщены.
Он кормил бурка́ пшеном да белояровым,
Он поил бурка́ питьицем медвяныим,
Он седлал бурка́ в черкасское седелышко,
Он потнички-то клал на потнички,
На потнички он клал да ведь войлочки,
А на войлочки черкасское седелышко.
Он натягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатый клал для ради крепости,
Чтобы конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с седла не вырутил.
Подпруги-ты были шелковыя,
Шпеньки у подпругов булатния,
Пряжки у него да красна золота.
А как шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на кони сидит, не стареет.
Он садился на добра коня,
Прощался с государыней родной матушкой.
Как пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
На прощеньице ему да наказывала:
«Ай ты, мóлодой боярин Дюк Степанович!
Если бог тебе судит быть во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Ты не хвастай животишками сиротскими,
Сиротскими животишками вдовиными!»

Перво пóприще бурке скочил целу́ версту,
И припадывал к земли сыро-мáтерой,
Испроговорит человеческим голосом:
«Ай же ты, хозяин мой любимыи!
Опущайся-ко с меня, добра коня,
Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
Ты подвязывай под плечико под право,
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не страшно было сидеть на мне, да
на добром коне».
Как молодой боярин Дюк Степанович,
Он опущался ведь да со добра коня,
А он брал земли да сыро-матерой,
Он подвязывал под плечико под правое,
Да подвязывал под плечико под левое,
И садился он да на добра коня.
Тут стал бурушко-кавурушка поскакивать,
С горы на гору, да с холмы нá холму,
А реки озёра перескакивать,
Широки́ раздолья между ног пущать.
А приехал он кó граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Заехал он среди бела двора,
Поставил он своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А он сам взошел в столову во переднюю,
Он крест кладет по-писáному,
А поклон ведет да по-ученому,
А на все на четыре на стороны,
А княгине Апраксии в особину.
А спроговорит мóлодой боярин Дюк
Степанович:
«Вы здравствуйте, княгиня Апраксия!

А где солнышко Владимир стольне-киев-
ской?» —
«А солнышко Владимир стольне-киевской
Ушел он во божью церковь,
К обедни да ко ранния».
Молодой боярин Дюк Степанович,
Он вышел на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Пошел он во божью церковь.
Мостовые были землею призасыпаны,
Их подлило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьян.
Пришел он во божью церковь,
Он крест кладет да по-писáному,
Поклон ведет да по-ученому,
На все на четыре на стороны,
А князю Владимиру в особину.
Испроговорит Владимир стольне-киевской:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты из какой земли, из какой орды,
Да как тебя, молодец, именем зовут,
Нарекают по отечеству?»—
«Я из той Индеи из богатыя,
Мóлодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял дома раннюю заутреню,
А сюда приехал ведь к обедни-де».
Как прогóворят князи-бояра,
А также говорят и мелкá чета:
«А не быть это мóлоду Дюку Степановичу!
А какой-нибудь детинушко залётаник.
Он убил князя́ либó боярина,
Он на платьице свое да ведь поглядыват».
Как и вышли из церкви из божия

На тую улицу на широкую,
На тую дубраву на зеленую,
Мостовые были земелькой принасыпаны,
Их подлило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьян.
Как проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:
«Я слыхал от родителя от батюшки,
А что Киев очень краси́в-добрист,
Ажно в Киеве все не по-нашему.
Церквы у вас деревянные,
А маковки на церквах да осиновые.
А у нас-ли во Индеи во богатыя
Церкви у нас да все каменные,
А известочкой они да отбе́лены,
На церквах-то маковки самоцветные,
На домах-то крышечки золоченые,
Мостовыя рудожолтыма приусыпаны,
Сорочинские суконца приrозастланы,
Не замараешь тут сапожков зелен сафьян».
Вот зашли они во полаты княженецкие,
Садились за дубовый стол хлеба кушати,
Стали крупивчатых колачиков оны рушати.
Как молодой боярин Дюк Стенанович,
Он мяки́ш-то ест, а корочку под стол мечет.
А проговорит Владимир стольне-киевский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
А ты почто мяки́ш ешь, а корочку под
стол мечешь?»
Как проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:
«Я слыхал от родителя от батюшки,
Что Киев очень краси́в-добрист,

Ажно в Киеве все не по-нашему.
У вас печки-то каменныя,
А помелечки у вас да сосновыи.
А как пахнут-то колачики крупивчиты
На тую серу на сосновую,
На сосновую серу на кипучую,
На кипучую серу на горючую,
Не могу я есть колачиков крупивчатых.
Как у мо́ей государыни у родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
У нас печки все-то мура́вленые,
А помелечки у нас да шелковыи,
А пекет она колачики крупивчаты,
Как колачик-то съешь, так дру́гой хочется,
А другой-то съешь, по третьем душа
горит,
А как третий съешь, четвертый с ума
нейдет».
Тут прого́ворил Владимир стольний-киевский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
А ты, молодой боярин сам захвастливый.
Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой
Пленковичем о велик заклад:
Чтобы ездить вам во чисто поле по три́
году,
А по три́ году да еще по три дни,
Чтобы на всякий день кони были сменные,
Чтобы сменные и переменные,
А шерсти такой да бы не было,
А платье на всякий день было сменное,
Чтобы цвету такого да не было,

А на третий день вам итти да ко божьей
церкви.
А который из вас добрее выступит,
А другому из вас да голова рубить».
И не спустили тут Дюка Степановича
Съездить за платьем за цветным,
Во ту Индею во богатую.
Он сел, боярин, закручинился,
Закручинился да запечалился,
Он повесил свою да буйну голову,
Утупил-то ясны очи во сыру землю.
Он садился ведь да на ременчат стул,
Писал скорописчатые ерлычки
Ко своей-ли государыни родной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне,
Как по Чуриле-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первым градом Киевом,
А другим градом Черниговом.
А молодому боярину Дюку Степановичу
Держал поруку крепкую
Тот-ли владыко Черниговский,
Его-ли крестовый он батюшко.
Клал на бурушка сумки переметныя,
Сам он говорит таково слово:
«Ай ты, бурушко-ковурушко!
Когда прискачешь во Индею во богатую
К моей-то государыне родной матушке,
Ты заржай-ко голосом лошадиныим!»
Услыхала голос лошадиный
Его-ли государыня родна матушка,
Выбегала на крылечико переднее,
А сама говорит да таково слово:

«Видно, нет жива моего дитятки,
Молода боярина Дюка Степановича!»
Как увидала сумки переметныя,
И говорит да таково слово:
«Как мой-ли молодой боярин Дюк Степанович захвастливый,
Захвастливый, да, знать, захваченной!»
Вынимала скорописчатые е́рлычки,
Кладывала туды платьица на каждой день;
На каждой день по три платьица,
Сменные и переменные по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка-ковурушка,
Сама говорит да таково слово:
«Как прискачешь ты во Киев-град,
Во Киев-град на княженецкий двор,
Ты заржай-ко лошадиным голосом!»
А молодой боярин Дюк Степанович,
Услыхал он своего добра коня,
Он взял сумки да ведь переметныя.
Тут поехали во чисто поле поляковать,
А Чурилушка Пленкович по́гнал ко́ней он целы́им стадом,
А молодый боярин Дюк Степа́нович,
Пораньше-то он повыстанет,
Бурка в росы он повы́катает,
На бурке-то шерсть да переменится.
И тут они проездили по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А сегодня итти им ко божьей церкви.
А тому-ли Чурилушке Пленковичу
Во своем-ли ему городе да деется,
Становился он на крылосо на правое,

А мо́лодой боярин Дюк Степанович,
Становился он на крылосо на левоё.
А Чурилушко Пленкович взял он плеточку
шелковую,
Стал он плеточкой по пуговкам поваживать.
Пуговкой о пуговку позванивать.
Как от пуговки было да до пуговки,
Плывет змеищо горынчищо,
О двенадцати змея о хоботах.
Как испроговорят князи-бояра,
И также говорит и вся мелка чета:
«Как у нашего Чурилушки Пленковича
Есть отметочка против молода боярина
Дюка Степановича!»
А молодой боярин Дюк Степанович,
Он повесил свою да буйну голову,
Утупил ясны очи во сыру землю.
Он взял-то плеточку шелковую,
Стал плеточкой по пуговкам поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Как от пуговки было да до пуговки
Налетели тут птицы клевучии,
Наскакали тут звери рыкучии.
А тут в церкви все да о́ зень пали,
О зень пали, да и́ны о́бмерли.
Тут проговорит Владимир стольний-киев-
ский:
«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Приуми-тко ты птиц тых клевучиих,
Призакличь-ко тых зверей рыкучиих,
Да оставь-ко ты народу хоть на семена!»
Тут проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:

«Я сегодня не твое ем, да кушаю,
Не хочу тебя и слушати!»
Как проговорит владыко-то Черниговский,
Его-ли крестовый батюшко:
«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Призакличь-ко ты птиц клевучиих,
Приуйми-тко ты зверей рыкучиих,
Ты оставь-ко народу нам на семена».
А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Послушался крестового он батюшки,
Призакликал птиц он клевучиих,
Приунял зверей тых рыкучиих.
Тут проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:
«Ай же, солнышко, Владимир стольний-
киевский!
Нам которому с Чурилой голова рубить?»
Как возговорил Чурилушка Пленкович:
«Ай же, мóлодой боярин Дюк Степанович!
Ты ударь-ко со мною о велик заклад.
А который из нас перескóчит через Пучай-
реку,
А который из нас да не пéрескочит, —
Тому из нас да голова рубить,
А Пучай-река да на два поприща!»
Тут проговорил молодой боярин Дюк
Степанович:
«А твоя ли похвальба наперед зашла!
Ты скачи-ко прежде чрез Пучай-реку».
Он скакал Чурило чрез Пучай-реку:
О полу реки Чурило в воду вверзился.
А как молодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро скакал да чрез Пучай-реку,

Он скорее того поворот держал,
О полу реки он на воды припадывал,
И Чурилу за желты кудри захватывал,
Повытащил Чурилушку с конем с воды,
И сам он говорит да таково слово:
«Ай ты, солнышко, Владимир стольний-киевский!
Нам которому с Чурилой голова рубить?»
Тут проговорил Владимир стольний-киевский:
«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
Ты оставь-ко нам Чурилу хоть для памяти!»
Тут проговорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
А пусть ты князем Владимиром упрошенный,
А киевскими бабами уплаканный.
Ты не езди-то с нами, со бурлаками,
Ты не езди во чисто поле поляковать,
А живи ты вó граде во Киеве,
В Киеве во граде между бабами!»
Тут Владимир стольний-киевский
Посылал он тут обценщичков
Во тую-ли Индею во богатую
К пречестнóй вдове Мальфы Тимофеевной.
Во-первых старого казака Илью Муромца,
А в-дрýгыих молода Добрынюшку Никитича,
А он в-трéтьиих Олешушку Поповича.
Тут прóговорил молодой боярин Дюк Степанович:

«Ай ты, солнышко, Владимир стольний
киевский.
Не посылай-ко ты Олешушку Поповича.
У него глазишечка-ты поповския,
А поповския глазишечка завидливы,
Не выехать ему из той Индеи из богатыя.
Не берите-ко бумаги на три месяца,
Вы берите-ко бумаги на три году,
На три году, да еще на три дни».
Тут солнышко, Владимир стольний-киев-
ский,
Отправлял-то старого казака Илью
Муромца,
Отправлял-то молода Добрынушку Ники-
тича.
Как приехали под Индею под богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увид'ли ту Индею да богатую,
Сами говорят да таково слово:
«Как молодой боярин Дюк Степанович,
Знать, послал он весточку к своей матушке,
Что зажгана Индея та богатая».
Как приехали в Индею ту богатую,
А тут церкви были все каменные,
Стены известочкой отбе́лены,
На церквах маковки самоцветныя,
На домах крышечки да золоченыя,
Мостовые рудожелтыми песочками при-
усыпаны,
Сорочинские суконца приразостланы.
Вот зашли они в полаты белокаменны,
Вот сидит жена да стара-матера,
Стара-матера да и вся в золоте.

Они бьют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка!»
Тут прошли они в полаты во передния,
Тут сидит жена да стара-матера,
Она боле того да и вся в золоте.
Они бьют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка.
Я есть-то Дюковой матушки колашница». —
«А где-же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговорит жена да стара-матера:
«А Дюковая матушка
Ушла она в божою церковь,
К обедне-то ко позднеей».
Как идет-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведут ее под руки,
А и сама говорит де таково:
«Вы здравствуйте, му́жички да вы оценщички!
Вы зачем сюда да ведь приехали?
Знать, животишечков сиротскиих описывать?»
Тут прошли они в полаты белокаменны,
Садилися они за столы дубовыи,
И стали за столом они да кушати,
И крупивчатых колачиков рушати.
Как колачик-то съешь, дру́гой хочется,
Другой съешь, по третьем душа горит,
А третий-то съешь, четвертый с ума нейдет.

Тут пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
Привела их в погреба глубокии,
Ко тем ли сбруям лошадиныим,
Да тут они писали по три годы,
По три годы, да еще по три дни.
Еще привела: висит бочки красна золота,
А другие висят чиста серебра,
А третьи висят скатна жемчуга.
Потом вывела на улицу да на широкую:
Течет-то струйка золоченая,
И тут они не могли и сметы дать.
Сама говорит таково слово:
«Ай же вы, му́жички да вы оценщички!
Поезжайте вы ко́ граду ко Киеву,
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
Вы скажите-тко князю Владимиру:
Он на бумагу продаст Киев-град,
А на чернила продаст весь Чернигов-град, —
А тогда приедет животишечков сиротскиих
описывать».
Как старый казак Илья Муромец
Да молодой Добрыня сын Никитинич,
Они приехали-то ко́ граду ко Киеву,
К солнышку князю ко Владимиру,
И сами говорят да таково слово:
«Наказывала Дюковая матушка
На бумагу продать весь Киев-град,
На чернила продать Чернигов-град, —
Тогда приехать животишечков сиротских
описывать».
Тут проговорил Владимир стольний-киев-
ский:
«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!

За твою ли за великую за похвальбу,
Ты торгуй-то в нашем вó граде во Киеве,
А во Киеве во граде да без пошлины!»
А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Он садился на своего добра коня,
Он поехал-то в Индею во богатую
Ко своей государыни родной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне,
А он сделал с нею доброе здоровьице.
А тут век про Дюка старину скажут,
Синему морю на ти́шину
Добрым людям на послу́шанье.

ПРО ЧУРИЛУ

В Новом городе было
Как не вó пору пороха выпадала,
Как не вó пору да не вó времё,
Середь лета было о Петрово дни.
По той по порохе снегу белого
Не бел горносталь да шел-проскакивал,
Да шел-прошел да добрый молодец,
Да молод Чурило да сын Плёнкович.
Да пяты шилом носки были востры,
Да пóд пяту хоть воробей лети,
Кругом носка хоть ейцо кати.
Да шубоцька на ём семисот рублей,
На шубы подтяжка позолочена,
Да ожерелье у шубы чёрна соболя,
Не того де соболя сибирьского,
Не сибирьско соболя заморского.[1]
Да пуговки у его были вальячныя,
Того ли вальяку краснозолоту.[2]
Да петелки то были шóлковы,
Да того де шолку, шолку белого,
Да белого шолку шамахильского.
Да шел-то он да ко чужу двору,

---

[1] «Это с Камчатки». *(Примеч. сказителя).*
[2] «Это дорогое золото». *(Примеч. сказителя.)*

Ко чужу двору ко Перемётыну,
Перемету дома не лучилоси,
Свет Васильевица не погодилосе,
Уехал он да ле во чистó полё
Да бить гусей да белых лéбедей,
Да серых маленьких утицей.
Бежал-то он да ле на красно́ крыльцо,
Стучит, бречит он да за злато́ кольцо,
Дерьгал ремешок да семишолковый,
Выходит ле Настасья да дочь Викулишна,
Сама говорит она да ле таково слово:
«Да кто ю ворот стоит, толкаитсе,
Стучит, гремит да во злато́ кольцё,
Дергат ремешок семишелковый?» —
«Да я ле, Настасья дочь Викулишна,
Да я у ворот етом толкаюсе
Тебя ли, Настасья, дожидаюся».
Открыват она тут да новы́ ворота́,
Брала Чурилу за белы руки́,
Вела его, Чурилу, да по новы́м сеня́м,
Да по новы́м сеня́м да в но́ву горницю.
Да разделся Чурила чуть не до́нага,
Да розулся Чурила ведь до́боса,
Да шубоцьку он на грядоцьку,
Да шапку, рукавки на лавоцку,
Сапожки, чулочки под кроватоцку,
Кормила она его вить ноньце до́сыта,
Поила она ноньце до́пьяна,
Ложился Чурила вить с чужой женой,
С чужой женой да с чужой мужьей же.
Приходит тут девоцка служаноцка,
Сама говорит да таково́ слово́:
«Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,

Живёшь ты нонь не по-дорожному,
Живёшь ты нонь да по-домашному,
Розделся ведь ты чуть не до́нага,
Розулся ты уж ведь ноньце до́боса,
Спишь-лежишь да со чужой женой,
Со чужой женой да с чужой мужьей же.
Скажу Перемёту я Васильевичу».
Говорит Чурило да таково слово:
«Гой еси ты, девушка чернавушка,
Не сказывай, девушка чернавушка,
Куплю я тебе в косу́ лентоцку,
Которая лента стоит сто рублей». —
«Не надо мне твоя лентоцка,
Котора стоит хош и сто рублей, —
Скажу Перемёт я Васильевичу». —
«Не сказывай, девушка служаноцка,
Куплю сарафан тебе на золоти,
Который стоит восемьсот рублей». —
«Не надо сарафан мне твой на золоти,
Который стоит хоть и восемьсот рублей,
Скажу я Перемёт я Васильевичу». —
«Не сказывай, девушка служаноцка,
Куплю тебе шубку камчатную,
Котора стоит девятьсот рублей». —
«Не надо мне-ка твоя шубоцька,
Хоть котора стоит девятьсот рублей,
Скажу Перемёт я Васильевичу».
Выходила она тут на красно крыльцё,
Смотрела она во чисто́ полё.
Да едет детина из чиста́ поля
Да конь по ним да аки лютый зверь,
На кони молодец да как ясён со́кол.
Приворачиват да он ко тому двору,

Ко тому крыльцю ко Перемётыну,
Снимат то он свой пухо́в колпак:
«Да здравствуй ты, девушка служаноцка,
Спасибо тебе, хоть меня встретила,
Да где же у меня нонь молода жена,
Почему она меня не встретила?
Пировать ушла ле, столовать ли ушла,
Ле не́время како́ случилосе?»
Говорит тут девушка служаноцка:
«Не пировать ушла, не столовать ушла,
И не́время никако мне случилосе,
Богатсво к твоей жены привязалосе:
Прибежал ведь конь из чиста поля,
Заскочил ведь конь да во зеле́ный сад,
Примял то ведь травоньку шелко́вую,
Да при́пил питья́ да всё медяные».
На то Перемёт то он догадлив был,
Соскакивал да со добра коня,
Привязал коня да к золоту́ кольцю,
Бежал то он на красно́ крыльцё,
На красно́ крыльцё по новы́м сеня́м,
На красно́ крыльцё да прямо в горницу.
Перемёт от по горенке похаживат,
В пол копьем да подпираетце,
Сабелька да изгибаетце,
Из кольца в кольцо да извиваетце,
Ясне́шененько везде высматриват,
Увидел он ведь уж на грядоцки,
На грядоцки да ви́сит шубоцка.
«Это што у тя поштё, это што у тя наштё?»
Говорит тут Настасья дочь Викулишна:
«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговищо,

Купила тебе я кунью шубоцку,
Котора стоит ведь семьсот рублей.
Нá людях вижу — на тебе судáрь люблю».
Перемёт от по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираитце,
Да сабелька изгибаитце.
Из кольца в кольцо извиваетце,
Яснéшенько везде высматриват.
Увидел он уж на лавоцки,
На лавоцки да лежит шапоцька,
Да шапка лежит, да уж с рукавками.
«Это што у тебя пoштё, и это што у тебя
нaштё?»
Говорит Настасья дочь Викулишна:
«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,
Вецор я ходила во торговищо,
Купила я тебе ведь шапоцьку,
Шапку купила ведь да и с рукавками,
Нá людях вижу — на тебе, судáрь, люблю».
Перемёт то по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибаитце,
Из кольца в кольцо извиваетце.
Яснéшенько везде высматриват.
Увидел он да под кроватоцкой,
Под кроватоцкой лежат да сапожецки,
Сапожки лежат да со чулоцками.
«Это што у тебя пoштё и это што у тебя
нaштё?»
«Ой, Перемёт от сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговищо,
Купила я тебе уж сапожецки,
Сапожки купила и с чулоцками.

На́ людях вижу — на тебе, суда́рь, люблю».
Перемёт от по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибаетце,
Из кольца в кольцо извиваетце,
Яснёшенько везде высматриват.
Увидал он ведь на кроватоцке,
На кроватоцке да лежит мо́лодец,
Ставал то Чурило с кроватоцки,
Да падал ему он во резвы́ ноги́.
«Да здравствуй ты, брателко названой мой».
Говорит Перемёт от таково слово:
«Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,
Да рано тебе ведь я уж сказывал,
Доселе, знать, я тебя уговаривал,
Што не знайся ведь Чурило с моей женой,
Доведет жена ведь до погибели».
Не ясён сокол как крылом махнул,
Ма́хнул крылом да кры́лом пра́вым же,
Ма́хнул Перемёт да саблей вострою,
По той по шее по Чуриловой. [1]
Говорит тут Настасья дочь Викулишня:
«Где белу лебедю лежать,
Тут и белой лебёдушке».
Говорит Перемёт таково́ слово:
«Да я вашей заповеди не рушаю».
Не ясе́н сокол да как кры́лом махнул,
Ма́хнул крылом да кры́лом правым же,
Ма́хнул Перемёт да саблей вострою,
По той по шее по Настасьиной.
Он тут служанку взамуж взял за верность.

---

[1] «Голову отсек». (*Примеч. сказителя.*)

Василья Буслаева

Вславномъ великомъ нове граде а жилъ буслаи додевя-
носта летъ сновымъ городомъ жилъ неперечился
сомужики новогородцкими поперекъ слове не говаривалъ
живучи буслаи состарелся состарелся и переставился после
ево веку долгова аставалася ево житье бытье и все
имение дворянское асталася матера вдова матера
амелфа тимофьевна ноставалася чадо милая молодои
сынъ василеи буслаевичь будетъ васинка семи годовъ
одавала матушка родимая матера вдова амелфа
тимофьевна учить ево вограмоте аграмота ему
внаукъ пошла присадила перомъ ево писать писмо
василью внаукъ пошло одавала петью учить церковнадь

Рукопись сборника Кирши Данилова, лист 14

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

В славном великом Новеграде
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи, Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгого
Оставалося его житье-бытье
И все имение дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое —
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте, —
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать, —
Письмо Василью в наук пошло.
Отдавала петью учить церковному, —
Петье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Новегороде

Сопротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы с безумницы,
С веселыми, удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уж стал напиватися, —
А и, ходя в городе, уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То из . . . ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарачь ползет,
Пошла-то жалоба великая, —
А и мужики новегородские,
Посадские богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить, —
Журьба Ваське не взлюбилася.
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатой стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
«Кто хощет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкой двор, —
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное».
Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкие
И на те частые переулочки;

В то же время поставил Васька чан середи двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опущал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде
Грамотны люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкой двор
К тому чану, зелену вину;
Вначале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой двор;
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червлепым вязом;
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд, —
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя, не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий, сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названой брат,
И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Тем молодцам стал радошен и веселешенек.
Пришли тут мужики Залешена:
И не смел Василий показатися к ним.
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи —
Собиралися, сходилися

Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатой стал; —
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич,
У мужиков новгородскиих
Канун варен, пива ячныя;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину:
«Не малу мы тебе сыпь платим:
За всякого брата по пяти рублев».
А за себя Василий дает пятьдесят рублев,
А и тот-то староста церковной
Принимал их во братчину в Никольщину.
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячныя.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хораброю;
Напилися они туто зелена вина
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого,
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великая;
Молодой Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел;
А и тут Василий закричал громким
голосом:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородские.
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород
Битися, дратися,
Со всею дружиною хораброю;
Тако вы меня с дружиною побьете Новым городом,
Буду вам платить дани, выходы по смерть свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритеся,
То вам платить мне такову же дань».
И в том-то договоре руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая, —
А мужики новгородские,
И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера, —
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новегороде,

Прибили уже много до смерти.
А и мужики новгородские догадалися.
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
«Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича».
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка чернавушка,
Сохватала Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимыя,
Притащила Ваську на широкой двор;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хорабрая
Со теми мужики новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то девушка чернавушка
На Волх реку ходила по воду,
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного.
У того часу смертного».
И тут девушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,

Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новогородскиим, —
Прибила уж много до смерти,
И тут девка запыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василий, или так
лежишь?
Твою дружину хорабрую
Мужики новогородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкой двор, —
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Новугороду,
По тем по широким улицам;
Стоит тут старец Пилигримища,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд;
Кричит тот старец Пилигримища:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молодой глуздырь, не полетывай, —
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов сопротив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Пилигримища!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новогородскими,

Опричь почестного монастыря,[1]
Опричь тебя, старца Пилигримища,
Во задор войду — тебя убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною,—
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,
А и во лбе глаз — уж веку нету.[2]
Пошел Василий по Волх-реке,
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице.
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то молодцов думушки прибыло;
Молодой Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку, —
Со теми мужики новогородскими
Он дерется, бьется день до вечера;
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися, —
Понесли они записи крепкия
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, покланяются:
«Осударыня матушка,

---

[1] А не с честным монастырем.
[2] Во лбу глаз уже давно нет.

Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов».
В та поры матера вдова
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушку чернавушку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та девушка чернавушка,
Бежавши та девка запыхалася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтеи по улице валяются
Тех мужиков новогородскиих.
Прибежала девушка чернавушка,
Сохватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:
«Мужики пришли новогородские,
Принесли они дороги подарочки
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкой двор,
Привела-то их к зелену вину;
А сели они, молодцы, во единой круг,

Выпили ведь по чарочке зелена вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородскиих;
Вскричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье навек залезено».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
В та поры мужики новогородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей, —
И затем у них мирова пошла;
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ

Под славным, великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает, поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
А плавает, поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною
хораброю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленькой Потаня на носу стоит,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василий ко своему он двору
дворянскому,
И за ним идет дружинушка хорабрая;
Только караулы оставили,
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому.

Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Как вьюн около ее убивается,[1]
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Итти мне, Василью, в Ерусалим-град,
Со всею дружиною хораброю,
Мне-ко господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого,
А и не носи Василья сыра-земля».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою».
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,

---

[1] Вместо: «увивается».

Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильменю;
Бегут они уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую, —
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда молодец поизволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики.
А мое-то ведь гулянье неохотное:
С молоду бито много, граблено,
Под старость надо душа спасти;
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Иерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора года. —
На славном море Каспийскиим,
На том острову на Куминскиим,
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы, галеры,
Разбивают червлены корабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленой вяз;
А бегите-ко, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил Василий сын Буслаевич

На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летит дружина хорабрая.
Будет Василий в полу-горе;
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость;
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буславьевич!
Ты к чему меня, голову побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был;
Умею я, молодец, валятися, —
А на той горе Сорочинския,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистой дух».
Пошел на гору высокую, —
На самой сопке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через его только топор подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А и кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперек того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.

Пошли со горы Сорочинския,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят козаки-разбойники,
А стары атаманы козачие;
На пристани их стоят сто человек.
А и молодой Василий на пристань стал;
Сходни бросали на крут бережок, —
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом подпирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испугалися;
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам козачиим;
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого,
Это-де идет Василий Буславьевич;
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецка».
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы козачие;
Пришли они, стали во единой круг.
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы козачие.
А скажите вы мне прямого пути
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы козачие:

«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебя просим за единой стол хлеба кушати».
В та поры Василий не ослушался,
Садился с ними за единой стол;
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра;
Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полу-ведра пить.
И хлеба с солью откушали.
Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль;
Дают ему атаманы козачие подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую — красна золота,
Третью — скатного жемчуга.
За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого
И сами с ним прощалися.
Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хораброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому. —
Будут они во Ердань-реке,
Бросали якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок;
Походил тут Василий Буслаевич,
Со своею дружиною хораброю,
В Иерусалим-град;

Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буслаевича;
И обедню с панихидою служил
По родном своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что с молоду бито много, граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался.
И расплатился Василий с попами и с
дьяконами;
И которые старцы при церкви живут,
Дает золотой казны не считаючи.
И походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлен корабль;
В та поры его дружина хоробрая
Купалася во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердане-реке?
А не кому купатися, опричь Василья
Буславьевича. —
Во Ердане-реке крестился сам господь
Иисус Христос;
Потерять его вам будет большого
Атамана Василья Буслаевича».
И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует ни в сон,
ни в чох».
И мало время поизойдучи,
Пришел Василий ко дружине своей,

Приказал выводить корабль
Из устья Ердань-реки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы козачие
И стоят все на пристани корабельныя;
А и выскочил Василий Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклонились ему атаманы козачие:
«Здравствуй, Василий Буслаевич,
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василий не баит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их молодцов.
В та поры атаманы козачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним;
Прощался со всеми теми атаманы козачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому к Новугороду.
А и едут неделю спорядку,
А и едут уже другую;
И завидел Василий гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать, —
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору.
Пошел Василий со дружиною,
И будет он в пол-горы,

И на пути лежит пуста голова, человечья
кость.
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич.
К чему меня, голову, попинываешь
И к чему побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинския;
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове».
Плюнул Василий, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатныя,
И через его только топором подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А и кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует;
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменю поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю,
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежала дружина с той Сорочинской горы

На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали ко Новугороду;
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове к Амелфе
Тимофеевне,
Прошли и поклонилися,
Все письмо в руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама
заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка чернавушка
К тем подвалам глубокиим,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одевала
добрых молодцов».
В та поры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина;
Подносит девушка чернавушка
Тем удалым добрым молодцам;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотелося.

САДКО

Во славноем в Новеграде
Как был Садке́ купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садке́.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке́ соскучился:
Как пошел Садке́ к Ильмень озеру.
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке́ перепался,
Пошел прочь от озера во свой во
Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке́ соскучился:
Как пошел Садке́ к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке́ перепался,

Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке́ соскучился:
Как пошел Садке́ к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садке́ новгородскиий!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великия,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди-свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садке́, счастлив будешь».
Пошел Садке́ от Ильменя от озера.
Как приходил Садке́ во свой во Новгород,
Позвали Садке́ на почестен пир.

Как тут Садке́ новгородскиий
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садке́ попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садке́ стал похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородские.
Как знаю чудо чудное в Ильмень озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень озере».
Как тут-то купцы новогородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень озере рыбы — золоты перья». —
«Ай же вы, купцы новогородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень озеро:
Закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новогородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садке́ поторговывать,
Стал получать барыши великие.

Во своих палатах белокаменных
Устроил Садкé все по-небесному:
На небе солнце, и в палатах солнце,
На небе месяц, и в палатах месяц,
На небе звезды, и в палатах звезды.
Потом Садкé купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новогородскиих
И тыих настоятелей новогородскиих:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбамы все похвалялися.
Иный хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новогородские:
«Все мы на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися,
Похвальбамы все похвалялися.
Что же у нас Садкé ничем не похвастает,
Что у нас Садкé ничем не похваляется?»
Говорит Садкé купец, богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.

А похвастать — не похвастать бессчетной
золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новогородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новогородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Новеграде товаров в продаже боле
не было.
Ставал Садке́ на дру́гой день раны́м рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны,
И распущал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новогородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На дру́гой день ставал Садке́ раны́м рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупал товары новогородские,

Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день ставал Садке́ раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгород-
скую.
Как тут Садке́ пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Още повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новогородскиий,—
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новогородскиим
Денежек он тридцать тысячей.
На свою бессчетну золоту казну
Построил Садке́ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыих;
На ты на корабли на черленые
Свалил товары новогородские,
Поехал Садке́ по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту орду,
Продавал товары новогородские,
Получал барыши великие,

Насыпал бочки сороковки красна золота,
чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись червлены корабли на синем
море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садке купец, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли всё нейдут с места на синем
море.

Говорит Садкé купец, богатый гость:
«Видно, царь морский требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны
Я сам сделаю на красноем на золоте
Всяк свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдет,
Таковому итти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садкé делал на красноем на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка купца ключом на дно.
Говорит Садкé купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны:
Делайте жеребья на красноем на золоте,
А я сделаю жеребей вольжаный».
Делали жеребья на красноем на золоте,
А сам Садкé делал жеребей вольжаный,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка купца ключом на дно. [1]

. . . .

[1] Этим не оканчивается испытание: Садко предлагает дружине сделать жеребья дубовые, а сам делает липовое; потом дружина делает жеребья липовые, а он дубовое. *(Примеч. собирателя.)*

Говорит Садке́ купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал божьи́м церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье дружины хоробрыя.
Говорил Садке купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую па воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть на синем море».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.
Остался Садке на синем море.
Со тоя со страсти со великия
Заснул на дощечке на ду́бовой.
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море, на самом дне.

Сквозь воду увидел пекучись красное
солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садке́, во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садке́ в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты, Садке́ купец, богатый гость!
Век ты, Садке́, по морю езживал,
Мне царю дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:
Поиграй же мне в гуселки яровчаты».
Как начал играть Садке́ в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем
море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садке́ сутки, играл и другие,
Да играл еще Садке́ и третьии,
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем
море,
Стало много гинуть именьицев,
Стало много тонуть людей праведныих:
Как стал народ молиться Миколы
Можайскому.
Как тронуло Садка в плечо во правое:
«Ай же ты, Садке́ новогородскиий.
Полно играть в гуселышки яровчаты».

Обернулся, глядит Садке́ новогородскиий:
Ажно стоит старик седатыий.
Говорил Садке́ новогородскиий:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай,
Скажи: «У меня струночек не случилося,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садке́, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти:
Позади идет девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка, —
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Как ляжешь спать во перву ночь,
Не твори с женой блуда во синем море:
Останешься навеки во синем море;
А ежели не сотворишь блуда во синем море,
Ляжешь спать о девицу-красавицу,

Будешь, Садкé, во Новеграде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколы
Можайскому».
Садкé струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
«Ай же ты, Садкé Новогородскиий!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —
«У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилося,
А шпенечков не пригодилося».
Говорит царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говорит ему Садкé новогородскиий:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять говорит царь морской:
«Ну, Садкé, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Вставал Садкé поутру ранешенько,
Поглядит, идет триста девушек красныих.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка:
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как прошел у них столованье почестен пир,
Как ложится спать Садкé во перву ночь,

Не творил с женой блуда во синем море.
Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Черпаву на крутом кряжу;
Как поглядит, ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во
синем море:
«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садке во синем море!»
А Садке стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садке дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарния.
Начал Садке выгружать со черленых
со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленыих кораблей,
Состроил церкву соборнюю Миколы
Можайскому.
Не стал больше ездить Садке на сине
море,
Стал поживать Садке во Нове-граде.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-за того острова Кадольского,
Из-за того ли моря за Дунайского,
Выходило, выбегало тридцать кáраблей.
Ино на тыих было тут на кáраблях
Тридцать молодцев без единого,
Сам Соловéй во тридцатыих,
Тридцать одна его матушка роднá.
Хорошо карáбли изукрашены,
Хорошо карáбли изнаряжены:
И нос корма да по-туриному,
Широкú бока по-лосиному
Парусы крýпчатóй камки,
Якори на кáраблях булатнии,
У якорёв колечика серéбряныи,
Кадолы-ты из семи шелков;
И место было руля повешено
По заморскому соболю по дóрогомý,
Да руль-то был заналáженной.
И на том было как на кáрабли
Млад Соловейко Гудúмирович.
Сам сгóворил таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
Делайте дело повелéное,
Слушайте бóльшего атáмана.
Вы берите-тко трубочки подзорныи,

Глядите во славно во сине́ морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Наглядите в при́сталь карабельнюю».
И ставали во машты высокии,
Делали дело повеленое,
Слушали бо́льшего ата́мана,
Глядели во славно сине́е морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Углядели при́сталь карабельнюю.
Скоро будучи с ка́раблем под Киевом,
Забегали во присталь карабельнюю,
Па́русы спускали крупчато́й камки,
Якори бросали булатнии.
Зго́ворит млад Солове́й сын Гуди́мировиц:
«Сходенку выкидывай сере́бряную,
Дру́гу выкидай подзоло́ченую,
Третью выкидай испово́лжаную,
Берите подарки умильнии,
Куниц вы лисиц да заморскиих».
Брали ёны во белы́и руки́,
Матушка камочку узо́рчатую,
И сам берет гуселка яро́вчатыи,
И сам и́дет по сходенки золо́ченыи,
Матушка иде́т по сере́бряныи,
Вся его двужина по испово́лжаныи;
Приходят оны ко Владимиру на двор.
Приходит в палату грановитую,
Крёст кладе́т по-писа́ному,
А поклоны-ты веде́т по-учё́ному,
На все три ведь на четыре он на стороны,
Тому ли Владимиру в особину.

Подают ему подарочки хорошие,
Матушку камочку узо́рчатую
Молодой княгины Опраксии.
Взимает княгина на бельи́ руки́,
А взимает княгина, дивуетси:
Да не до́рога камочка заморская,
А й до́роги узоры заморскии!
Стал его Владимир выспрашивати,
Стал его Владимир выведывати:
«Ты скажись, молодец, со коёй земли,
Как молодца имене́м зовут?»
Подходит к ему поблизёшенько,
Поклонился князю сам низёшенько:
«3-за того я моря з-за Дунайского,
3-за того я острова Кадольского,
Душечка удалый добрый молодец,
Млад Соловейко да сын Гуди́мирович». —
«Ты зачем же сюда побыва́л ко мни?
Торго́м торговать ли на съезд ко мни,
Ли на съезд ко мни, ли на житьё пожить?»
Ответ держал Соловеюшко,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«Неторго́м торговать да не на съезд к тобе,
Я приехал к тобе как на житьё пожить.
Дай-ко мне да топерь ми́стечка
Подли се́бя да ты подли́ бочка.
Есть у тя молода племянница,
Молода Забавушка Путятична,
У нёй как есть во зелены́х садах
Дубьица вязьё повы́рощеноё:
Позволь-ко мне-ка нунь су повырубити,
Из саду вон мне повыметати́,
Построить мне да там три терема́,

Со тро́ими со си́нями[1] с наряднимиꞏ».
Зго́ворит Владимир таково́е слово́:
«За тыи за речи умильнии,
За твои слова постановныи,
Ступай нынь теперь в зелены́и сады,
Делай ты дело повеленое».
Также приходит Соловьюшко,
Млад Со́ловей да сын Гуди́мирович,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцов без единого:
«Делайте вы дело повеленоё,
Слушайте бо́льшего ата́мана,
Берите вы нынь да во белы́ руки
А и ты ль топорики булатнии,
Поделайте кирочки, лопаточки,
Поди вы таперь да в зеленыи сады —
Ду́бья вы вязья́ всё повы́рубите,
Да из саду вон да вы повы́мечите,
А тыи коренья вы повы́копайте;
Постройте вы там да ровно три́ терема́,
Со тро́има со си́нями с наряднимии, —
Поутру мне-ка стать нынь-ка жить пойти».
Делали дело повеленоё,
Слушали бо́льшего ата́мана,
А имали топорики булатнии,
Поделали кирочки, лопаточки,
Дубья-то вязья́ повы́рубили́,
Из саду вон как тут повы́метали,
Построили оны ведь тут три́ терема́,
Со тро́има со си́нями с наряднимии;
К утру свету они жить пошли.

[1] С сенями.

Поутру было как тут ранёшенько,
А ставала как есть нынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тут белёшенько,
Утиралась полотёнушком сушёхонько,
Она господу богу помолиласе,
Глядела она тут во окошечко,
Сама-то óна тут счудоваласе,
Сама-то она тут сдивоваласе:
«Что это нынь чудо счу́дилосе,
Вино пиво да воспроку́рилосе.
А во моих теперь зелены́х садах
А дубьицо вязья все повырублено.
А из саду вон оны повы́метаны».
Как шубу надевала на одно плечо,
Башмачки надевала на босу ногу,
Пошла ёна Забава в зелены́ сады,
Приходит она ко пéрву терему́, —
В первом терему шопоткóм говорят:
Молится матушка ведь господу,
Умаливат за сына за любимого,
За мла́дого сына Гуди́мирова.
Приходит она ко дру́гу терему́, —
В другом терему́ стучит-гремит,
Стучит-гремит как золота казна:
Считает Соловей да золоту казну,
Золоту казну ён тут бессчетную.
Приходила она ко трéтью терему́, —
Там играют во гусéлка ярóвчатыи,
Тонцы ведут от Нова́-города́,
Дру́ги ведут-то от Ерóсолима,
Припевы припевают хорóшии.
Заходила Забава Утятична.

Во тот ли она во белой шатёр,
Крёст она клала по-писаному,
Поклоны-ты вела как по-учёному,
На вси три ведь на четыре как на стороны
Той ли дружины в особину;
Садилась на брусову нову лавочку,
Сидела она, видно, день с утра,
День с утра она до вечера,
А от вечера как до полуночи,
От полуночи как до бела свету.
Поутру было тут поранёшенько
Приходит душечка удалый молодец,
Млад Соловейка сын Гудимирович,
Сам он говорит таковое слово:
«Чья у вас девица присватанная,
Чья у вас девица незнаемая».
Ставала Забава на резвы ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
Млад Соловейко Гудимирович.
Есть ты молодец ведь неженёный,
Я ли девица на выдаваньи».
Зговорит душка удалый добрый молодец,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«За всё тебя девица, за всё люблю,
За одно тебя девица я никак не люблю,
Ты сама себе девица просватала...
Ступай-ко девица ты во свой нынь дом,
Бей-ко челом, поклоняйси-тко
Князю ль тому же ты Владимиру,
Чтобы он завёл как нынь почестный пир».
Так пошла нынь девица как во свой тут дом,

Била девица и челом она
Ко тому ко князю Владимиру:
«Ты послушай-ко нынь, мой ты дядюшка,
Ты Владимир князь-ко стольне-киевской.
Во своей полаты грановитыи
Для меня любимой племяницы
Заведи-ко ты ныни как почестный пир,
Чтобы было мне чим нынь похвастати».
А как завел ей ведь тут дядюшка,
Он завел нынь тут как почестный пир.
На том на пиру да было весело,
Пили, ели, проклаждалися.
Тогда приходит удалый мо́лодец,
Млад Соловейко сын Гуди́мирович,
Берет её девицу за белы́ руки,
Пошли оны с девицей во божью́ церкву,
Златыми перстнями да обручалиси,
Златыми венцами да повенчалиси.
Приходит Солове́й ко Владимиру,
Приносит благодарность великую,
Делат поче́т ему честныи,
Честныи поче́т и благодарныи.
Пошел Солове́й да во свой тут дом,
Стал Солове́й-то жить и быть,
Ме́жу со́бой времечки коро́тати.
Здунинай Дунай сын Иванович Дунай,
Сын Иванович Дунай про то дело не знай.
Мхи да болота в Помо́рской стороны́,
Щелья-каменья Подсе́верной страны́,
Прстолстыи горы высокии,
Превысоки леса все дремучии.
А рострубисты сарафаны по Моше по реки,
Здунинай Дунай про то дело не знай.

ВОЛЬГА

Закатилось красное солнышко
За лесушки за темныя, за моря за
широкия,
Россаждалися звезды частыя по светлу́
небу:
Порождался Вольга́, сударь Буславлевич,
На святой Руси.
И рос Вольга́ Буславлевич до пяти годков,
Пошел Вольга́, сударь Буславлевич,
по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звери в лесах розбежалися,
Птицы по подоблачью розлеталися,
И рыбы по синю морю розметалися.
И пошел Вольга́, сударь Буславлевич,
Обучаться всяких хитростей-мудростей,
Всяких язы́ков он разныих;
Задался Вольга́, сударь Буславлевич,
на́ семь год,
А прожил двенадцать лет,
Обучался хитростям-мудростям,
Всяких язы́ков разныих.
Собирал дружину себе добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать бога́тырей без единого,

Сам становился тридцатыим:
«Ай же вы, дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте большего братца атамана-то,
И делайте дело повелёное:
Вейте веревочки шелкóвыя,
Становите веревочки по темнý лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы куниц, лисиц,
Диких зверей, черных соболей
И подкопучиих белых заячков,
Белых заячков, малых горносталюшков,
И ловите по три дня по трú ночи».
Слушали большего братца атамана-то,
Делали дело повелéное:
Вили веревочки шелкóвыя,
Становили веревочки по темнý лесу, по
сырой земли,
Ловили по три дня по трú ночи,—
Не могли добыть ни одного зверка.
Повернулся Вольгá, сударь Буславлевич,
Повернулся он левы́м зверём;
Поскочил по сырой земли по темнý лесу,
Заворачивал куниц, лисиц
И диких зверей, черных соболей,
И белых поскакучиих заячков,
И малыих горносталюшков.
И будет во граде во Киеве
А со своею дружиною со доброю,
И скажет Вóльга, сударь Буславлевич:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слухайте большего братца атамана-то
И делайте дело повелёное,
А вейте силышка шелковыя,

Становите силышка на темный лес,
На темный лес на самый верх,
Ловите гусей-лебедей, ясныих соколей,
А малую птицу-ту, пташицу,
И ловите по три дни и по три́ ночи».
И слухали большего братца атамана-то,
А делали дело повелёное:
А вили силышка ше́лковы,
Становили силышка на темный лес на
самый верх;
Ловили по три дни по три́ ночи, —
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга́, сударь Буславлевич,
Нау́й-птицей,
Полетел по подоблачью.
Заворачивал гусей-лебедей, ясныих соколей
И малую птицу-ту, пташицу.
И будут во городе во Киеве
Со своей дружинушкой со доброю;
Скажет Вольга́, сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Слухайте большего братца, атамана-то,
Делайте вы дело повелёное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевья́ шелковыя,
Выезжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семжинку да белужинку,
Щученьку, плотиченьку
И дорогую рыбку осе́тринку,
И ловите вы по три дни по три ночи».
И слухали большего братца, атамана-то,
Делали дело повелёное:

Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья шелковыя,
Выезжали на сине́ море,
Ловили по три дни по три ночи, —
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга́, сударь Буславлевич,
рыбой щу́чинкой
И побежал по синю́ морю.
Заворачивал рыбу семжинку, белужинку,
Щученьку, плотиченьку,
Дорогую рыбку осе́тринку.
И будут во граде во Киеве
Со своею дружиною со доброю,
И скажет Вольга́, сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Вы слушайте большего братца атамана-то:
Кого бы нам послать во Турец землю,
Проведати про думу про царскую,
И что царь думы думает,
И думает ли ехать на святую Русь?
А старого послать — будет долго ждать;
Да середнего послать-то — вином запоят,
А малого послать, —
Маленькой с девушкамы заиграется,
А со молодушкамы роспотешится,
А со старыма старушкамы разговор
держать,
И буде нам долго ждать.
А видно буде́ Вольге́ самому пойти!»
Повернулся Вольга́, сударь Буславлевич,
Малою птицею-пташицей,
Полетел ён по подоблачью.

И будет скоро во той земли Турецкоей,
Будет у сантала[1] у турецкого,
А у той палаты белокаменной,
Против самыих окошечек,
И слухает он речи тайные.
Говорит царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталовна!
А ты знаешь ли про то, ведаешь?
На Руси-то трава растет не по-старому,
Цветы цветут не попрежнему,
А на Руси трава растет не попрежнему,
А видно Вольги́-то живаго нет.
А поеду я на святую Русь,
Возьму я себе девя́ть городов,
Подарю я девя́ть сынов,
А тебе, царица Панталовна
Подарю я шубоньку до́рогу».
Прого́ворит царица Панталовна,
«Ай же ты, царь Турец-сантал!
А я знаю про то, ведаю:
На Руси трава все растет по-старому,
Цветы-то цветут все попрежнему.
А ночесь спалось, во снях виделось:
Быв спод восточныя спод сторонушки
Налетала птица малая пташица,
А спод западней спод сторонушки
Налетала птица черно́й ворон;
Слеталися оны во чисто́м поле,
Промежду собой подиралися;
Малая птица-пташица
Черного ворона повыклевала,

[1] Султана.

И по перышку она повыщипала,
А на ве́тер все повы́пускала.
То есть Вольга, сударь Буславлевич,
А что черной ворон — Турец-сантал».
Проговорит царь Турец-сантал:
«Ай же ты, царица Панталовна!
А я думаю скоро ехать на святую Русь,
Возьму я девя́ть городов,
Подарю девя́ть сынов,
Привезу себе шубоньку до́рогу».
Говорит царица Панталовна:
«А не взять тебе девяти городов
И не подарить тебе девяти сынов,
И не привезти тебе шубоньки до́рогой!»
Проговорит царь Турец-сантал:
«Ах, ты, старый чорт!
Сама спала, себе сон видела!»
И ударит он по белу́ лицу,
И поверне́тся — по дру́гому,
И кинет царицу о кирпичен пол,
И кинет второй-то раз:
«А поеду я на святую Русь,
Возьму я девя́ть городов,
Подарю девя́ть сынов,
Привезу себе шубоньку до́рогу!»
А повернулся Вольга́, сударь Буславлевич,
Повернулся серы́м волком,
И поскочил-то ён на конюшен двор,
Добрых коней тех всех пе́ребрал,
Глотки-то у всех у них пе́рервал.
А повернулся Вольга́, сударь Буславлевич,
Малым горносталюшком,
Поскочил во горницу в оружейную,

Тугие луки перéломал,
И шелкóвые тетивочки пéрервал,
И каленые стрелы все повыломал,
Вострые сабли повыщербил,
Палицы булатные дугой согнул.
Тут Вольгá, сударь Буславлевич,
Повернулся Вольгá, сударь Буславлевич,
Малою птицею-пташицей, —
И будет скоро во граде во Киеве,
И повернулся он добрым мóлодцом,
И будет он с своею дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Пойдемте мы во Турец-землю».
И пошли оны во Турец-землю,
И силу турецкую во полон брали:
«Дружина моя, добрая, хоробрая!
Станем-те теперь полону поделять!»
Что было нá делу дорого,
Что было нá делу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Вострые сабли по пяти рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А то было нá делу дешево — женский пол.
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по две полушечки,
А красные девушки по денежке.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга́ Святославгович.
Стал Вольга́ росте́ть, матере́ть,
Похотелося Вольги́ да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги́ во си́них
моря́х,
Птицей-соколом летать Вольги́ под о́бо-
локи́,
Волком и рыскать во чи́стых поля́х.
Уходили-то вси рыбушки во глубо́ки моря,
Улетали вси птички за о́болоки́,
Убегали вси звери зе те́мны леса́.
Стал Вольга́ он расте́ть, матере́ть
И сберал соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга̀ во тридцатыих.
Был у него родной дядюшка,
Славныи князь Владымир стольно-киевской;
Жаловал его трема городама всё крестья-
намы:
Первыим городом Гу́рчовцем,
Дру́гим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.

Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своёй дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чистó поле,
Ен услышал во чистóм поли ратоя;
А орет в поле ратой, понýкиваёт,
А у ратоя-то сошка поскрúпываёт,
Да по камешкам омешки прочúркиваю́т.
Ехал Вольга он до ратоя,
День с утра ехáл до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
А орёт-то в поли ратой, понýкиваёт,
А у ратоя сошка поскрúпываёт,
Да по камешкам омешики прочúркиваю́т.
Ехал Вольга еще другой день,
Дрýгой день с утра до пáбедья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Ен наехал в чистóм поли ратоя,
А орет в поле ратой, понýкиваёт,
С края в край бороздки помéтываёт,
В край он уедет — другого нé видáть.
То коренья камéнья вывéртываёт,
Да великия он кáменья вси в бóрозду
валúт.
У ратоя кобылка солóвенька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелкóвыя.
Говорил Вольга таковы слова:
«Бог теби помочь, орáтаюшкó,
А орать да пахать да крестья́новатú,
С края в край бороздки помётыватú!»
Гóворил оратай таковы слова:
«Да поди-ко ты, Вольгá Святославгович!

Мни-ка надобно божья́ помочь крестья-
новать;
С края в край бороздки помётывать.
А и далече ль Вольга́ едёшь, куда пу́ть
держи́шь
Со своею со дружинушкой хороброю?»
Го́ворил Вольга́ таковы слова:
«А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гу́рчёвцу,
К дру́гому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу».
Го́ворил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга́ Святославгович!
Да недавно был я в городе — третьего дни
На своей кобылке соловою,
А привез оттуль соли я два́ меха́,
Два меха-то соли привез по со́року пуд,
А живут мужики там розбойники,
Ены просят грошёв подорожныих.
А я был с шалыгой подорожною,
А платил им гроши я подорожныи:
А кой сто́я стоит, тот и си́дя сиди́т,
А кой си́дя сиди́т, тот и ле́жа лежи́т».
Го́ворил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай ора́таюшко́!
Да поедем-ко со мною во товарищах,
Да ко тем к городам за получкою».
Этот оратай оратаюшко
Гужики с сошки он повыстенул
Да кобылку из сошки повы́вернул,
А со тою он сошки со кленовенькой,
А й оставил он тут сошку кленовую,
Он садился на кобылку соловеньку;

Они сели на добрых коней, поехали
По славному роздольицу чисту́ полю.
Го́ворил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга́ Святославгович!
А оставил я сошку в бороздочке
Да не гля-ради прохожего, проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут, —
Мне нечем будет мо́лодцу крестья́новати́.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повы́дернули́,
Из омешиков земелька повы́тряхнули́,
Бросили бы сошку за ракитов куст».
Молодой Вольга́ Святославгович
Посылает тут два да три добрых мо́лодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повы́дернули́,
Из омешиков земельку повы́тряхнули́,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Едут туды два да три добрых мо́лодца
Ко это́й ко сошике кленовоей;
Они сошку за обжи круго́м вертят,
А им сошку от зе́мли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земельки
повы́дернути́,
Из омешиков земельки повы́тряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброей

А ко этóй ко сошке кленовоей.
Приехали оны целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружком вертят, —
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы́-
дернути́,
Из омешиков земельки повы́тряхнути́,
Бросить сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единаго.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единаго,
А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят, —
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы́-
дернути́,
Из омешиков земельки повы́тряхнути́,
Бросити сошки за ракитов куст.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга́ Святославгович!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
А не могут оны сошки с земельки повы́-
дернути́,
Из омешиков земельки повы́тряхнути,
Бросити сошки за ракитов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая.
Столько одна есте хлебоясть».
Этот оратай ора́таюшкó,
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этоей ко сошке кленовенькой,

Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повы́дернул,
Из омешиков земельку повы́тряхнул,
Бросил сошку за ракигов куст.
Оны сели на добры́х коней, поехали
Да по славному роздолью чисту́ полю.
А у ратоя кобылка она рысью идёт,
А Вольги́н тот конь да поска́киваёт
А у ратоя кобылка гру́дью пошлà,
Так Вольгин-тот конь оставается.
Стал Вольга́ покры́кивати́,
Стал колпаком Вольга́ пома́хивати́,
Говорил Вольга таковы́ слова:
«Стой-ко, постой, да ора́таюшко́!»
Го́ворил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай ора́таюшко́,
Эта кобылка конём бы была́,
За эту кобы́лку пятьсо́т бы дали́».
Го́ворил оратай таковы слова:
«Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конём бы была́,
Этой бы кобылке и сметы нет».
Го́ворил Вольга таковы слова:
«Ай же ты, оратай ора́таюшко́!
Как-то тобя да именём зовут,
Как звеличают по отечеству?»
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга́ ты Святославгович!
Ржи напашу, в ски́рды складу́,
В ски́рды складу́ да домой вы́волочу́,

Домой выволочу́, дома вымолочу́.
Драни надеру да то я пи́ва наварю́,
Пива наварю́, мужичко́в напою́,
Станут мужички меня покли́кивати́:
Ай ты, мо́лодой Микулушка Селя́нинови́ч!»

СВЯТОГОР

Ездил-то Илья да по чисту полю,
Да наехал Илья на поляницу тут.
И да едут с поляницей по чисту полю,
Да ударил ево палицей по буйной главы,
Да ударил ён тут во другие раз,
Да ударил ён ведь тут да в третий раз,
И розгорелось у ёво сердцо богатырско,
У тово ли у Самсона Святигора у
богáтыря́.
Дал-то-ко Илью да за белы руки
И положил-то-ко Илью да во карман к
себе,
И дал-то-ко Илью да во кармане у себи.
Еще стал туто ведь конь да попинатисе.
«Еще что ты туто, волчья сыть да
травяной мешок!
Еще что ты туто ведь да запинаешься,
Еще разве ты незгоду мне-ка ведаёшь?»
И да провещился ведь конь языком
человеческим:
«Еще где мне-ка возить да двух богáтырей
с конём».
И вынимал туто Самсон Илью да из
кармана тут,
Да поехали с Ильей да по святым горам,

Еще стал Самсон-Святигор тут выспрашивать:
«Да велика ли в тебе да еще сила есть?» —
«А й во мне ведь еще сила небольшая есть,
Еще только побиваю я ведь храбростью своей». —
«И да славные Илья да ведь ты Муромец!
Да ведь во мне-то сила да такая есть,
Кабы в земною-то обширности был столб,
Да как был бы-то в небесной вышины,
Да кабы было в столби в этом кольцо,
Поворотил бы я всю землю подвселенную».
И поехали-то тут они да по святым горам,
И наехали на тех они на святых горах,
Да лежат туто ведь две сумы переметные,
И говорит тут Самсон да таково слово:
«Уж ты славные Илья да ты Муромец!
Сходи-ко ты, Илья, да со добра коня,
И каки туто лежат две сумы переметные,
Поздымай-то ты сумы переметные».
Сходил-то-ко Илья да со добра коня.
И он примается за ты сумы за переметные,
Еще те ли сумы с места не здымаются.
Сходил-де ведь Самсон да со добра коня,
Еще сам-то за сумы да принимается,
Еще те ли-де сумы да с места не здымаются,
А все жилы и суставы у Самсона роспущаются,
И по колено-то в землю Самсон убирается.
(Тут Илья его и похоронил.)

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАВИЛЫ СО СКОМОРОХАМИ

У честно́й вдовы да у Нени́лы,
А у не́й было́ чадо́ Вави́ло.
А поехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
При́шли лю́ди к не́й ве́селы́е,
Весе́лы́е люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здравствуёшь, честна вдова
Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?» —
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Ро́дну матушку хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдём к Вавилушку на ниву;
Он не идёт ле с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуёшь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Ишша белая пшоница засевати,
Родна матушка тебе кормити!» —

«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли ведь тут да скоморошить;
Мы пошли на инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдём, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило то чадо Вавило:
«Я ведь песён петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальцё, —
А и стало тут погудальцё;
Ишша были в руках у его да тут ведь вожжи, —
Ишша стали шолковые струнки.
Ишше то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, святые;
Он походит с има да скоморошить.
Он повёл их да ведь домой жа.
Ишша тут честна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут их кормити.

Понесла 'на хлебы-те ржаные, —
А и стали хлебы-те пшоны́е;
Понесла 'на куру-ту́ варёну, —
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит, люда тут да не простые,
Не простые люди-те, святы́е,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороге.
На гумне мужик горох молотит.
«Тобе бог помо́шь, да ведь крестьянин,
На бело́ горо́х да мо́лоти́ти». —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на и́нишшо́ё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А око́л двора да тын желе́зной,
А на кажной тут да на тычиньке
По человечей-то сидит головки,
А на трёх ведь на тычинках
Ишша нету человечих-то тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам». —
«Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам ведь и здумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек

А во звончатой во переладець;
А Кузьма с Демьяном припособят».
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами:
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кичигами шибати;
Зашибал, он думат, голубят-то, —
Зашибал да всех своих ребят-то.
«Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Ети люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Ишша я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге.
А на стречу им идё мужик горшками
торговáти.
«Тобе бог помошь да те, крестьянин,
А-й тебе горшками торговати!» —
«Вам спасибо, люди весёлы́е,
Весёлы́е люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвету,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окóл двора да тын железной,
А на кажной тут да на тычиньке
По человечей-то сидит головке,
А на трёх-то ведь на тычинках

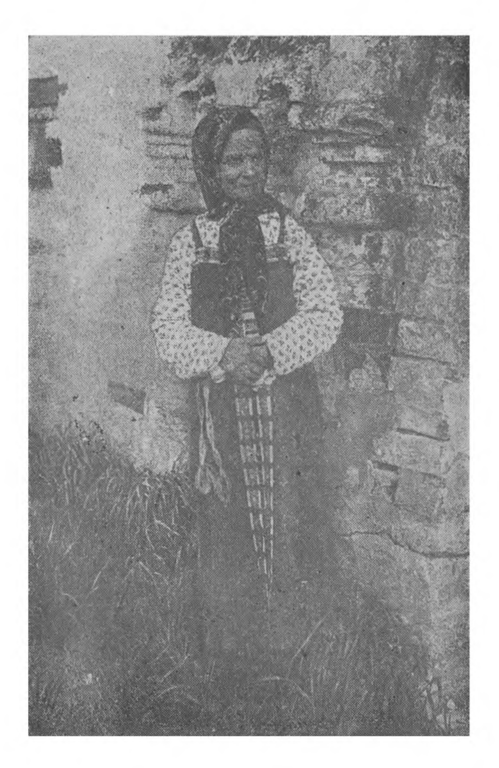
Нет человечих да тут головок;
Тут вашим да быть головкам». —
«Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог да добра нам ведь здумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачми;
Ишша стали мужику-то по оглоблям-то
садитьсе.
Он ведь стал тут их да бити
И во свой ведь воз да класти.
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Розвязал да он да свой возочек, —
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел во своём-то он возочку, —
Ишше тут у его одны да черепочки.
«Ой! я тяжко тут да согрешил ведь:
Ето люди шли да не простые,
Не простые люди-ти, святые, —
Ишша я ведь им год не молился».
А идут скоморохи по дороге.
Ишша красная да тут девица
А она бельё да полоскала.

«Уж ты зравствуёшь, красна девица,
На белó холсты да полоскати!» —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ешше сына его да Перегуду,
Ешше зятя его да Пересвета,
Ешше дочь его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета
А и дочь его да Перекрасу». —
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
А у той у красной у девицы
А были у ей холсты-ти ведь холшовы, —
Ишша стали шолковы да атласны.
Говорит как красная девица:
«Тут люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Ишша я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороге,
А идут на и́нишшоё царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек

А во звоньчатой во переладец, —
Ишша стала вода да прыбывати:
Ишша хочё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
И во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
И пошли быки-те тут стадами
А стадами тут да табунами,
Ишша стали воду да упивати:
Ишша стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Загорелось и́нишшо́ё царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привёз ведь тут да сво́ю ма́терь.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ

В стольном Новегороде,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской;
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентьище:
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по жемчужинке;
Ворота были вальящатыя,
Вереи хрустальныя,
Подворотина рыбий зуб.
Середи двора гридня стоит —
Покрыша седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица то валженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на середе кроватка стоит.
Да кровать слоновых костей.
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,



Мария Дмитриевна Кривополенова, пинежская сказительница конца XIX и начала XX в.

Со полуночи недюжна вся, —
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
. . . .
. . . .
. . . .
Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентьище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублев;
Ты поди, дохтуров добывай,
Волхи-то спрашивати».
А в та поры Терентьище,
Он жены своей слушался,
И жену-то во любви держал;
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублев
И пошел дохтуров добывать.
Он будет Терентьище
У честна креста Воздвиженья,
У жива моста Калинова;
Встречу Терентьищу
Веселые скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи очестливые,
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствуй, богатой гость,
По имени Терентьище!

Доселева-то слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентьище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится;
Говорит им Терентьище:
«А и вы гой, скоморохи молодцы!
Что не сам я Терентий зашел,
И не конь-то богатого завез;
Завела нужда, бедность;
... у меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,
С полуночи недужна вся, —
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
. . . .
. . . .
А кто-бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублев —
Без единыя денежки».
Веселые молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулися:
«А и ты гой еси, Терентьище,
Ты нам что за труды заплатишь?» —
«Вот вам даю сто рублев».

Повели его, Терентьища,
По славному Новугороду,
Завели его, Терентьища,
В тот во темный ряд,
А купили шелковой мех:
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червленой ряд
Да купили червленой вяз,
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту:
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентьища
В тот шелковый мех,
Мехоноша за плеча взял,
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«А и вы гой еси, веселые молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в дому нет?»
Говорят веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А мы тебе челобитье несем
От гостя богатого,
А по имени Терентьища».
И она спохватилася за то:
«А и вы гой еси, веселые молодцы!
Где его видели,
А где про него слышали?»
Отвечают веселые молодцы:
«Мы его слышали,

Сами доподлинно видели
У честна креста Воздвиженья,
У жива моста Калинова
Голова по себе его лежит,
И вороны в... клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ко песенку
Про гостя богатого,
Про старого ... сына,
И по имени Терентьища;
Во дому бы его век не видать».
Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели они песенку:
«Слушай шелковой мех,
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентий гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентьища,
Про старого ... сына:
Во дому бы тебя век не видать;
Шевелись шелковой мех,
Мехоноша за плечами,
Вставай-ко, Терентьище,
Лечить молодую жену,

Бери червленой вяз,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ко, Терентьище,
По своей светлой гридне
И по середе кирпищатой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине, ко пуховыя,
А лечи-ко ты, Терентьище,
А лечи-ко ты молоду жену
Авдотью Ивановну».
Вставал же Терентьище,
Ухватил червленой вяз,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,
Походил он, Терентьище,
По своей светлой гридне,
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей,
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб,
Посмотрит Терентьище
На кровать слоновых костей,
На перину, на пуховую, —
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом соболиным;
Он-то, Терентьище,
Недуга-то вон погнал,
Что дубиною ременчатою;
А недуг-от не путем
В окошечко скочил,
Чуть головы не сломил —

На корачках ползет,
Едва от окна отполоз.
Он оставил недужище:
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пятьсот рублев
В та поры Терентьище
Дал еще веселым
Другое сто рублев
За правду великую.

ПТИЦЫ

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становиласе зима да от морозов,
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тёпло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего дунайского моря
Налетала малая птица певица.
Садиласе птица певица
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малые птицы стадами,
Садилисе птички рядом,
И в одну сторону да головами,
И начали птицу пытати:
«А й же ты, милая птица певица!
И кто у нас за мо́рем бо́льшой,
Кто за дунайскием меньшой?» —
«На море колпик-от царик,
Белая колпица царица.
На мори гуси бояра,
А лебедушки были княгины.
На море рябчик стряпчой,
На́ море жера́в [1] перевощик.

---

[1] Журавль.

Ножки беленьки, тоненьки,
Штаники синеньки, узеньки,
Пó морю ходит и бродит,
Штаничкóв не смочит,
Кажную птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На мори дятел-от плотник,
Кажное дéрево пытаёт,
С тово ради сыт пребываёт.
А ластушки были девицы,
Утушки молодицы,
Чаюшки водоплавны,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян розоряёт.
С того ради сыта пребывает.
А синочка она худая,
Часто, милая, она хвораёт,
Долго она не умираёт.
Работы работать не умеёт,
Казаков нанимать не смыслит.
А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по омётам,
Всё она крестьян розоряёт,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы,
Колье-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян розоряют,
С тово ради сыты пребывают.

А голубь от на море попик,
А голубушки-попадьюшки,
А сорока, кабацкая женка,
С ножки на ножку ступаёт,
Черные чёботы топтаёт,
Высоко чёботы топтаёт,
Удалых молодцов прельщаёт.
Петушки казачки были донские,
Имеют по хозяйки и по две,
По целому да по десятку,
Й не так, как на Руси крестьянин,
Одну-то он женку имеет,
А той нарядить не умеет,
А бить-то ей бедной не смеёт.
Курица, победная птица,
По улице ходит и бродит.
Кто ведь ей изымаёт,
Всяк яйца у ей пытаёт».

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону,
В избе на дому,
На крутых берегах,
На печи на дровах.
Высота ли высота потолочная,
Глубока глубока подпольная,
А и широко раздолье перед печью шесток,
Чистое поле по полавичью.
А и синее море в лохани вода,
А у белого города у жернова
А была стрельба веретеная,
А и пушки мушкеты горшечные,
Знамена поставлены панельные,
Востры сабли кокошники,
А и тяжкие палицы шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жерному,
О том пироге, о ячном мучнике.
А и билися, дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на тута на драку великой бой
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка, Никитин сын,
А и шуба то на нем была свиных хвостов

Болезтью опушено, комухой подложено,
Чирьи да вереды то пуговки
Сливные коросты то петелки

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

А слепые бегут, спинаючи глядят,
Безголовые бегут, они песни поют,
Бездырые бегут . . .
Безносые бегут, понюхивают,
Безрукой в топоры клеть покрал.
А на гумну безрукой за пазуху наклал,
Безъязыкова того на пытку ведут,
А повешенные слушают,
А и резаной в тот в лес убежал.
На ту же на драку великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри.
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою со печенкою,
А и середи синя моря Хвалынскова
Вырастал ли тут кряковист дуб,
А на том на сыром дубу кряковистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила, и детей она свела,
Сивеньких поросяточек,

Поросяточек полосатеньких.
По дубу они все разбегалися,
А в воду они глядят, притонути хотят.
В поле глядят, убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серый волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
Хоть вправо держи, хоть влево, затем
куда хошь,
Они на небо глядят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит,
А и чорт ли видел, что медведь летал,
Бурою корову в когтях носил,
В ступе де курица объягнилася,
Под шестком да корова яйцо снесла,
В осеку овца отелилася,
А и то старина, то и деянье.

СТАРИНА О ЛЬДИНЕ И БОЕ ЖЕНЩИН

Как во славном во городе во Туесе
Да жила была льдинушка княгиною;
Да до Петрова дни царила да там
ростояла.[1]
Да не стало у нас в городи управителя.
Роздралисе невески да со золовками
А боёвыма палками-мутовками,
Да вострыма копьями да всё верётнами.
Пироги они, шаньги да в полон брали,
Они кашу-горюшу-да обневолили,
Кабы кислы-ти шти да на уход ушли,
Еще есть ли хозяин да во своём дому?
Прыкажи, сударь-хозяин, да старину
сказать,
Старину сказать да стародавную,
Кабы синёму морю да на утишину,
Кабы добрыим людям да на послышанье,
Как черным-ле воронам да на пограяньё
Да лайцивым собакам да на полаяньё.

---

[1] Растаяла.

НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

Небылиця в лицях, небывáльшинка,
Небывáльшина да неслыхáльшина:
Ишша сын на матери снопы возил,
Всё снопы возил да всё конóплены.
Небылиця в лицях небывáльшинка,
Небывáльшинка да неслыхáльшинка:
На гори корова белку лаяла,
Ноги рошширят да глаза выпучит.
Небылиця в лицях, небывáльшинка,
Небывáльшинка да неслыхáльшинка:
Ишша овця в гпезди йиць садит,
Ишша куриця под осеком траву секёт.
Небылиця в лицях, небывáльшинка,
Небывáльшинка да неслыхáльшинка:
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушкáми лáпками пом хиват,
Он церны́м хвостом тут попрáвливает.
Небылиця в лицях, небывáльшинка,
Небывáльшинка да неслыхáльшинка:
По синю́ морю́ да жорнова плывут.
Небылиця в лицях, небывáльшинка,
Небывáльшинка да неслыхáльшинка:
Как гулял Гулéйко сорок лет за пецью,
Ишша выгулял Гулéйко ко пецьню столбу;
Как увидел Гулейко в лоханки во аду:

«А не то ле, братци, синё морё».
Как увидел Гулейко, из чяшки ложкой
штп хлебают:
«А не то ле, братци, кораблú бежат,
Кораблú бежат, да всё гребци гребут?»
Небылиця в лицях, небывáльшинка,
Небывáльшинка да неслыхáльшинка.

ПАРОДИЯ

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уедено,
Не баско-хорошо было, не изношено,
На царев кабак да было сношено.
Походит Васенька на царев кабак,
Поносит шапочку пухов калпак,
Большими то тюнеми он принахлапыват.
Слепыми те глазами он да
прироспилькиват;
Приходит Васенька да на царев кабак
Отдават шапочку пухов калпак,
Просит за шапочку пятьсот рублей,
А давают ему петь копеечек.

ПАРОДИЯ

Как во славном во городе Нижове
Собиралисе ребятушка молоко хлёбать.
Еще много людей да собиралисе,
Еще много людей соеждялосе,
И все на пиру молока досыта нахлебалисе,
И все были гово́ры и все были ве́селы,
А одной Куроптёмнушки за бе́ду пошло́,
Она хватилась — Прокопья нет.
Побежали в тёмны погребы,
Прибежала в погребы — Прокопий сидит
У обреза лиственичнего.
Тут Прокопию сла́вы поют.

СКОМОРОШЬЯ ПРИБАУТКА

Ай чистыи поля́ были ко Опскову,
А широки́ раздольица ко Киеву,
А высокия-то горы Сорочинскии,
А церковно-то строенье в каменной
Москвы,
Колокольнёй-от звон да в Нове-го́роде,
А й тёртыя колачики Валдайския,
А й щапливы щеголиви в Яросла́ви городи́,
Дешевы поцелуи в Белозерской стороне́,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю́ морю,
А щельё-каменьё ко си́верику́,
А широки подолы Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Оне́ги по реки́,
Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,
А й пучеглазые бабенки Пошозёрочки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Наименование «исторические» закрепилось за песнями, которые связаны с конкретными историческими событиями и определенными историческими лицами. Термин этот был выдвинут в эпоху господства мифологической школы как противопоставление термину «былина», в основе которой видели, главным образом, мифологическое содержание. Историческая школа, с ее тенденцией отыскивать и видеть в каждой былине отражение реального исторического факта, по существу стерла принципиальную разницу между былиной и исторической песнею. Былина стала рассматриваться как следующий за исторической песнею этап в разытии эпической поэзии. Процесс этот представлялся в следующем виде. Под впечатлением какого-либо события возникает историческая песня, насыщенная лиризмом. В дальнейшем происходит отмирание лирического элемента, разрушение четкости в передаче исторического эпизода, раскрашивание фантастикой. Все это вызывается потерей живой связи с историческим фактом как в результате

все большего отхода от него, так и попадания песни в новую среду — северных крестьян, стоящих в стороне от главной арены исторических событий. Как пример такой переработки лиро-эпической песни или кантилены в эпическую песню обычно приводились параллельно две песни о Михаиле Скопине-Шуйском — лирический плач, записанный вскоре после события, в 1619 году, и песня об отравлении Скопина, где факт его внезапного заболевания и последующей за ним смерти развернут в плане уже былевой песни.

Однако, как правильно отмечается некоторыми исследователями, историческая песня, соприкасаясь в части своего состава с былиной, отличается от нее по самому существу своего творческого метода: передача и истолкование определенного исторического факта является в исторической песне основным художественным заданием. Вот почему нельзя рассматривать историческую песню как начальный фазис в развитии былины. Былевой эпос в целом не развился из исторического, хотя ряд каких-то древних исторических песен, не дошедших до нас, и мог послужить материалом для создания некоторых былин. Но самое отношение к этому историческому материалу и характер его использования в былине — иные, чем это мы видим в песне исторической: здесь этот материал получает самодовлеющее значение как факт, подле-

жащий определенному творческому осмыслению и оценке.

Расцвет исторической песни относится к XVI веку и должен быть поставлен в связь с обострением классовых противоречий на почве расслоения в среде феодального боярства, усиления служилого поместного класса, роста купечества и т. п. В XVII веке на развитие исторических песен сильное воздействие оказали массовые движения, обусловленные усилением эксплоатации угнетенных классов. Песня продолжает создаваться и в последующие периоды, следуя всем законам фольклорного развития, изменяясь соответственно социальным тенденциям среды, в которую попадает, впитывая черты смежных фольклорных явлений, порой утрачивая свою историчность и превращаясь в бытовую песню лишь с некоторыми следами определенной эпохи. В отношении жанровых различий мы видим исторические песни, испытавшие сильное влияние былин, перенявшие в основном ее ритмический и стилистический строй, так же как и указанный выше способ исполнения. С другой стороны, мы находим собственно песню, в которой текст уже неразрывно спаян с напевом, песню, исполняемую хором, и т. п.

Первый собиратель, работавший подлинно научными методами, Петр Киреевский, впервые столкнувшись с исторической песней, был поражен ее разнообразной

тематикой и считал, что по песням удастся восстановить русскую историю. Действительно, диапазон исторической песни чрезвычайно широк. Она откликалась и на крупнейшие исторические события, и на разные мелкие частные эпизоды, имевшие часто лишь местное значение. Но огромный интерес и значение этой поэзии не только в широком охвате исторических фактов. Одной из главных особенностей ее следует признать четкость социальных тенденций в отличие от былины, в которой с таким трудом, вследствие специфики ее развития и сложности содержания, вскрывается классовая природа. Складываясь в различных социальных группах, историческая песня, вопреки представлениям дореволюционных исследователей, готовых видеть в ней какие-то общие идеологические линии, заключает резко противоположные трактовки исторических событий и оценки исторических деятелей, воссоздавая часто, в совокупности отдельных песен и их вариантов, всю сложность социальной атмосферы определенного исторического периода. Таковы, например, песни, связанные с так называемым Смутным временем, с эпохой Петра I и др.

Особенно большую ценность представляют песни, создавшиеся или переработанные в группах, несших на себе всю тяжесть феодально-крепостнического строя, — в крестьянстве, казачестве, среди солдат. Каж-

дая из этих групп в определенный исторический период создает свои стилевые линии в области исторической поэзии, еще до сих пор совершенно не исследованные.

Районы распространения исторической песни значительно шире, чем былины. Она сохранилась и в тех местах, где былина исчезла. Наравне с былиной она живет в той же среде северного крестьянства, в сознании которого она часто и не отличается от былины и именуется тем же термином «ста́рина», «стари́нка». Большое место она занимает в репертуаре казачества, где в противоположность северным районам она подчинила себе былину.

А. Астахова.

АВДОТЬЯ ЖЕНКА-РЯЗАНОЧКА

Подступал тута царь Бахмет турецкиий,
И разорял он старую Казань[1] город
подлесную,
И полонил он народу во полон сорок
тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
Оставаласи во Казани одна женка-Ряза-
ночка.
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонил три головушки,
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.
И думает женка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги хорошие на выкупы».
Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он все разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.

---

[1] Казань вместо Рязани.

Пошла женка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки плывом плыла,
Широкие озера кругом обошла,
Чистые поля — разбойников о полночь
прошла
(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей о полден
прошла
(О полден люты звери да опочин держат),
Она так прошла да путем да и дорогою,
Пришла де во землю турецкую,
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты, батюшка, царь Бахмет турецкиий!
Когда ты разорял старую Казань город
подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки:
Милого-то братца родимого
И мужа венчального,
Свекра любезного,
И пришла я к тебе выкупати хотя единыя
головушки
На дороги ли хоть на хорошие выкупы».
Отвечал ей царь, ответ держал:
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?
У меня напущены были все реки-озера
глубокие,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты
звери,

Чтобы никому ни пройти да ни проехати».
Ответ держит ему Авдотья женка-Рязаночка:
«Батюшка, царь Бахмет турецкиий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки плывом плыла,
Чистые поля — разбойников о полночь прошла
(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей о полден прошла
(О полден люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою».
Говорит ей царь Бахмет турецкиий:
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единыя;
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову».
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
«Уж ты, батюшка, царь Бахмет турецкиий!
Я в Казани-то была женка не последняя,
Не последняя я была женка, первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшком;
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будет;
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-скормлю, замуж отдам,

Так у меня и зять будет.
Не видать мне будет единыя головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку».
Сижучись де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону Казань
город подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца
родимого:
Не видать буде век да и по веку.
За твои-то речи разумныя,
За твои-то слова за хорошия
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном
братовстве».
Начала женка ходить в земле турецкия,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкия,
Привела де полон во свою Казань город
подлесную,
Расселила Казань город по-старому,
По-старому да попрежнему.

ТАТАРСКИЙ ПОЛОН

У колодеза у холодного,
Как у ключика у гремучего,
Красная девушка воду черпала.
Как наехали злы татаревы,
Полонили они красную девушку,
Полоня её замуж выдали
За младого за татарченка.
Как прошло тому ровно три́ года,
Полонили они старую женщину,
Полоня ее стали делить,
Кому она достанется:
Как досталася тёща да зятю.
Он заставил ее три дела делать:
Белыми руками тонкой кужель прясть,
Ясными очами лебедей стеречь,
Резвыми ногами дитя качать.
Качает дитя — прибаюкавает:
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
Ты по-батюшки млад татарченок,
А по матушки родной внучек мне».
Как услышал зять тещины слова,
Он бежит к молодой жене:
«Ты послушай-ка, молода жена,
Как работница дитя качает,

Качает дитя — прибаюкивает:
«Ты, баю, баю, моё дитятко,
Ты баю, баю, моё милое!
Ты по батюшки млад татарченок,
А по матушки родной внук мне».
Бежит, бежит молода жена,
В одной сорочке без пояса:
«Государыня моя матушка!
Для чего ж ты мне давно не сказалася?
Ты бы пила-ела с одного стола,
Носила бы платье с одного плеча!»

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Середи было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни, белокаменной палаты,
От сна тут царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сон
рассказала:
«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденьице много виделося;
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала;
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский,
А Иван сударь Васильевич, прозритель,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за
пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую, под реку под
Казанку,
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,

Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич, прозри-
тель,
И зачал канонеров тут казнити,
Что началася от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему князю ответу нету.
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты, великий, сударь князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом, —
Принималися бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя
встречала,

А того ли Ивана сударь Васильевича, прозрителя;
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя он,
И вынял ясны очи косицами.
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую порфиру,
Он царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

ПОП ЕМЕЛЯ

Выпала порошица на талую землю;
По той по порошице ишел тут обозец,
Не мал, не величек, да семеро саней,
Да семеро саней, по-семеро в санях.
Во первых-то санях атаманы сами,
Во вторых-то санях эсаулы сами,
А в четвертых санях разбойники сами,
А в пятых-то санях мошенники сами,
А в шестых-то санях да Гришка с Маринкой;
А в седьмых-то санях сам поп-от Емеля,
Сам поп-от Емеля, а крест на рамени,
А крест на рамени в четыре сажени,
Рукой благословляет, крестом наделяет:
«Духовные дети, полезайте в клети,
Головы рубите, а душ не губите;
Если бог поможет, попа не забудьте,
Если чорт обрушит, попа не клеплите».
Попадья Олена на воду смотрела,
На воду смотрела, ворам говорила:
«Не ездите, дети, во чужие клети, —
Будет вам невзгода, будет непогода».
Не слушались воры попадьи Олены,
Сели-засвистали, коней нахлыстали.

ПОП ЕМЕЛЯ

После Покрова на первой неделе
Выпала пороша на талу землю;
По той по пороше ехала свадьба:
Семеро саней, по-семеро в са́нях,
Семеро верхами, все с бердышами,
Семеро пешками, все с палашами.
Встречу той свадьбы шёл поп Семён —
Крест на рамени, полутора сажени.
«Бог же вам в помощь, духовные дети,
Красть-воровать, на разбое стоять!»

ПЛАЧ О МИХАИЛЕ СКОПИНЕ

Ино что у нас в Москве учинилося;
С полу́ночи у нас в ко́локол звонили?
А росплачутся гости москви́чи:
«А теперс наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
А съезжалися кня́зи-боя́ря супроти́во
к ним,
Мстисловской князь, Воротынской,
И межу собою оне слово говорили,
А говори́ли слово, усмехнулися:
«Высо́ко сокол поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся».
А росплачутся све́цкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила».
Побежали немцы в Но́в-горо́д,
И в Нове́-городе́ заперлися,
И мно́гой мир-наро́д погубили,
И в Латынскую землю преврати́ли.

МИХАИЛ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Поезжает Скопи́н-от да князь-от Михайло
Васильёвич,
Поезжает Ско́пин-от за Москву-реку.
На наказывает Скопи́ну-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жона:
«Уж ты, душенька, Михайло да ты
Васильёвич,
Уж ты тот-ли князь да Ско́пин-от!
Ты не езди, Скопи́н, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то ведь не на пир
зовут,
Не на пир тебя зовут-то, не пировать
с тобой,
Они тебя — держат всё хрестника
У того-то у князя у московского.
Ты одёржишь своёго хошь восприемника».
Говорит ёму родна-та да его матушка:
«Ты не пей-ко-се у их да зелёна вина,
Ты не кушай-ко у их всё ествы саха́рныя:
Да уходит тебя кума, да дочь Малю́тьёва».
Он не слушаёт наказу-ту ро́дной матушки,
Ро́дной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поезжаёт-то Ско́пин-то князь Михайло-свет
Васильёвич,
Он берет, берет коня-та всё богатырского,

Он уехал за матушку за Москву-реку,
Приезжает ко князю-ту московскому;
Да стречают Скопина́-та князя Михайла
Васильёвича,
Да стречают его на широкой светлой
улицы,
Приглашают его всё, почёсён пир,
Да идет-то Скопи́н-князь Михайло
Васильёвич.
Он идет-то да ничего-то всё не думаёт;
Одёржал же он своего́ всё восприемника.
Собираёт князь на радости тут почесён
пир,
Он почесён-от пир да он на весь на мир.
На своих-то на князьей да он на бо́яров,
Для того-то собират больше Скопина́-кума́,
Для того-ли-то князя Михаила Васильёвича,
Да садит он его всё во большо́ место,
Во большо́ его место да ише всё к собе.
Ише тут ведь бояра всё зло подумали:
Розговорили они да всё княгиню тут,
Насыпали в стокан ёму зелья лютого;
Подносила кума всё ему крестовая.
Выпиваёт Скопи́н, ничего не думаёт;
Загорело у его ретиво́ сердцо;
Выходил-то он ведь скоро из чесна́ пиру,
Говорит-то он кумы-то своей крестовою:
«Уж ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты, всё ты меня, безбожница,
Опоила меня ты да зе́льём лютыим,
Ты злодейка-кума, ты да змея лютая,
Змея лютая ты, да дочь Малютина,
Дочь Малютина ты, да всё Скурлатова!

Отвези ты меня, да кум крестовой мой,
Ко своей-то отвези меня к рóдной матушке.
Ише-я то на вас-то да зла не думаю:
Уходила меня кума-злодейка зла,
Да злодейка-та зла, да дочь Малютина».
Уезжает он скоро да к рóдной матушке,
К рóдной матушке, к своей-то он к молодой жоны̆;
Ише тут-то заходит-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да он ко матушки.
Он зашел-то сам слéзно да уливаитсе,
Он всемирно во своих грехах всим он каялся,
Ише тут-то с души он скорó представилсе:
Да сгорело у ёго-то тут ретивó сердцо.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Жил-был государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской.
И выходит от ранней заутрени христось-
ской,
И ставится на лобное место,
И на все стороны государь поклонился,
Испроговорил надежа-государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, а и не продумать бы.
Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец».
А из больших бояр боярин вы-
ступает,
Он близенько к государю подходит,
Он низенько государю поклонился,
Испроговорил великий боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович
московской!
Благослови словцо сговорити,
А не прикажи-тко за слово меня
сказнити:
А Смоленец есть строенье не
московско,

А Смоленец есть строеньице
литовско;
Во Смоленце силы нету, казны не
бывало:
Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия
И без большого кроволития».
А к тем речам государь не принимался,
Испроговорил государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, и не продумать бы.
Наступает на Смоленец король
литовский,
Станем ли за Смоленец постояти?»
Из середних бояр боярин выступает,
Поближенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испроговорит великий боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь, Михайлович
московской!
Благослови мне словцо сговорити,
А не прикажите за словцо сказнити:
А Смоленец есть строенье не
московско,
А Смоленец есть строеньице
литовско,
Силы во Смоленце нету, казны не
бывало:
Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия,
Без большого кроволитья».

А к тем речам государь не принимался,
Испроговорит государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, а не продумать бы.
Наступает на Смоленец король литовский,
Станем ли за Смоленец постояти?»
Из меньших бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испроговорит меньший боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской.
Благослови мне словечко сговорити,
А не прикажи за слово сказнити:
А Смоленец есть строенье не литовско,
А Смоленец есть строеньице московско,
В Смоленце силы сорок тысяч,
Казна есть бессчетна:
Надо нам постоять за Смоленец,
А не надо нам отдавати».
Испроговорит слово государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской:
«Ты знаешь с государем говорити:
Поезжай-ко в Смоленец воеводой,
Постой за город Смоленец».
Этых первых двух бояринов
Приказал царь сказнити.

СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

Как во славном городе во Астрахани
Очутился, проявился незнакомый человек;
Он и щепотко по городу похаживает,
На нем бархатный кафтанчик нараспа-
шечку,
Черна шляпа пуховая с прозументами.
С астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет,
А водит он за собою голь кабацкую.
Как завидел губернатор из косящата окна,
Воскричал же губернатор слугам верныим
своим:
«Вы подите, приведите удалова молодца!»
Как искали добра молодца по Астрахани,
По трактирам, кабакам, по питейныим
домам,
Нашли, нашли молодца во царевом кабаке,
Во царевом кабаке, — зеленое вино пьет;
Как и взяли, подхватили под белые
рученьки.
Приводили молодца к губернатору на двор.
Воскричал же губернатор со высокого
крыльца:
«Ты скажи, скажи, детина, незнакомый
человек!

Ты ли княжеский иль барский, иль купеческий сынок?
Ты с Москвы ли купец, или с Дону молодец?»
Отвечает тут детина губернатору:
«Я не княжеский, не барский, не купеческий сынок,
А со матушки со Волги, Стеньки Разина я сын.
Как заутра мой батюшка хотел в гости к тебе быть,
Ты изволь его встречать, изволь потчевати;
Он и пива не пьет, вина в рот не берет,
Он гостинчики свои на поклон тебе несет».
Воскричал же губернатор со высокого крыльца:
«Вы возьмите, отведите в белокаменну тюрьму!»
Как удаленький молодчик да посиживает,
И в окошечко на Волгу он поглядывает:
Уж на Волге на реке забелелися стружки,
Как во лодочке косной Стенька Разин сидит сам,
Добры молодцы гребут, сами песенки поют:
«Уж мы этую тюрьму по камушкам разберем,
Всех охотничков, невольничков мы повыпустим».

СТЕПАН РАЗИН

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке Камышенке
Выплывают ли стружечки есаульские,
На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские,
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли, да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
«Еще чтó-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того Бог несет».

Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские».
Как возговорят удалы люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна;
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские;
Нам не дороги вещицы астраханские;
Дорога нам твоя буйная головушка».
Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехалися:
«Ты добре ведь, губернатор, к нам
строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку
ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»

СМЕРТЬ СТЕПАНА РАЗИНА

На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью:
Ясаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, козаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовскова,
Помешался весь козачей круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина;
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной Площади
Отрубили буйну голову».

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

Ах, туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, част-крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички-братцы разбежалися,
Во темном бы лесу собиралися.
Во дубравушке, во зелененькой,
Ночевали тут добры молодцы,
Под березенькой они становилися,
На восход богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофевича,
Про прозванью Стеньки Разина,
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедныих,

Добрых молодцев, людей беглыих.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем».

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

Не кулик по болотам куликает,
Молодой князь Голицын по лугам гуляет;
Не один князь гуляет, — с разными со
полками,
Со донскими козаками, еще с егарями.
И он думает-гадает:
«Где пройтись-проехать?
Ему лесом ехать, — очень тёмно;
Мне лугами, князю, ехать, — очень было
мокро;
Чистым полем князю ехать, — мужикам
обидно, [1]
А Москвой князю ехать, — было стыдно».
Уж поехал князь Голицын улицей Тверскою,
Тверскою-Ямскою, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухим переулком.
Подъезжает князь Голицын близко ко
собору,
Скидавает князь Голицын шапочку
соболью,
Становился князь Голицын на коленки,
На коленки становился, сам богу молился,

---

[1] Затопчет ниву.

Богу помолился, царю-государю низко
поклонился:
«Уж ты здравствуй, государь-царь, со
своими боярами,
Со своими боярами, с большими князьями,
А еще ты, государь-царь, с голубыми
лентами,
А еще ты, государь-царь, с разными
полками!
Ох ты, батюшка, государь-царь, ты наш
православный!
Ты зачем, государь-царь, черня-т разо-
ряешь?
Ты зачем больших господ сподобляешь?
Ты пожалуй, государь-царь, меня горо-
дочком,
Не большиим городочком, Малым-Яро-
славцем».
«Нету, нету тебе, князю, нет ни городочка,
Ни малого, ни большого нету Ярославца!»

СТРЕЛЕЦКАЯ КАЗНЬ

Во далече, во далече в чистóм поле,
А ещё того подале во раздольице,
Тут не красное солнышко выкатáлося:
Выезжает-то удалый-добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нём шапка до могучих плеч,
На нем тýгий лук как светёл месяц,
Калены стрелы как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в каменну
Москву,
Он и горы и долы в перескóчь скакал,
Темные лесы межу ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.

Возъезжает он во матушку каменну
Москву,
Приезжает ко дворечушку ко судáреву.
Караульщиков он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом,
Он и бьет свого добра коня — не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,

Перепрыгивал он стенушку белокаменну;
Подъезжает он ко крылечушку ко
судáреву.
Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный
царь,
Во всеё Руси царь, Петр, сударь Лексеевич!
Ты за чтó, про чтó на нас, сударь,
прогневался,
Ты за что наш зеленый сад хочешь
выжечь-вырубить,
Все и ветвицы-кореньицы повысушить?
Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов,
простить?
Мы возьмем тебе город, какой надобно,
Без свинцу-то мы, без пороху судáрева.
Мы без ружеец, без сабелек без вострыих,
Мы возьмем тебе город своей грудью
белою».
Выходил-то тут батюшка, православный
царь,
Во одних-то он чулочках он, без чоботов,
Во одних-то он чулочках он, без панцуров. [1]
Воскричит-то он, возгаркнет громким
голосом:
«Ох ты гой, стрелецкой атаманушка!
Уж и вот-то я с боярами подумаю.
С сенатóрами, с фельдмаршалами переведаю».
Уж возговорит тут стрелецкой атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный
царь,

---

[1] Панцырь.

Во всеё Руси царь, Петр, сударь, Лексе-
евич!
В глазах ты меня, сударь, обманываешь:
Не видать тебе меня у себя в дворце!»

Он и бьет свого добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгиват он стенушку белокаменну,
Он и держит путь-дорожку во далече во
чисто поле;
Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким
голосом:
«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех
жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

КАЗНЬ АТАМАНА СТРЕЛЕЦКОГО

Из Кремля-Кремля, крепка города,
От дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут казнить тут добра мо́лодца,
Добра мо́лодца, Большего Барина,
Что Большего Барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не оступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним едет грозен палач,
В руках несет остр топор,
А за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена;
Они плачут, что река льется,
Возрыдают, как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
«Ты, дитя ли наше милое!
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует.
Оставь буйну голову на могучих плечах».
Каменеет сердце молодецкое,

Он противится царю, упрямствует,
Отца-матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на Площадь Красную,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

ШВЕДСКИЙ ПОХОД

Собирался-то Большой Барин.
Он с тем ли войском со Российским,
Что на Шведску-то границу.

Не дошедши он границы, становился,
Становился в чистом поле, при долине.
Российским войском поле изуставил,
Российскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел король Шведский:
«Чтó-й-то в поле всё за люди?
Ни торгом приехали они торговати,
Или нашего городу глядети?»

Что приходили только й сúлы,
Что ни люты зверкú проревели, —
Что чугунные ядры проревели;
Сходилися туто й двóи сúлы,
Что шибкие громы гремели,
Что ни люты звери проревели, —
Прогремели чугунные ядры;
Что между их протекали реки, —
Протекали реки, реки кровавы́е;
Что и силы поляглó, — что и сметы нету.

ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Поутру-то было раны́м-рано
На заре-то было, на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей-озёр подымалися:
Подымалися добрые мо́лодцы,
Добрые мо́лодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизо́вые
На каналушку на Ладожскую,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отцы-матери, молоды жены,
И со малыми со детками.

ПРУССКИЙ ПОХОД

Тра́вынька-муравынька, кавылочик,
Не одной-то тебе, тра́выньке,
В поле тошно:
И нам, солдатушкам, жить не сладко!
Мы стояли во Прутско́й земле,
На границе,
Под Кистри́ном городочком три годочка:
Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету;
На четвертым годочке весточка пала,
И за весточкой указы присылали,
Как у нас, братцы, на Святой Русе
Не здоро́во:
Смутился-помешался весь Тихо́й Дон.
Случилася батальица генеральна:
На славным чистым поле Лебедяне.
Поступает Прутско́й король очень
крепко.
Разбивает наш молодецкой новой корпус,
И со правого фланга да на левой:
Генералушки-бригадерушки испугались,
А полковники со майорами разбежались,
Из пушечек палили все сержанты,
Свинец-порох развозили маркитанты.

ЛОПУХИН-ПОТЕМКИН

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит, —
Король с армией валит,
При долине на лугу
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку;
Он не для того курил,
Чтобы пьяному быть:
Он для того курил,
Чтобы смелее подступить.
Таки речи говорит:
«Починайте-ка, ребята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить, —
Только сажица валит.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов:
На пятнадцатом часу
Стали силу разбирать.
Лопухин лежит убит,
Сам во грамотку глядит,
Таки речи говорит:
«Князь Потемкин генерал
Всеё силу растерял:
Коё пропил-промотал.

Коё в карты проиграл».
А котора оставалась, —
И то пó-груди в руде;
А котора на горе, —
По колени во траве;
А котора под горой, —
Завалёна вся землей
Караулы крепки,
Перемены редки.
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

РАБОТЫ НА ЛИНИИ

Эх, да как задумали солдат набирати:
Уж не много — тысяч сорок и четыре,
Сорок и четыре, коза́ченьки молодые.
Да как погнали солдат до Полтавы.
Вперед едут да всё генералы,
А по бокам едут да всё капитаны,
А позади едут да всё с барабанами;
Бьют-выбивают, — горе утешают,
Молодым солдатам жалоб не задавают.

Эх, да как погнали солдат до Полтавы:
Их заставили и рыть и копати.
«Видно, нам же, братья, усем пропадати!
Не будет знати ни отец, ни мати,
Ни отец, ни мати, ни родна роди́на,
Ни родна роди́на, жена молодая».

ПОЖАР МОСКВЫ

Ой, да нам не дорого, братцы, пиво пьяное,
Ой, да дорога, братцы, наша пир-беседушка-
от смиренная,
Ой, да во беседушке сидят люди добрые,
Ой, да говорят они речь-пословицу, все не-
годную,
Ой, да все не глупую речь-пословицу, все
старинную:
Ой, да отчего же Москва царская загора-
лася?
Ой, да загоралася Москва царская от
больших господ,
Ой, да от большого-то от барина, от
Гагарина.
Ой, да как у барина, у барина была
ключница,
Ой, да была ключница-ларечница, красна
девица,
Ой, да захотела же красна девица пива
пьяного,
Ой, да засветила красна девица свечу
сальную,
Ой, да заходила же красна девица в
потайной подвал,

Ой, да заронила же красна девица огню
искару, [1]
Ой, да от того же Москва царская загоралася.

---

[1] Искру.

ЧЕРНЫШОВ ЗАХАР ГРИГОРЬЕВИЧ

За Костринским то было славным городом,
За Костринскими было за воротами,
Там стояла-де да темна-тёмница,
Зла-злодеюшка да землина тюрьма
И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти были укладныи,
Пробойчики были булатные,
Замочик-от был да ровно три пуда,
Ключёк-от был да полтора пуда;
А сиделец-от был да тут донской казак,
Чернышов Захар да сын Григорьевич,
Сеньки Разина был племяницёк,
Оружейной был он заговорщичёк,
Карабельнёй был он постановщичек.
Во тюрьмы-то сидит он, посиживат,
И во гусельцы сам возыгрыват,
Таки речи да выговариват:
«Зла-злодейка ты, да землина тюрьма!
Ты немшоная, да непажоная,
Наделу́-ле ты мне досталосе?
Але на жеребью ты мне повыпала?
Але из роду мне-ка бог судья?»
Из-за га́лани [1] тут кораб бежал,

---

[1] Гавани.

Бежал кораб, тут Брюнской король,
Ко тюрьмы кораб приворачивал,
У тюрьмы король стоял, выслушивал:
«Ой еси ты, донской казак,
Чернышов ты Захар Григорьевич!
Сколь служил ты да царю Белому,
Послужи ко мне другá стольки.
Есле послужишь, дак я и выпущу».
На то сиделец тут ответ держал:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
Послужил бы я тебе да по белой шее».

ПУГАЧЕВ

В тем сударыня[1] простила,[2]
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали:
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского козака́,
Емельяна Пугача́
Сын-Ивановича.
Он со силой собрался́,
Под Гурьев поднялся:
Стрельба была несносна,
Стоять было не можно.
Он видит, что не взять:
Воротился взад.
С большой силой собрался́
Под Яик поднялся:
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию́ валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,

---

[1] Императрица Екатерина II.
[2] Казаков.

Круты горы закачались,
Сырà земля затряслась,
Сырà земля затряслась,
Мéлка рыба вниз пошла,
Мéлка пташка со гнезда.
Мéлка пташка со гнезда [1]
Укрепила Пугача
Сын-Ивановича.

[1] Новые сообщники.

ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пуга́ченька, Емельян
Иваныч,
Много ли перевешал князей и боя́рей?» —
«Перевешал вашей братьи семьсот семи
тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варо́винны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил!»

Граф и[1] Панин испужался, руками спи-
бался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева.
Поведите-повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите!»[2]

Все Московски сенато́ры не могут судити.

---

[1] Только для стиха «и».
[2] Накажите.

ВОР ГАВРЮШКА

Ты, долина моя, долинушка, раздолье
широкое,
Ничего на тебе, моя долинушка, не
уродилось,
Уродился на тебе, долина, только садик
зелен;
Мимо садика, мимо зелена лежала доро-
женька,
Никто по той дороженьке не йдет,
не проедет,
Проезжает же по той дороженьке один
вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троичках разно-
шерстных;
Перва троичка у него коней вороных,
Другая троичка у него-то коней гнедых,
Третья троичка коней соловых.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой
три погони:
Первая погонюшка — все солдаты,
Другая погонюшка — все жандармы,
Третья-то погонюшка — все козаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку версты
за три, —

Приезжает вор Гаврюшенька в город
Воронеж.
Он атласу и бархату закупает, —
Никто-то вора Гаврюшу не признает,
Что за купчика Гаврюшеньку почитают.
Случилось итти вору Гаврюше мимо
темницы,
Признавала вора Гаврюшку своя братья:
«Уж ты, батюшка Гаврюша, разбей ты
темницу,
Уж ты выпусти нас всех, молодчиков,
на волю,
На ту же на волюшку — на матушку
на Волгу». —
«Уж вы, братцы мои товарищи, мне теперь
не время,
За мной гонят же за Гаврюшенькой три
погони:
Первой-то я погонюшки не боюся,
Второй-то я погонюшке не поклонюся,
Третьей-то я погонюшке — покорюся».

ВОР КОПЕЙКИН

Собирается вор Копейкин
На славном на устье Карастане.
Он со вечера, вор Копейкин, спать
ложился,
Ко полуночи вор Копейкин подымался,
Он утренней росой умывался,
Тафтяны́м платком утирался,
На восточну сторонушку богу молился;
«Вставайте-ка, братцы полюбовны!
Не хорош-то мне, братцы, сон снился:
Будто я, добрый мо́лодец, хожу по кра̀й
морю,
Я правою ногою оступился,
За крепкое деревцо ухватился,
За крепкое дерево — за крушину.
Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила:
Сушит да крушит добра молодца печаль-
горе!
Вы кидайтеся, бросайтеся, братцы, в
лёгкии лодки.
Гребите, ребятушки, не робейте,
Под те ли же под горы под Змеины!»
Не лютая тут зме́юшка прошипела, —
Свинцовая тут пулюшка пролетела.

ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

I

Ах пó морю, по морю синенькому,
Плавали-гуляли девяносто кораблей.
Как на каждом корабле по пятúсот
человек,
Хорошо пловцы плывут, веселó песни поют,
Разговоры говорят, всё Рачеева бранят:
«Ты разбестия, каналья, Ракчеев дворянин!
Всю Россию разорил, солдат бедных
погубил:
Пропиваешь, проедаешь наше жалованье,
Харчевóе, пьяновóе, третье дéнежное».
Как на эти деньжонки граф палаты
себе склал,
Хорошú белы́ палаты, стены мраморные,
Из хрустáля потолок, позолóченный конёк,
Мимо этих ли палат бы́стра речка протекла;
Не сама собой прошла, фонтанами
возведена.
Как во этой ли во речке живá рыба
пущенá,
Жива рыба пущенá, серéбряна чешуя.
Возле этой быстрой речки кровать нова
смощенá.
Кровать нова смощенá, периночка пухова.

II

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тут речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей:
Во всякием корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзами усадил,
Бедных людей прослезил».

ПЕСНИ О 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

I

Молодой солдат да на часах стоит,
Стоючись-то солдат да расплакался,
Зйнул ружьём солдат в сыру землю:
«Ты роздвинься, роздвинься, мать сыра
земля,
Ты откройся, откройся, гробова доска,
Розорвись-кё, ро́зорвися, рущата камка,
Ты восстань-ке, восстань, наш благоверной
царь,
Благоверной царь Алексант Павлович!
У нас всё-то нынче не попрежному,
Придумали, братцы, бояришка думу
крепкую:
«Кому, братцы, из нас да государём быть?
Государем быть, акитантом слыть?
Государем-то быть князю Вильянскому.
Акитантом слыть князю Волхонскому».
Воспрослышало его да ухо правоё,
Рассадили их по тёмным кибиточкам,
Развозили-то их да по тёмным тюрьмам».

II

Собирайтесь, мелка чернядь,
Собирайтесь на совет —
Время тяжкое приходит —
Ладит турка воевать.
С англичанином они скумились,
Не могли России взять...
Не в показанноё время,
Не в указанные часы.
Не в указанные часы,
Да во саму́ю-то полночь,
Во саму́ю во полночь
Да царя требуют во сенот.
Царь не долго сподоблялсе,
На ямских он отправлялсе,
Родну братцу говорил:
«Чтобы за мной погонёй был».
Брат не долго сподоблялсе,
На ямских он отправлялсе,
Ко сеноту подъезжал
Да часовых от переспрощал:
«Господа вы, часовые,
Часовые страждовы!
Не видали ль здесь, робята
Афицера со вестям,
Да государя со кистям?»

Друг на друга поглядили
И сказали: «Не видал».
Один солдатичок, провор,
Левым глазиком повёл.
Никого князь не спрошалсе,
Часовых всех прирубал.
До сеноту доступал.
Трои двери изломал,
Он на четвёрты отворял, —
На коленях брат стоял.
Перед ним стоит полковник —
Сеноторская судья
И дёржит саблю на весу —
«Что царю голову снесу».
Царь да брата увидал,
На резвы́ ноги ставал:
«Те спасибо, братец милой,
Те спасибо, брат родной,
Помани́л бы час минуту,
Скоро не было меня,
Скоро не было меня,
Срубили голов у меня.
Нам не дороги сеноты,
Сеноторские судьи.
Из сеноту мы пойдём
Сеното́ров сех прибьём.
Из сенотов вон пойдём.
Все сено́ты все сожжем!»

БАЛЛАДЫ

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Среди богатого материала русских фольклорных песен мы выделяем эпические песни балладного характера.

Основной балладный материал можно определить (вернее — описать) следующим образом. Баллады характеризуются наличием сюжетного содержания (в отличие от песен лирического характера), причем сюжеты их обычно довольно драматичны в смысле напряженности событий, и вместе с тем эта внутренняя драматичность нередко находит выражение в диалогическом (то есть также драматическом) изложении. В отличие от былин и еще более от исторических песен, баллады не связываются с конкретными единичными фактами или лицами. Они не говорят нам о богатырях и богатырских подвигах, не связываются с традиционными именами богатырей, князя Владимира, Новгорода, Киева и т. п.; нет в них, как правило, гиперболичности и фантастичности, присущей многим былинам.

Обычно мы не можем также точно определить, какой именно конкретный исторический факт лежит в основе баллады; и если даже иногда мы можем предположительно указать, о каких исторических лицах говорит песня (например, песня о князе Волконском и Ваньке-ключнике), то сами эти лица оказываются и менее известными, чем в «исторических песнях» (где перед нами проходят, например, Иван Грозный или Степан Разин), и менее определенными: о котором именно Волконском и о каком случае из истории семьи Волконских идет речь, мы не установим.

Самый стиль баллад, с одной стороны, несколько проще былинного, с другой — динамичнее и драматичнее: нет такой медлительности изложения, как в былинах; нет длительных повторений и мелочной детализации описаний; развитие действия значительно напряженнее.

Эти песни-баллады примыкают, с одной стороны, к былинам новеллистического характера, с другой — к так называемым семейно-бытовым и лирическим песням. Границы между различными группами песен неустойчивы, и в сущности мы имеем немало примеров песен, так сказать, переходного характера. Рядом с былинами собственно богатырскими стоят так называемые былины новеллистические, и эти новеллистические былины уже близки к песням-балладам; однако они связаны обычно с

теми же былинными героями, с конкретными лицами и местностями и потому обычно идут в числе былин (таковы, например, былины о Добрыне и Алеше, о Добрыне и Маринке и т. п.). Особенно близки к балладам, и в сущности могли бы уже быть названы балладами, такие «былины» (как их обычно называют), как о госте Терентии или о Чуриле и Бермяте и т. п. Нередки случаи и прямого перехода той или иной песни (при сохранении основного сюжета) из одного жанра в другой (такова, например, только что упомянутая былина о Чуриле и Бермяте или былина об Алеше Поповиче и братьях Збродовичах).

Точно так же в числе лирических песен семейно-бытового характера нередко встречаются такие, в которых значительно развита повествовательно-сюжетная линия (таковы, например, песни о взаимоотношениях жены с мужем), и в отдельных случаях трудно решить, куда же именно следует отнести ту или иную песню.

Мы знаем баллады, как и бо́льшую часть нашего фольклорного материала вообще, по записям XVIII—XX веков в крестьянской среде. Однако самый характер баллад довольно ясно указывает на то, что среди них имеются песни и разновременного и различного социального происхождения.

Как правило, песни-баллады строятся не на мифологической основе. Мы найдем, однако, в них и мифологические представ-

ления. Можно даже выделить группу песен, для которых именно мифологические представления являются основой. Такова, например, песня «Змей Горынич и княгиня» с древнейшим мотивом связи женщины со змеем, причем любопытно, что даже этот древнейший мотив отнесен к «княгине» (понятие феодального периода), да еще в сафьяновых башмачках и в чулочках:

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея на Горынича.
Кругом ее ножки змей обвился,
Кругом башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белые груди,
В белые груди человеческие,
Целует ее в уста сахарные.
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очревател. [1]

И рождается от этой связи чудесный сын: он говорит еще в утробе матери и предсказывает, что будет богатырем и победит змея.

Несколько иного рода мифологические представления лежат в основе песни об

---

[1] «Памятники великорусского наречия», СПБ, 1855, стр. 124.

обращении женщины в дерево вследствие заклятия свекрови:

Ты поди, моя невестка, во чисто поле;
Ты стань, моя невестка, меж трех
дорог,
Четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою...[1]

К циклу тех же представлений о возможности превращения человека в дерево или перехода сущности, жизненной силы, человека в растение относятся песни, в которых изображаются деревья, вырастающие на могилах убитых. Такова, например, песня о «Софьюшке и Васильюшке» или «Цюрильё-игуменьё».

И здесь, однако, мифологический мотив подается обычно в феодальном обличии (монастырь, игумен, рай, ад).

Можно указать также в числе таких мифологических баллад песню о том, как река Смородина (представленная в виде живого существа) топит похвастагшегося молодца, или песню о том, как Горе преследует молодца или девицу.

Кроме таких мифологических песен, к древнейшему слою баллад можно отнести

---

[1] Соболевский, Великорусские народные песни, т. I, № 79, стр. 129. Перепечатка из работы М. Халанского, Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде, Курской губернии («Русский филологический вестник», 1879—1883).

песни, в которых отразились те или иные черты первобытного уклада жизни.

Таков, например, цикл песен о кровосмешении (отца с дочерью, брата с сестрой); это также одна из очень древних тем, причем дается она обычно уже в бытовой обстановке позднейшего времени.

2

Основная масса баллад не имеет, как мы уже сказали, «исторического» характера в смысле связи с конкретными и иногда даже единичными фактами гражданской истории: характер их собственно новеллистический, то есть речь идет о безыменных и во всяком случае не единичных, а типичных, обобщенных, героях и героинях, о каких-то общих явлениях бытового характера и т. п. Эта основная масса баллад довольно определенно по многим данным связывается с XVI—XIX веками, с периодом крепостничества. Отчетливо намечается в подобных песнях социальная диференциация: они говорят о различных классах и социальных группах и притом с различных точек зрения. Ряд песен имеет довольно четко выраженный феодально-служилый характер.

Такова, например, любопытная песня о дочерях Ивля Ивлевича.[1] Здесь дается изображение службы феодального типа.

---

[1] Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1449, М., 1917, стр. 79 (песня записана в Москве).

У Ивля Ивлевича нет сыновей, только семь дочерей; он жалуется на свою судьбу, и меньшая дочь вызывается итти за него на службу, причем требует себе соответствующего костюма:

Сшей ты мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Купи же мне, батюшка, черну шляпу со
перома,
Перчаточки с серебром...

Костюм совершенно в духе XVIII века!

Очень интересна в этом отношении также песня, в которой девушка предлагает своему милому заложить ее, чтобы купить коня для царской службы: [1]

И от Москвы заря-заря занималася,
На царя война-война подымалася.
Что на-всем князьям была служба
явлена,
Моему дружку было давно сказано,
Давно сказано — ему наперед идтить...
. . . .

А дальше следует неожиданное разъяснение: «служба царская» оказывается выбором девушек в хороводе:

---

[1] Соболевский, Великорусские народные песни, т. VI, № 274, стр. 211—212. Перепечатка из сборника Ю. Н. Мельгунова, Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные, в. 2, № 1, СПБ, 1885. Записана в б. Калужской губ.

Давно сказано — ему наперед идтить,
Наперед идтить — ему хоровод водить,
Хоровод водить — ему песни запевать,
Песни запевать — ему девок выбирать...

Повидимому, старая феодально-служилая новеллистическая песня превратилась здесь в хороводную (в сборнике Мельгунова она так и именуется «хороводной»).

Любопытны также песни о смерти девушки, напуганной воеводским или боярским сыном:

У ворот сосна раскачалася,
Белая Дунюшка разыгралася,
Разыгралася, распотешилась...
Как боярский сын на крыльце стоит,
На крыльце стоит, Дуне речь говорит:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй, белая!
Я тебя, Дунюшка, к себе возьму!»
Белая Дунюшка испугалася,
Испугалася, встрепенулася...
Как со вечера голова болит,
Ко полуночи она попа просит:
Как поутру-то в большой колокол звонят,
Белую Дунюшку хоронить несут...
Боярский сын на крыльце стоит:
«Прости, Дунюшка, прости, белая!»[1]

---

[1] Соболевский, т. I, № 274, стр. 354—355. Перепечатка из сборника К. Вильбоа, Сто русских песен, записанных с народного напева, № 61, М., 1894.

В вариантах этой песни речь идет о генеральском сыне, о сержанте и проч. Эти песни, очевидно, более позднего происхождения (не раньше XVIII века). Очень любопытно и картинно изображается, какой наряд «сержант» обещает девушке:

Играй, Дунюшка, играй, любушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, башмачки куплю,
Башмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки
И робронт куплю со юбочкой![1]

И самый наряд и иностранные слова для его обозначения переносят нас в XVIII век, причем уже, конечно, среда здесь не крупнофеодальная, а мелкослужилая городская.

Довольно значительно количество песен, в которых изображается буржуазная, купеческая среда, причем изображается с такими подробностями, с таким знанием дела и обычно с такой определенной направленностью, что мы можем приписывать этим песням соответствующее (буржуазное, купеческое) происхождение. Такова, например, особенно богатая по своему оформлению песня о том, как «гостиный сын» увозит на корабле девушку. (Эта песня перекликается и со сказками о похищении краса-

---

[1] Соболевский, т. I, № 277, стр. 356—357. Перепечатка из «Песенника» 1791 года, ч. 2, стр. 114.

вицы-невесты.) Здесь дается и точная локализация действия (город Кронштадт), и красочное изображение богатства «гостиного сына» («И он носит красно золото на цевке, окатистый крупный жемчуг на атласе») и изображение самой обстановки похищения девушки.[1] Любопытен вариант этой песни, в котором девушку похищают уже «ржевские приказчики», причем для покупки нового струга они «скидываются» (то есть складываются) по полтине; похищают они дочь богатого купца, «что под славной под губерньей под Калугой», заманивая ее к себе игрой на скрипке;[2] все бытовое оформление песни здесь совершенно иное, хотя остов сюжета остается тот же самый.

Крепко связана с купеческой средой одна из весьма популярных песен о том, как у купца пропала дочь:

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близь гостиного двора,
У Софронова купца
Солучилася беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало

---

[1] Соболевский, т. I, № 245, стр. 322—324. Перепечатка из «Песенника» 1780 года, ч. 3, стр. 64.
[2] Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1932, стр. 100.

И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.[1]

8

Как видим, среди баллад, записанных в крестьянской среде, немало таких, которые по своему происхождению не принадлежат крестьянству. Крестьянство унаследовало их (как унаследовало, например, былины и исторические песни) от господствующего класса феодалов и от городской буржуазии. Понятно, что эти чужие произведения не оставались в крестьянской среде неизменными.

Нередко подобные изменения оказываются искажениями, прямой порчей текста вследствие непонимания его, несоответствия крестьянской психологии и обстановке. Но было бы грубейшей ошибкой думать, что «народ» питается только крохами со стола «господ», ничего не создает сам и только «портит» доходящее до него «культурное наследие» господствующих классов.[2]

---

[1] Соболевский, т. I, № 247, стр. 325—327. Перепечатка из «Отечественных Записок», 1841, т. XVIII. Смесь, стр. 11. Запись из б. Костромской губ. Любопытно, что фамилии (Софронов и дальше — Машков) держатся весьма стойко; еще более стойко указание на Макарьевскую ярмарку.

[2] Так ставят вопрос многие немецкие ученые во главе с Г. Науманом.

Изменения далеко не сводятся к порче: мы знаем и такие случаи, когда устный крестьянский вариант оказывается картиннее и выразительнее книжного, литературного.

Большое количество произведений кроме того должно быть отнесено по своему происхождению непосредственно за счет крестьянства: они и говорят о крестьянстве и выражают его настроения.

К числу таких крестьянских песен нужно отнести значительное количество песен семейно-бытового характера, в частности сатирических и юмористических, нередко примыкающих к анекдотам. Таковы, например, насмешливые песни о ленивых или неумелых женщинах или песня о муже, неудачно пытающемся выполнить роль жены-хозяйки. Жена, уезжая в гости, наказывает мужу:

Ты сиди, муж, дома, сиди, супостат!
И ты масло пахтай, пшеницу просей,
Цыплят стереги и дитя колыхай!

По возвращении она спрашивает:

Ты здорово-ль, мужилушка, спал-ночевал?

и получает ответ:

Я не пуще здорово спал-ночевал:
И я масло пролил, пшеницу просыпал;
Прилетел коршун, ухватил цыплака,
Ухватил цыплака поперек живота;

А я кинулся-опрокинулся,
За копыл зацепил и дитя задавил![1]

Сюда же следует отнести песни о горькой участи женщины в чужой семье по выходе замуж и о плохих взаимоотношениях ее с мужем. Почвой для такого рода песен являлись крепостнические семейно-бытовые отношения, подневольное положение женщины, полное угнетение ее, браки поневоле. В качестве протеста против подобных условий жизни возникали и распространялись песни, в которых жена выражает свое враждебное или насмешливое отношение к мужу; в ряде песен изображается прямо расправа жены с мужем (то в более смягченном, то в более жестоком виде).

Так, есть песни, в которых изображается, как жена гуляет потихоньку от мужа, обманывая его; или жена бранит мужа, радуется тому, что мужа захватили в плен татары, и только опасается, как бы он не убежал; или жена не впускает мужа в ворота, когда он возвращается из кабака:

Ты ночуй, ночуй, невежа, за вороты!
Вот те мягкая перина — белая пороша,
Шитый браный положок—частые звезды,
А высокое изголовье — подворотня,
Соболино одеяло — лютые морозы![2]

---

[1] Соболевский, т. VII, № 188, стр. 187—188. Перепечатка из «Песенника» 1810 года.

[2] Соболевский, т. II, № 416, стр. 350—351 (из рукописного сборника XVIII века).

Очень любопытна одна из широко распространенных песен — о муже-недоростке. В основе этой песни, несомненно, лежит старое бытовое явление, о котором рассказывает еще Олеарий: малолетних ребят женили на взрослых девушках, чтобы скорее приобрести в дом новую рабочую силу. Песня изображает расправу такой взрослой и сильной жены со слабым мужем, изображает явно неправоподобно (впрочем, и самая песня приобретает в ряде случаев шутливый, игровой характер), но основное настроение — стремление женщины взять верх над мужем — совершенно реально.

Интересен по оформлению один из вариантов песни о недоростке, весь построенный на параллельных оборотах и изложенный в виде своего рода причитания жены («Ой, куда мне недоросточка, куда дети?»; вопрос повторяется четыре раза с различными ответами); любопытно применение пренебрежительных названий:

Заверну я недоросточка
В дерюженку,
Положу я недоросточка
В теleженку,
Запрягу я недоросточку
Лошаденку. ..[1]

[1] Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2063 (из б. Малоархангельского уезда б. Орловской губ.).

В одной из песен жена-модница, чтобы избавиться от мужа, покупает для него место в тюрьме. Наконец, в ряде песен жена убивает мужа разными способами: топит, сжигает, вешает, зарезывает. Трудно думать, что подобные случаи были обычным бытовым явлением; но песня подхватывает исключительные факты и именно их-то и фиксирует — не столько как прямое отражение того, что было в реальной действительности, сколько как выражение настроений и пожеланий. Во всяком случае песни эти оказываются весьма популярными. Любопытна, в частности, запись песни о том, как жена сжигает мужа, сохранившаяся в следственном деле 1699 года (причем само следственное дело никакого отношения к тексту песни не имеет): это — один из немногих случаев записей ранее XVIII века.

На той же почве угнетения женщины выросла оригинальная песня о том, как женщины, сложившись «по полтине», покупают у «воеводы» волю над мужьями.

Жена, получившая «волю» над мужем, запрягает мужа в сани и едет в лес за дровами. Интересно использование увеличительных названий:

Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,

Но я буду,
Но я буду погоняти
Чапельнищем,
Чапельнищем по бельмищам
Помелищем по ребрищам,
Я поленом,
Я поленом по колену...[1]

Если в этих песнях мы видим торжество женщин над мужьями, то, конечно, имеются и такие песни, в которых муж расправляется с женой: старый муж побоями исправляет жену-насмешницу; муж отправляет жену в лодке вниз по Волге (а затем приглашает ее воротиться); муж желает смерти нелюбимой жены; наконец, муж убивает жену. Любопытно, что в жизни подобных случаев убийства мужем жены было, надо полагать, больше, чем случаев убийства мужа женой, в песнях же соотношение обратное; лишний раз здесь подтверждается та мысль, что песня не есть прямое воспроизведение реальной действительности: это — поэтическое создание, являющееся выражением определенной направленности.

4

Жестокость семейного быта, как мы указали выше, является одним из проявлений

---

[1] Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, № 102-б, М., 1903, стр. 62.

крепостнического строя. Песен, в которых крепостнические отношения проявлялись бы непосредственно, сравнительно немного. Таковы в особенности так называемые «холопские» песни. Отчасти к их числу может быть отнесена одна из популярнейших баллад — песня о Ваньке-ключнике. Героем песни, на стороне которого сочувствие авторов и исполнителей, является здесь слуга (надо полагать, крепостной) князя Волконского. Песня сочувственно рисует его наружность и щегольской наряд, в особенности же эффектно передается гордый и пренебрежительный ответ князю. Даже такой исследователь, как О. Ф. Миллер, еще в 1876 году отметил, что песня о Ваньке-ключнике «отличается духом позднейшей вражды служилого человека к своему господину».[1]

Любопытно отметить, что песня о Ваньке-ключнике была обработана поэтом Вс. Крестовским (1861 год), и эта обработка в свою очередь вновь проникла в устную традицию и в значительной степени вытеснила прежнюю песню о Ваньке-ключнике. При этом, однако, само стихотворение Крестовского не остается неизменным, а перерабатывается в устной традиции.

Еще ярче, пожалуй, «холопская» установка проявляется в песне о том, как «лю-

[1] Отчет о восемнадцатом присуждении наград гр. Уварова, СПБ, 1876 (рецензия О. Ф. Миллера на «Песни, собранные П. В. Киреевским»).

била княгиня камер-лакея», где княгиня причитает над телом камер-лакея, утопленного по приказанию ее мужа.

Совершенно четко насмешка над барыней и торжество холопа рисуются в песне о любви холопа к барской дочери:

«Ах, негодница холоп, где ты спал,
ночевал?» —
«Боярыня, сударыня, у тебя в терему,
У тебя в терему, в шитом браном пологу,
В шитом браном пологу, на перинах,
на пуху!» —
«Ах, негодница холоп, на что сказы-
ваешь?» —
«Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь?
Кабы ты да не спросила, я бы век не
сказал!» [1]

Песня эта принадлежит к числу распространенных. Весьма распространена также песня о том, как молодец лезет к девушке через окно. В некоторых вариантах эта песня также приобретает характер «холопской»:

Сержант ручку протянул,
Холоп плеткою стебнул:
«Да не ваша, сударь, честь
Под окошко к девке лезть.
А и ваша, сударь, честь
На сражельнице стоять
И с турками воевать;

---

[1] Соболевский, т. I, № 51, стр. 87–88 (из «Песенника» 1780 года).

А холопская честь
Под дорогою стоять,
Кафтаны, шубы снимать,
Еще плеткою стебать»...[1]

В других вариантах обычно вместо «холопа» появляются денщик, ямщик и проч. Нет и характерного изображения «чести» холопа — «кафтаны, шубы снимать», то есть разбойничать.

Как раз разбойничество, являющееся одним из порождений крепостнических отношений, широко представлено в песенном балладном материале. Так называемые «разбойничьи песни» изображают обычно не рядовой грабеж бытового характера. В песнях перед нами проходят своеобразные архаические картины разбойничества (например, молодец убит разбойниками в кабаке, то есть «разбойники» эти не скрываются в лесу; или о разбойниках говорится: «таит целовальник разбойников и не сказыват»). Герои и факты — необычны, исключительны (например, в знаменитой песне «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» разбойник должен итти на допрос к самому царю; разбойником и даже атаманом разбойников оказывается девица, как в песне о Таньке Ростокинской). В ряде случаев довольно определенно звучат мотивы разинского цикла, только без упоми-

[1] Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1997-а, стр. 99—100.

нания имени Разина. Песни относятся к разбойникам с несомненным сочувствием, как к людям смелым, гордым и сильным. В этом проявляется своеобразный протест против существовавшего порядка вещей, находивший свое прямое выражение в самом факте разбойничества.

И по своему стилю, и по деталям исторического характера разбойничьи песни относятся преимущественно к XVI—XVIII векам, то есть к периоду весьма напряженной борьбы крестьянства против крепостничества. В песнях говорится, например, о том, что разбойника допрашивает царь Иван Васильевич, причем действие отнесено к Киеву; девица-атаман захотела «загулять во славное в Московское государство» и загуляла «на славное на Петровское на кружало», где ее поймали, повели «в полицу» и подняли на дыбу; в одной из песен речь идет о «славном селе Преображенском», где помещается «приказ государев». По своему характеру многие разбойничьи песни приближаются к историческим и даже к былинам.

В песнях-балладах находит отражение и такое социальное явление, как солдатчина. В отличие от ура-патриотических песен, насаждавшихся сверху, «государева служба» в крестьянских песнях изображается в отрицательных тонах. Молодец, записанный в солдаты, пьет «с кручины, с великия печали», называет «государево

солдатство» несчастьем, надеется откупиться от солдатчины золотой казной, горько плачет, отправляясь на службу, просится со службы в отпуск или прямо бежит из полка; изображается также тяжелое положение семьи взятого в солдаты. И эти песни обычно отводят нас к XVII и еще чаще к XVIII веку (нередко они и известны по текстам XVIII века, например Чулкова). Характерна, например, широко известная песня «Как на матушке на Неве-реке, на Васильевском славном острове, молодой матрос корабли снастил» и т. д., или песня о жалобе девушки на солдата, где типично само словесное оформление:

За столом сидит млад полковничек,
Что того полку бомбандирского,
Со своими со штапами-офицерами.
Перед ним стоит красна девица;
Она просит у полковника
На того сержанта имрека...
Да что возговорит млад полковничек:
«Ах ты гой еси, душа красна девица!
Не ходить было тебе во чисто поле,
Не смотреть было солдатской экзерции:
У меня в полку солдаты молодые,
Молодые, холостые, неженатые»..[1]

Отметим еще группу песен, осмеивающих монахов, частью пародийного характера

[1] Соболевский, т. VI, № 320, стр. 248 (из «Песенника» 1780 года).

тера (какова, например, песня о старце Игренище), частью просто изображающих монашество отрицательными чертами. Возможно, что и эти песни являются продуктом крестьянского творчества; но подобные песни (особенно пародийного характера) могли возникать и в городской мелкобуржуазной среде и, в частности, среди семинаристов, выходцев из самого духовенства: как раз среди семинаристов были весьма распространены и антицерковные и антирелигиозные произведения.

Мы ограничиваемся в настоящей статье (и в самом сборнике), так сказать, «классической балладой. Именно эта «классическая» баллада является в основе своей феодальной. Совершенно несомненно, однако, что баллады не перестали существовать и в позднейший период. Многие баллады мелкобуржуазного характера возникали уже в период усиленного капиталистического развития, во второй половине XIX века и даже в XX веке: здесь они сближались с так называемыми «мещанскими романсами». Продолжали существовать и трансформировались в соответствии с новыми условиями также баллады старого крестьянского и иного происхождения. Наконец, могли возникать — и действительно возникали — новые баллады и среди крестьян и среди рабочих. Так, В. А. Десницкий со-

общил нам о сложении баллады в период революции 1905 года в Горьковском (тогдашнем Нижегородском) крае на основе реальных событий того времени, причем баллада эта строилась по типу «старых» баллад. Некоторые песни рабочих, в сущности, также могут считаться балладами, но это уже материал для другой статьи и для другого сборника.

5

Наш беглый обзор балладного материала вскрывает пестрый и разнообразный состав его. Здесь перед нами и сказочно-мифологические темы, сюжеты и мотивы, и сюжеты былинные и исторические и сюжеты собственно бытовые. Отдельные элементы восходят к периоду еще дофеодальному; немало обнаруживается следов феодализма. Особенно же богато представлен период крепостнический; можно считать, что XVII и XVIII века — период наиболее интенсивного сложения и оформления баллад; вторая половина XIX века (особенно конец века) уже переводит баллады в романсы.

По социальному происхождению материал наш также чрезвычайно разнообразен: мы имеем здесь и песни, сложившиеся в среде господствующего феодального класса, и песни, идущие из кругов городской буржуазии, и песни собственно крестьян-

ские. И как раз это богатство и разнообразие материала придают ему особенный интерес и крупное значение: перед нами как бы воплощенная в словесных образах история (в широком смысле этого слова), раскрыть и уточнить которую — интересная и благодарная задача.

Естественно, разнообразен наш материал и по своему художественному оформлению. Во-первых, как мы не раз отмечали попутно, различное происхождение проявляется в различии стиля произведений: в одних случаях, например, мы имеем приближение к типу былин и исторических песен, в других — движение в сторону романса (с приближением к письменной литературе); одни произведения более архаичны, другие — более современны; одни отличаются торжественностью, пышностью изложения, другие — сатирическим или юмористическим характером. Во-вторых, как и во всяком художественном творчестве, проявляется значение творческой индивидуальности. Мы имеем иногда различные записи одного и того же сюжета, и среди этих записей оказываются более полные и менее полные, более выдержанные и спутанные, стройные и дефектные. В целом ряде случаев, не имея достаточного количества параллельных текстов, мы не можем выбирать лучшие из них и иногда не до конца раскрываем значение того или иного текста: остаются недоговоренности, недо-

молвки, неясности (иногда, может быть, даже и сознательные, когда мысль автора той или иной песни вуалируется по соображениям тактически-политического характера). Встречаются, несомненно, и просто неудачные, нескладные тексты, исполнявшиеся, очевидно, недостаточно искусными певцами.

Но в основной своей массе и в тех случаях, когда мы имеем возможность пользоваться достаточно полным и неискаженным текстом, баллады представляют значительную художественную ценность. Они характеризуются обычно драматизмом содержания, выразительностью и вместе с тем украшенностью изложения. Поэтика их своеобразна и, конечно, не может служить каким-то вечным образцом для создания новых художественных ценностей; но как памятник художественного мастерства прошлого баллады имеют, несомненно, достаточно крупное значение. Вот, например, коротенькая песня, вся насыщенная образными выражениями:

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ люди первые,
А к жалованью люди последние.
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.
Что не грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходилися,

Что подымался выше облак черный дым,
Загремела тут стрельба оружейная.
Что не камышки с крутых гор покатилися,
Покатились с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле заалелось,
Заалелася тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули,
Так воскликнут молоды жены солдатские.

Песня эта, изданная в 1773 году Чулковым (а подобных песен мы найдем немало), показывает, что в XVIII веке, когда литература в значительной мере характеризовалась напыщенностью и условностью (за исключением произведений наиболее талантливых авторов), безыменное фольклорное творчество нередко стояло на более высоком художественном уровне.

Н. Андреев.

СЕСТРА И БРАТ

С вечера позднехонько девки думал-
думали,[1]
На белой-то заре в лес по ягоды они
[пошли],
За калинкою, за малинкой, за черной
смородиной.
В лесу все девушки, все красны ягод
принабрались они.
Одна Машенька не набрала ничего,
Заплуталась красна девка в лесу,
Заплутавшись, становилась ко дубу.
Мимо девушки, мимо красной никто не
проедет, не пройдет,
Только зайка серой пробежал.
Как за заинькой, за серым, люта львица
прошла,
За львицей, за лютой, млад охотничек едет.
Недоехавши, охотник со добра коня слезал,
Подошедши к красной девке, низко кла-
нялся он ей.
Не спрося он ума-разума своего,
Стал он с девкой шуточки шутить.

---

[1] Повторение неполного слова при пении в условиях музыкального размера.

Отшутимши шуточки, стал выспрашивать
ее:
«Скажи, девушка, скажи, красная,
Чьего матери отца?»
Отвечала красна девка:
«Я не царского и не барского, богатого
отца дочь;
Нас у батюшки было семь дочерей,
Восьмой-от братец ко царю служить пошел,
А девятой братец в лес охоту возымел».

Узнает охотник — девка родная ему
сестра,
Вынимает млад охотник свой булатный
острый нож.
«Прощай, девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра».
Зарезал охотник сам себя.

ЦЮРИЛЬЁ ИГУМЕНЬЁ

У цюдного креста у благовещенья
Не было попа да всё не дьякона,
Не было большого да запевателя;
Было сорок девиць да со девицею,
Было сорок робиць да со робицею;
Тут было жило Цюрильё игуменьё.
  Здумали девици к обедни ходить,
Здумали девици молебны служить.
Да на правом-то на крылосе Василий-от поёт,
Да на левом-то на крылосе Снафидушка поёт.
Тут Василий поёт: «Да подай, боже»;
Да Снафида поёт: «Да подай [поди?] всё сюды,[1]
Я тобя не вижу, жить, ни быть не могу».
Тут Василий со Снафидушкой смигалисе,
Злаценым перстнём да поменялисе.
  Тут уцюл-то Цюрильё игуменьё:
«Уж вы сорок девиць да со девицею,
Уж вы сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды да несушёной ржи молоть;

---

[1] Вероятно, вместо: подайся сюды.

Ешше пусть-то Снафидушка утешитьсе,
Ешше пусть наша Давыдьёвна утрыщетьсе».[1]
Воспроговорил Василий Романовиць:
«Уж вы сорок девиць да со девицею,
Уж вы сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды звонцаты гусли играть;
Ешше пусть моя Снафидушка утешитьсе,
Да ешше пусть моя Давыдьёвна унежитьсе».
Тут уцюл Цюрильё да игуменьё;
Он пошел ко змеи да к серопегое:
«Змея, ты, змея, да серопегая!
Уж ты дай мне-ка зельиця лютого,
Лютого зельиця розлюцьнёго,
Розлуцить мне Василия Романовиця
Що со младой со Снафидушкой со Давыдьёвной»...
Наливаёт-то Цюрильё игуменьё,
Наливаёт стокан зельиця лютого;
Он да подаваёт Снафидушки Давыдьёвной:
«Ты прими, Снафидушка Давыдьёвна,
Уж ты нашого пивьця да маластырьского;[2]
Нашо-то пивьцё да на просыпку легко».
Спроговорит Снафидушка Давидьёвна:
«Уши-ти выше не живут головы,
Жононьки больше не живут мужовьей»...
Подаваёт-то Цюрильё игумсньё,
Он да подаваёт Василью Романовицю:

---

[1] Измучится — по объяснению сказительницы.
[2] Монастырского.

«Да ты прими, Василий Романовиць,
Ишше нашого пивьця да маластырьского;
З нашого пивьця да не болит голова,
Нашо-то пивьцё да на просыпку легко».
  Принимаёт Василий правой рукой,
Выпиваёт-то Романовиць едным духом.
У Василья резвы ноги подломилисе,
У Василья белы руки опустилисе,
У Василья голова с плець покатиласе.
  Подаваёт-то Цюрильё-то игуменьё,
Подаваёт-то Снафидушки Давидьёвной:
«Ты прими, прими, Снафидушка Давидьёвна,
Уж ты нашого пивьця да маластырьского;
С нашого пивьця да не болит голова,
Нашо-то пивьцё да на просыпку легко».
  Принимаёт Снафида правой рукой,
Выпиваёт-то Давыдьёвна едным духом.
У Снафиды резвы ноги да подломилисе,
Да у Снафиды белы руки опустилисе,
Да у Снафиды голова с плець покатиласе,
  Тут-то Цюрильё испужалосе.
Всё да на Васильевой могилы, на Снафидиной
Выростало два деревьця кудрявые;
Они вместях кореньицемь сросталисе,
Да они вместях вершиноцькой свивалисе.
Да тут народ, все люди здивовалисе.
  Тут уцюл Цюрильё игуменьё.
Он пошел-то ко старьцю в келейку:
«Уж ты, старець, ты, старець в келейки!
Що же тако цюдо цюдилосе?
На Васильёвой могилы, на Снафидиной
Да выростало два деревьця кудрявые;
Они вместях кореньицем сросталисе,

Они вместях вершиноцькой свивалисе». —
«Стань-ко, Цюрильё, на праву да на ногу,
Посмотри-тко ты, игуменьё, на леву на руку;
Що на руки у тебя подписаноё,
Що на левой да напецятаноё?»
Стал-то Цюрильё на праву на ногу,
Посмотрел тут игуменьё на леву на руку:
«То на руки у меня подписаноё:
Василий со Снафидой в пресветлом раю». —
«Уж ты стань-ко, Цюрильё, на леву на ногу,
Посмотри-тко ты, игуминьё, на праву на руку,
Що на руки у тя написаноё,
Що на правой да напецятаноё?»
Стал тут Цюрильё на леву на ногу,
Посмотрел тут игуменьё на праву на руку:
«То на руки у мня написаноё:
Да Цюрильё игуменьё да в кромешной в ад».

ДЕВУШКА-ВОИН

У Ивля Ивлевича было семь дочерей,
Осьмая падчерица.
Сказана служба царская,
Царская, государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.
  Скажет тут Ивлей Ивлевич:
«Дети-ль, дети милые!
Сказана мне служба царская, государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.
А у меня вас семь дочерей,
Семь дочерей, осьмая падчерица».
  Скажет тут, молвит большая-то дочь,
Средняя дочь молвит: «Я за него!»
Меньшая-то дочь молвит:
«Батюшка сударь!
Сшей же мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Купи же мне, батюшка, черну шляпу со пером,
Перчаточки с серебром.
Дай же мне, батюшка, доброго коня,
Во правую руку саблю вострую.
Поеду я, батюшка, на вой воевать,

Стану я батюшки по праву сторону,
Стану воевать и я, бодро поступать».
Царь государь похаживает,
С своими генералами разговаривает:
«Чье это дитё хорошо снаряжено,
Отдал бы я, отдал дочь за него.
Много бы за дочерью приданого дал:
Семь городов с половиною,
Семь сёл с половиною». —
«Это дитё Ивля Ивлевича.
У Ивля Ивлевича семь дочерей,
Осьмая падчерица». —
«Держите, ловите, хватайте её!»

ГОСТИНЫЙ СЫН УВОЗИТ ДЕВУШКУ НА КОРАБЛЕ

Во славном было городе Кронштате,
Гостиный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на цевке,
Окатистый крупный жемчуг на атласе.
Из высокого из нового терема
Увидела душа красная девица:
«Ах ты, душечка, удалый добрый молодец!
Ты продай, продай красно золото на цевке,
А окатистый крупный жемчуг на атласе!»
Да что взговорит удалый добрый молодец:
«Ах ты, душечка, душа красна девица!
Красно золото на цевочке нечисто,
А окатистый крупен жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Как в городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приутухнут,
И батюшка с матушкой спать лягут».
Красна девица по светлице ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю.
Гостиный сын по бережку гуляет;

Он душу красну девицу дожидает;
Принимает красну девицу под ручки,
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красну девицу во кораблик,
Посадили красну девицу на стулик,
Подносили красной девице сладкой водки,
Напоили красну девицу допьяна.
Поизволила девица почивати
У гостиного у сына на кровати.
Гостиный сын по кораблику гуляет,
Молодым матросам повелевает:
«Ах вы, свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красную девицу не будите!»
Середи моря девица пробудилась,
Пробудившися, девица стала плакать:
«Ахти, я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила!»
Гостиный сын по кораблику гуляет,
В звончаты свои гуселички играет,
Он душу красну девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Уж как бог нас донесет с тобой в наш город,
И я буду просить у батюшки благословенья
На тебе, на красной девице, жениться;
Как станем мы с тобой жить во любови,
Отпущу тебя к твоему батюшке побывати,
На своей тебе сторонушке погуляти».

ПРИНЦ НОЧУЕТ У ДОЧЕРИ КУПЦА

У Пенькова, у Пенькова,
У Пенькова у купца,

Припев:

Хорошая моя, пригожая моя!

У Пенькова у купца
Была дочь хороша,
Была дочь хороша,
Свет-Дуняша душа.
Как повадилась Дуняша
В особливой спальне спать
С едной нянюшкою,
Со Татьянушкою.
Со Пенькова со двора
Младый принц приезжал,
Младый принц приезжал,
Штофик рому привозил,
Штофик рому привозил,
Таню пьяной напоил,
Таню пьяной напоил,
Авдотьюшку угостил,
Авдотьюшку угостил,
Он с собой гулять возил.
Родной батюшка хватился,
По всем горницам бросился,

По всем горницам бросился,
У соседей колотился:
«Вы, соседи, вы, соседи,
Вы, соседушки мои!
Не видали ли, соседи,
Вы Дуняши моей?» —
«Мы видать-то не видали.
Только слышали про ней:
Спит у принца на руки,
На суконном рукаве».
   Родный батюшка идет,
Вдоль по улицы ведет.
Вдоль по улицы ведет,
По белому лицу бьет.
По белому лицу бьет,
Приговаривает:
«Ты не будь такова,
Как моя прежня жена,
Как моя прежня жена,
Твоя матушка родна!»

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ КУПЦА

Как под липой, под липой,
Под кудрявой зеленой,
Сидел молодец такой,
Держал гусли под полой.
Ах вы, гусли, мои гусли,
Вы, гуселечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я песенку спою
Про женитьбу про свою,
Как женила молодца
Чужа дальня сторона,
Макарьевска ярмонка!
  Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близ гостиного двора,
У Софронова купца
Солучилася беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.
  Как искали ту пропажу
По болотам, по лесам,

По Макарьевским пескам;
И нашли эту пропажу
У Машкова на дворе,
В новой бане на полке.
Ее буйная головушка
Испроломанная,
Ее русая коса
Вся растрепанная,
Цветно платье
Все изорванное
Все изорванное,
Все издерганное.
Вот и сам-от победитель
Под окошечком сидит,
Таки речи говорит:
«Не ко мне ли гости едут,
Не меня ли хотят брать?»
Как по первой по пороше
Трои саночки катят,
И звенят, и гремят,
Лишь копыточки стучат.
«Приворачивай, ребята,
К Акулинину двору».
Акулинушка бежит,
На ней платьице шумит.
«Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отворяй-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!»
Уж как взяли молодца,
Подхватили удальца,
Посадили в крепку горенку —
В каменный острог...

ЖЕНЫ ПОКУПАЮТ ВОЛЮ НАД МУЖЬЯМИ

Летел голубь, (2)
Летел голубь через город, (2)
И он нес вести,
И он нес вести да невесте:
«Вы, девушки,
Вы, девушки, вы, подружки,
Мы складемся,
Мы складемся по полтине,
По полтине, по холстине.
Мы пойдемте,
Мы пойдемте к воеводе:
«Воевода, воевода,
Воевода, царь господский!
Ты дай воли,
Ты дай воли на три годы,
На три годы,
На три годы над мужьями». —
«Не дам воли,
Не дам воли на три годы,
На три годы над мужьями. —
Я дам воли,
Я дам воли на полгода,
На полгода,
На полгода над мужьями». —

Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,
Но я буду,
Но я буду погоняти
Чапельнищем,[1]
Чапельнищем по бельмищам,
Помелищем по ребрищам,
Я поленом,
Я поленом по колену».

---

[1] Ухват.

ЛЮБОВНИК-БАРАН

«Мой муж домой едет,
Постылый домой едет.
Некуда гостя дети,
Некуда схоронити.
Я гостя в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила».
   Как муж приезжает,
Он жену пытает:
«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Что у тебя в лукошке,
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?» —
   «Уж ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Черная овечка барана родила
С крутыми рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами». —
   «Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Покажи мне барана
С крутыми рогами,
С длинными ногами!» —

«Да ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех дней не любуют».
Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытает:
«Жена моя, жонка,
Покажи мне барана.
Черного, кудрява!» —
«Этого барана
Я в сад относила;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого барана
Серы волки съели».

МУЖ-НЕДОРОСТОК

Я у батюшки манешенек родился,
Я у матушки глупешенек женился,
Я привел жену молодую,
Словно ягодку в лесе боровую,
Словно яблочко в саду налитое.
  Молодая-то жена меня не взлюбила,
Негодяем-то меня она называла:
«Ты пойдем-ка, негодный,
Пойдем к тестю в гости,
К тестю в гости, к тестю в гости,
К теще побывати!»
  А пришлося негодяю мимо итти рощи.
Привязала негодяя к белой березе,
А сама-то ли пошла, загуляла,
Ровно девять денечков к нему не бывала.
На десятый-ет денечек жена стосковалась,
Стосковалась, стосковалась, стала тужить-плакать:
«Сходить было, пойти к негодяю!»
  Не дошедши негодяя, жена становилась,
Низехонько ему поклонилась.
«Хорошо ли ти, негодный, в пиру пировати?» —
«Государыня жена, мне-ка не до пира:
Мне соловушки головушку всее пробили,

Мне комарики плечики искусали,
Мне муравушки ножки обточили!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня кормить хлебом?» —
«Государыня жена, стану калачами!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня поить квасом?» —
«Государыня жена, все стану сытою,
Я сытою, сытою сладкой, медовою!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня пущать в гости?» —
«Государыня жена, ступай хоть и вовсе!»

ЖЕНА СЖИГАЕТ НЕЛЮБИМОГО МУЖА

«Как, рябина, как, рябина кудрявая,
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоючи,
На болотину смотрючи?
  Молодица, ты, молодушка,
Молодица ты пригожа,
Как тебе не стошнится,
За худым мужем живучи,
На хорошего смотрючи,
На пригожего глядючи?»—
  «Наварю я пива пьяного,
Накурю я вина зеленого,
Напою я мужа пьяного,
Положу его средь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.
  Выйду я на улицу,
Закричу я своим громким голосом:
Осудари вы, люди добрые,
Вы, суседи приближенны!
А ночесь гром-от был,
А ночесь молонья сверкала, —
Моего мужа убило,
Моего мужа опалило!» —
«А ты, б. . .ь-страдница!
А не гром убил, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела!»

ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

У нас было во новом городе,
Во новом городе во Саратове,
На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
У купца ли, купца у богатого,
У богатого, у Шахматова,
Несчастьице в доме сделалось,
Несчастьице не малое,
Как жена-то мужа потеряла,[1]
Вострым ножичком зарезала.
В холостой[2] его погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала;
Сама взошла в нову горницу,
Во столовую светлицу;
Она села под окошечко,
Под хрустальное стеклышко;
Сама плачет, как река льется.
Прилетели к ней два сокола,
Два сокола, два ясныих,
Деверья ее любезные.
«Здравствуй, сноха-невестушка,

---

[1] Погубила.
[2] Пустой.

Сноха, белая лебедушка!
Где же братец наш, Иванушка?» —
«Ваш братец увел коня поить». —
«Ты, сноха наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Его добрый конь в конюшеньке,
Шелкова узда на гвоздике.
Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Да что у тебя в избе за кровь?» —
«Белу рыбицу я пластала,
Бела рыбица больно билася!» —
«Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Да где братец наш, Иванушка?» —
«Соколы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мне буйну голову!
Вашего братца я потеряла,
Вострым ножичком зарезала,
В холостой погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала!..»

МУЖ УБИВАЕТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

Летела пава через улицу,
Ронила пава павино перо;
Мне не жаль пера, жаль мне павушки.
Ой, мне жаль молодца, — один сын в отца,
Один сын в отца, добрый молодец,
Он на службу идет государеву.
Он и год служил, и другой служил;
А на третий год ко двору идет.
Его мать встрела[1] середи поля,
А сестра встрела середи села,
А жена встрела середи двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
«А твоя жена увесь дом снесла —
Что коней твоих пораспродала,
Соколов твоих пораспустила,
А меды твои поразвыпила».
Вынул молодец саблю вострую,
Он и снес жене буйну голову.
Голова жены покатилася
Ворону коню под праву ногу.
Пошел молодец во конюшеньку:
Кони стоят, сено-овес едят;

---

[1] Встретила.

Пошел молодец во соколенку:
Соколы сидят, почищаются;
И меды стоят не починены; [1]
Пошел молодец на новы сени:
На новых сенях колыбель висит,
Колыбель висит, там дитя кричит.
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нету матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»
Пошел молодец на высок терем, —
Как ударится он о дубовый стол:
«Что не мать ты мне и не матушка,
А змея же ты подколодная!»

---

[1] Не початы, не тронуты.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК И КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ

В Москве было у князя у Волхонского,
Тут живет-то, поживает Ваня-ключничек,
Молодыя-то княгини полюбовничек.
Ваня год живет, другой живет, — князь не ведает;
На третий-то годочек князь доведался
Через ту ли через девушку через сенную,
Через сенную, да через самую последнюю.
Закричал же князь Волхонский зычным голосом:
«Уж вы, слуги ль мои, слуги, слуги верные!
Вы сходите, приведите Ваню-ключника!»
И стал-же князь Ванюшу да выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:
Ты который год с княгиней во любви живешь?»
На первой-от раз Ванюша не покаялся.
Он выспрашивал Ванюшу ровно три часа;
Что и тут-то наш Ванюша не покаялся.
Закричал же князь Волхонский громким голосом:
«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли верные!

Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный двор!»
Повели же ведь Ванюшу широким двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрийская рубашка ровно жар горит,
Козловы новы сапожки поскрипывают,
У Иванушки кудеречки рассыпаются;
А идет-то сам Ванюша, усмехается.
Привели же ведь Ванюшу на конюшный двор,
Там и начали Ванюшеньку наказывати.
Александрийская рубашка с телом смешана,
Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.
Закричал же наш Ванюша громким голосом:
«Уж ты, барин ли, наш барин, ты, Волхонский князь!
Поставлено зелено вино, — кто не пьет его?
Приготовлены закусочки, — кто не кушает?
Как у нас-то с княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было попито,
Приготовленных закусочек покушано».
Закричал же князь Волхонский громким голосом:
«Вы, слуги ли мои, слуги, слуги верные!
Вы копайте-ка две ямы, две глубокие,
Становите-ка вы два столба, два высокие,
Перекладину кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,

И повесьте тут Иванушку изменника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Иванушка во петельке качается,
А княгиня-то во тереме кончается.

ЛЮБИЛА КНЯГИНЯ КАМЕР-ЛАКЕЯ

Время проходит, время летит,
Время проводит, ничто не льстит
Любила княгиня камер-лакея,
Любила она четыре года;
На пятыем году князь догадался,
На княгиню прогневался:
«Слуги мои, слуги вы верные, нелицемерные!
Вы поймайте камер-лакея,
Вы поймайте молодого,
Руки вы, ноги свяжите,
И вы бросьте в тое реку,
В тое реку во Смородинку!»
Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболела, захотела свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины:
«Слуги мои верные,
Слуги мои нелицемерные!
Возьмите вы шелковый невод,
Поймайте мне свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины!»
Сколько ловили, не изловили;
Только поймали белее тело,

Белое тело камер-лакея,
Камер-лакея молодого...
  «Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьицу,
Вы несите во светлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные ветры,
Вывейте из князя душу,
Вы вложите в камер-лакея,
Вы вложите в молодого!»
  Ее ветры не послушались,
Из князя душу не вывевали
И в камер-лакея не вдували.
  «Ох, вы, мои резвые ноги,
Знать-то вы ко мне не находились!
Ох, вы, мои белые руки,
Знать-то вы меня не наобнимались!
Ох, вы, мои очи ясные,
Знать-то вы на меня не нагляделись!
Ох, вы, мои уста сахарные,
Знать-то меня не нацеловались!
Ох, вы, мои цветные платья,
Знать-то мне вас не носити!
Ох, вы, мои черные платья,
Знать-то мне вас надевати!
Знать-то мне цветное платье скидавати,
Надевать-то мне платье черное!»

РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Во славном во городе в Киеве
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынков,
А дочка десятая.
  Один брат с рук, другой на руки,
Третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлелеявши сестру, гулять пошли,
По Русии воровать пошли.
  Без них меня матушка выдала
За море, за морянина.
Я год живу и другой живу,
На третий год сына родила.
Сына родила — стосковалася.
Морянина стала в гости звать:
«Морянин, морянин, пойдем в гости!
Уж ты к теще, а я к матери,
Ты к шурьям, а я к родным братьям!»
  День едем и другой едем,
На третий день остановилися,
Остановилися, огонь росклали,
Огонь росклали, кашу варили,
Кашу варили, дитя кормили.
  Поналетели черны вороны, —
Понаехали злы разбойники.

Морянина они потеряли,[1]
Морянченка в воду бросили,
Морянушку во полон взяли.
Все разбойнички спать легли,
Один разбойник не спит, не лежит,
Не спит, не лежит, богу молится,
Меня, морянушку, выспрашивает:
«Ты скажи, скажи, моя морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени?
Ты купецкого, иль княженецкого?» —
«Не купецкого я, не княженецкого:
Во славном во городе в Киеве
Там жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынков,
А я, дочка, — я десятая.
Один брат с рук — другой на руки,
А третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлелеявши сестру, гулять пошли,
По Русии воровать пошли.
Без них меня матушка выдала,
Что за море за морянина».
Как возговорит злой разбойничек:
«Вы встаньте, мои братцы родные!
Не морянина мы потеряли,
Не морянченка в воду бросили,
Не морянушку во полон взяли:
Мы потеряли зятя милого,
Племянченка в воду бросили,
Сестрицу ластушку во полон взяли!»

---

[1] Погубили.

Как возговорят злые разбойнички:
«Ты, сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у нас золоты ключи,
Отворяй ларцы, ларцы кованы,
Ты бери злато, сколько надобно!» —
«Ах, вы, братцы мои, ясны соколы!
Мне не надо вашего злата, серебра,
И ни скатного, крупного жемчугу.
Приведите моего морянина,
Принесите моего морянченка!
Вы пустите нас к родной матушке!»

ВЕЩИЙ СОН ДЕВУШКИ У РАЗБОЙНИКОВ

Что повыше было села Лыскова,
А пониже было Богомолова,
Как на той было Волге-матушке,
Там плывет-гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Пушкам, ружьецам исстановлена.
  На носу сидит атаман с ружьем,
На корме стоит есаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посеред лодки стоит бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красная девица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
  Она плакала-заливалася, —
Не хорош-то, вишь, сон ей привиделся:
«Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застреленному,
Есаулу быть пойману,

Добрым молодцам быть повешенным,
А и мне ли, красной девушке,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке;
А за то, про то красной девушке, —
Что пятнадцати лет на разбой пошла,
Я шестнадцати лет души губила,
Я зарезала парня белокурого,
Из белой груди сердце вынула,
На ножу сердце встропахнулося,
А и я, млада, усмехнулася!»

ДЕВИЦА — АТАМАН РАЗБОЙНИКОВ

Загуляла я, красна девица, загуляла,
Со удалыми, со добрыми молодцами,
Со теми ли молодцами, со ворами.
Не много я, красна девица, гуляла,
Гуляла, красна девица, тридцать шесть лет.
Была то я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом,
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старова и малова в щет не клала.
Я ездила по городам, по уездам,
Захотела, красна девица, загуляти,
Во славное в Московское государство,
Захотелось мне, красной девице, посмотрети,
Богатых там купцов мне поглядети;
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское на кружало.[1]

---

[1] Кабак.

Без счету я, девица, деньги выдавала,
Не глядя рублевички за стоичку бросала:
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Уж тут-то я, красна девица, бодрость
оказала,
Уж храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала.
Уж тут меня девицу признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, во полицу,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
Чего вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинюся.
Немного-то я, красна девица, гуляла,
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть
лет,
Была я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом;
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать
тысяч,
А старого и малого в щет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство,
По широким по улицам походити,
Богатых там купцов поглядети,

Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красна девица, загуляла,
На славное Петровское кружало,
Не глядя, я рублевички вынимала,
За стоичку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали,
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, во полицу.
   Судите, судьи, меня поскорее,
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огня мне голову рубите!
Вы слушайте, судьи, моево приказа:
Ведите меня с товарыщи в чисто поле,
Зачинайте вы класть всех с ряду,
Меня, красну девицу, напоследок!»
Я, лежа там, красна девица, возрыдала,
Об товарыщах своих я пожалела,
Что рано я вас, девица, погубила,
Я в сей вине, красна девица, причина,
Простите, мои приятели, доброхоты!

МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТЯХ У ЖЕНЫ

Уж как шли-прошли солдаты,
Они шли-прошли слободкой;
В слободке становились,
У вдовушки попросились:
«Ты, вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Нас немножечко, маленько:
Полтораста нас на конях,
Полтретьяста пешеходов».
А вдова им отвечала,
Ночевать их не пущала:
«У меня дворик маленек,
А горенка не величка!
У меня детей семейка!»
Они силой ворвалися,
Во горенку вобралися.
Они сели по порядкам:
Пешеходы все по лавкам,
А конница по скамейкам;
А большой гость впереди сел,
Впереди сел под окошком,
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белы ручки;
Стоит она, слезно плачет.

А большой гость унимает:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, овдовела?» —
«И я в горе позабыла». —
«Уж и много-ль, вдова, деток?» —
«У меня деток четвёро». —
«Уж и много-ль, вдова, хлеба?» —
«У меня хлеба осьмина». —
«Уж и много-ль, вдова, денег?» —
«У меня денег полтина». —
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже!
Ты скинь, вдова, с меня кивер,
В кивере — полотенце:
Не твого ли рукодельца?
На правой руке колечко:
Не твого ли обрученья?»
А вдова-то испугалась,
Во новы сени бросалась,
Малых детушек будила:
«Вы вставайте, мои дети!
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-то месяц светит,
Не красное солнце греет, —
Пришел батюшка родимый!»
А большой гость отвечает:
«Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам не надолго:
На один я на денечек,
Что на едный на часочек!»

СТАРЕЦ ИГРЕНИЩЕ

Из монастыря да из. Боголюбова
Идет старец Игренище, Игренище
Кологренище.
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай
спусти.
Пришол-то старец под окошечко
Человеку к тому богатому.
Просил честную он милостыню:
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи свеклы красныя.
А тот удалой господин
Добре сослал редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя,
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за вороты за широкие.
Посмотрит старец Игренище Кологренище
Во все четыре он во стороны.
Не увидел старец он, Игренище,
Во всех четырех во сторонушках

Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи свеклы красныя,
А и рад-то девушке чернаушке.
Ухватил он девушку чернаушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю;
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковой
мешок.
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
И с красной свеклы росол пошел.
А и тут-то ребята десятильниковы,
Оне туто со старцем заздорили.
А и молится старец Игренище,
а Игренище Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы,
К чему старца меня обидите!
А меня вам обидеть не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов
монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить, да не износить,
А другому дам камчат кафтан,

Он весь-то во тятивочку повыстеган,
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».
А и тут ему ребята освободу дают.
И ушел он, старец Игренище,
а Игренище Кологренище,
Во убогие он свои во келейки.
А поутру раненько-ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы:
Промежу обедни, заутрени
Пришли оне, ребята десятильниковы;
Ходят оне по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища Кологренища.
А увидел сам старец Игренище,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-то, ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне в келью, идите».
А всем расказал им подробно все,
А четверть пройдет, другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верные,
А которой побыстрее из ребят наперед
пошел
Ко тому старцу ко Игренищу.
Первому он дал пухов колпак:
А брал булаву в пол-третья пуда,
Бил молодца по буйной голове, —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырскием

А и четверть прошла, другой пришел.
А втапоры старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,
Полтораста ударов ему в спину влепил.
А и тех-то часов монастырскиех
Верно-то их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А тот ведь за кельей валяется;
А другому — наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить, да не износить».

РАЗГУЛЬНЫЕ МОНАХИ

Против солнца на востоке,
Монастырь Ращен стоял.
  Как в келейке монашинки спасаются:
По три раза они на день напиваются.
  Как к обедне зазвонят,
Так чернец пойдет в кабак
Свою рясу пропивать,
Клобук закладывати.
  Целовальник не примает,
Чернеца в шею толкает:
«Поди прочь, кавалер!
Казначей пить не велел!»
  Чернец вышел за врата;
Его взяла разнота:[1]
«Чем мне в келейку итти,
Лучше в роще погулять!»
  Девки в роще грибы брали,
Чернеченька не видали;
Доходили до конца,
Увидали чернеца...
Чернец ходит по тропе
Во высоком клобуке.
Становились девки в круг:
К ним идет сердечный друг.

---

[1] Недоумение.

Девки песенки запели,
Вот чернец пошел плясать,
А молоденька монашинка похаживати,
С ноги на ногу монашинка постукивати,
Про свое житье монашеско рассказывати:
«Распроклятое тако
Наше монашеско житье!
Распроклятая такая
Наша келья земляная!
Оставлю в тебе, келейка, спасенье,
Свое спасенье, свое монашеское!»

ПРИМЕЧАНИЯ

БЫЛИНЫ

Составители настоящего сборника ставили перед собой задачу выбрать из фольклорного материала наиболее ценное и значительное в художественном и социальном отношении. В то же время мы стремились ввести в литературный обиход свежие тексты, известные лишь узкому кругу специалистов. Поэтому при выборе преимущество иногда отдавалось малоизвестным текстам перед вариантами, хотя и имеющими большой художественный и социальный вес, но неоднократно включавшимися в антологии.

Публикуемые тексты былин, исторических песен и баллад сохраняют лишь некоторые особенности местного произношения, главным образом тогда, когда они связаны с формой и интонацией песенного стиха или представляют особые словообращения.

Большинство былин записано на севере. Главные особенности окающих говоров: произношение неударяемого *о* как *о* (*хо*роший, а не *ха*роший), *г* как *г*, а не *в* в окончаниях прилагательных (добро*го*, а не

добрава), смена *ц* и *ч* («*ц*оканье» и «*ч*еканье»), мягкость *ц* и др. согласных, замена *а* посредством *е* и *о* посредством *у* (п*е*ть вместо п*я*ть, войл*у*чек), отдельные случаи замены согласных (*б*лад вместо *м*лад, *д*ак вместо *т*ак) др.

В настоящем издании мы отказались от сохранения резких отклонений от общепринятого литературного языка, наличие которых затруднило бы чтение; тем более, что не все собиратели одинаково точно проводили диалектический принцип.

Чтобы познакомить с подлинным звучанием, даются образцы отдельных диалектических записей («Про Чурилу», «Небылица в лицах», «Цюрильё-игуменьё»). Мы стремились сохранить характерную черту исполнения былин и песен,—варьирование одних и тех же слов или звуковых сочетаний в качестве своеобразного художественного приема мелодики и инструментовки стиха.

При переводе со старой орфографии на новую окончания *аго*, *яго* и *ыя*, *ия* сохранены лишь в тех случаях, когда можно с уверенностью предположить о соответствии этих форм произношению, на том основании, что собиратель наравне с данными формами употребляет и формы *ого*, *его* и *ые*, *ие*.

Примечания к отдельным былинам и песням ставят задачу раскрытия исторического и социального их смысла и сообще-

ния кратких сведений о генезисе. Объяснение отдельных оборотов дано в подстрочных примечаниях, а местных и архаических слов — в словаре. Полные заголовки исследований, упоминаемых в примечаниях, вынесены, чтобы не загромождать комментария, в особый список.

В библиографический список исследований включены и устарелые, но дающие большой фактический материал, который может быть использован.

Первая поездка Ильи Муромца

Марков, № 68. Б. Архангельская губ., дер. Нижняя Золотица. Записано в 1899 г. от Г. Л. Крюкова, 77 л.

В былине следует видеть, с одной стороны, воспоминания о борьбе с разбойничеством, порожденным жестокой эксплоатацией и угнетением народных масс с самого начала государственности, с другой стороны — отклики на неустанную борьбу древней Руси с врагами-кочевниками. Есть попытки прикрепить эту былину к определенной местности: к Черниговскому княжеству XII—XIII веков, в котором был город Моровийск и недалеко город Карачев. Близ Карачева находится река Смородиная и село Девятидубье, которые местные жители связывают со сказаниями о Соловье-Разбойнике. Илья Муромец, по старым записям,—Муровец, богатырь Моровийска, — Муравленин или Моровлин. По кон-

цепции Вс. Миллера[15], былина сложилась на основе слияния и обработки двух местных черниговских преданий: об освобождении Чернигова от врага и о каком-то знаменитом разбойнике. Предположения эти, однако, еще спорны, так как не установлен самый факт существования преданий, указанные же местные названия села и реки могли появиться и в более позднее время.

Имя Соловей довольно часто встречается в древней Руси. Отчество — Рахманьевич, тоже позднейшая вставка, указывает, что на образе Соловья-Разбойника отразились воспоминания татарщины (Рахманьевич — по другим вариантам Рахматович — вор-Ахматович. Хан Ахмат известен своим походом на Москву в XIV веке).

В печатаемом варианте интересны позднейшие социальные черты — противопоставление «мужичонка» Ильи «бояришкам кособрюхим» и посрамление последних.

Бой Ильи Муромца с сыном

Марков, № 4. Из старин Терского берега. Б. Архангельская губ., дер. Нижняя Зимняя Золотица. Записано в 1899 г. от А. М. Крюковой, 45 л.

Былина является обработкой широко распространенного международного сюжета о бое отца с неузнанным сыном. На эту тему известны иранские сказания о Рустеме и Сохрабе (Зорабе), немецкие — о Гильдебранде и Алибранде, эстонские—о Кивви-

аль, кельтские — о Клизаморе и Картоне, киргизские—о Гали и Сайдильде и др. По общему характеру — трагическому исходу для сына — русские былинные обработки ближе к восточным, но в целом ряде деталей сходятся с западными.

Бытовая историческая обстановка, отраженная русскими обработками, говорит о древнем и южном их происхождении. Образ сына соответствует традиционному былинному изображению врага — кочевника — с чертами коварства и злобы.

Были попытки определить более точно время и место создания былины, исходя, главным образом, из имени матери: Латыгорка, Златыгорка (А. В. Марков[9]). Но они успехом не увенчались, и вопрос остается открытым.

Помещаемый вариант — единственный, в котором мать Подсокольника именуется Маринкой Кайдаловной, взимающей торговую пошлину с кораблей князя Владимира — персонаж, перенесенный из редкой былины о Глебе Володьевиче, записанной Марковым в двух вариантах также в дер. Нижняя Зимняя Золотица. В варианте, записанном от той же сказительницы, упоминается Илья Муромец как «дружок» Маринки, которому она «скопляет золоту казну». В связи с этим воздействием другой былины данный вариант принимает и необычайный конец: Илья Муромец после покушения сына на его жизнь не убивает его, а

отпускает к матери. Следует убийство матери, которое в других вариантах предшествует покушению на убийство отца, и затем новая попытка Подсокольника погубить Илью Муромца, — в рассказе о ней снова фигурируют корабли князя Владимира.

Изображение сторожевого поста — «заставы» дало возможность развернуть в позднейшей переработке показ богатырей. Особенности характеристик вскрывают социальные тенденции исполнителей. В этом отношении особенно замечателен один из северных вариантов, помещенный в сборнике Киреевского («Песни», т. I, вып. 1, М., 1863, стр. 46). Дается состав богатырей:

На заставе атаман был Илья Муромец;
Податаманье был Добрыня Никитич млад;
Есаул — Алеша, поповский сын;
Еще был у них Гришка, боярский сын;
Был у них Васька Долгополой.

При обсуждении, кого послать за нахвальщиком, Ильей Муромцем поочередно отводятся все богатыри:

«У Васьки полы долгие;
По земле ходит Васька, заплетается,
На бою, на драке заплетется, —
Погинёт Васька понапрасному».
«Гришка — рода боярского;
Боярские роды хвастливые;

На бою-драке призахвастается, —
Погинёт Гришка понапрасному».
«Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие;
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, серебра,
Злату Алеша позавидует, —
Погинёт Алеша понапрасному.

В целом ряде других вариантов характеристика дается в личном плане и вызывается осмыслением прозвищ богатырей.

«Да послать нам ведь Мишку Торопанишка —
Да и тот он ведь рода торопливого,
Потеряет свою буйную голову...»
(Ончуков, № 4)

«Мы пошлем тихого Дуная сына Ивановича —
У Дуная повороты были тихие
Он не за́ веды положит буйну голову».
(Киреевский, в. 1, № 1)

Добрыня и Алеша Попович носят исторические имена: Добрыня по летописи является дядею князя Владимира Святославича, Александр Попович упоминается в летописной заметке о битве при Калке в числе остальных «храбров», погибших в сражении.

Илья Муромец и Идолище

Рыбников, I, № 6. Б. Олонецкая губ., Кижи. Записано в 1860 г. от Т. Г. Рябинина, 78 л.

Былина об Илье Муромце и Идолище — позднейшая переработка былины об Алеше Поповиче и Тугарине, явившаяся в результате стягивания целого ряда легендарных подвигов к популярному имени Ильи Муромца. Тугарин — возможно, Тугорхан половецкий хан конца XI века, имевший то враждебные, то дружественные отношения с киевским князем Святославом. Алеша Попович — Александр Попович, упоминаемый древнерусской летописью как «храбр», богатырь, живший в XIII веке и погибший в битве с татарами на реке Калке. Этот Александр — Алеша Попович — является героем многих былин, причем к его имени прикрепляются и более ранние предания. В основе былины об Алеше Поповиче и Тугарине, очевидно, лежат какие-то древние сказания о борьбе русских с кочевниками, в частности с половцами. По другому объяснению генезиса этой былины (Б. М. Соколов [18]) источник ее — местное ростовское сказание о борьбе с идолом. Однако трактовка Тугарина-Идолища, как концентрированный образ насильника-кочевника, является более убедительной.

Наряду с идолищем в данной былине заслуживает внимания образ калики.

Помимо скоморохов, в сложении и формировании эпоса сыграла роль и церковно-паломническая среда. См. вступительную статью, стр. 49.

Апофеозом каличества явилась былина «Сорок калик», как апологией скоморошества — «Путешествие Вавилы». См. примечание к «Путешествию Вавилы со скоморохами» (стр. 406). В былинах о Тугарине-Идолище калика изображается могучим богатырем, по силе почти равным главному герою, а в некоторых вариантах и превосходящим его.

Илья в ссоре с Владимиром

Гильфердинг, № 47. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., Купецкая вол., дер. Бураково. Записано в 1871 г. от Н. Прохорова (по прозвищу «Утка»), 51 г.

Былина несомненно позднего происхождения и отражает социальные отношения начала XVII в. Об историческом смысле данной былины о ссоре Ильи с Владимиром см. вступительную статью, стр. 22.

В публикуемой былине образ Ильи-бунтаря раскрыт с огромной художественной силой, что делает этот текст вообще одним из лучших в русской былевой традиции.

Илья Муромец и голи кабацкие

Гильфердинг, № 257. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано в 1871 г. от И. М. Кропачева (Лядкова), 65 л.

Интересное объединение двух разновременных по своему происхождению былин. Первая часть, о голях кабацких, существующая и в виде отдельной былины, должна быть отнесена к XVII в. по тем же основаниям, как и былина о ссоре Ильи Муромца с Владимиром. Вторая часть является сокращенной былиной о Калине-царе, создавшейся на основе сказаний о первых встречах русских с татарами. Пафос некоторых вариантов этой былины — в изображении самой борьбы с Калином. Описание нашествия татар дано в них в ярких и сильных образах, свидетельствующих о силе испытанного потрясения. Таково, например, знаменитое описание в варианте сборника Кирши Данилова (№ 24):

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам жить.

В более позднее время к былине о Калине-царе стали присоединяться эпизоды ссоры, заточения Ильи Муромца в погреб, отъезда разгневанных на князя богатырей, что сообщило ей большую социальную заостренность, подчеркивая отрицательные черты Владимира (см., например, Гильфердинг, № 57, 75; Ончуков, № 2; Марков,

№ 2). Печатаемый текст отличается особой социальной насыщенностью, выделяя образ Ильи как великодушного защитника страны и населения, но не князя. Интересны еще варианты, в которых роль доносчиков и клеветников приписывается боярам толстобрюхим, завидующим подарку (шубе), сделанному князем Илье Муромцу (печорские и беломорские варианты).

Василий Игнатьев

Ончуков, № 18. Б. Архангельская губ., Усть-Цылемская вол., д. Боровая. Записано в 1902 г. от А. Д. Осташевой, 42 л.

Былины о Василии Игнатьеве представляют позднейшую обработку преданий времен татарщины, отразив, вероятно, воспоминание о разгроме Киева Батыем в 1240 г. Многие варианты этой былины (олонецкие) сохранили и самое имя хана (Батыга). Рядом с более старыми обработками сюжета о нашествии на Киев татар (былины о Калине-царе) данная былина интересна перенесением роли обычного спасителя Киева, Ильи Муромца, на представителя голи кабацкой. Таким образом, эта былина должна быть поставлена в один ряд с былинами о голях кабацких и о ссоре Ильи с Владимиром, преломивших настроения социального протеста угнетенных масс — участников народных движений начала XVII в. См. об этом вступительную статью, стр. 22—23. Данный вариант принад-

лежит к числу тех, которые выражают этот протест с особой силой, но направляют его не столько против князя, сколько против «бояр толстобрюхих». В этом отношении интересны по своей социальной насыщенности два мезенских варианта сборника Григорьева. В одном (№ 65) Василий наказывает татарам:

«Уж вы грабьте князей да нонче бояров,
Уж вы тех же купчей, людей торговыих,
Уж вы грабьте у их да золоту казну,
Не ворошите только князя да Владимира».

В другом (№ 59) еще более социально четко:

«А бар то у нас казните-вешайте».

Запев о турах златорогих является осколком старинной легенды, связанной с представлением об охране Киева богородицей. У старообрядцев Поморья этот запев обработан в самостоятельную песню и представляет плач о гибели «христианской», то-есть старообрядческой веры.

Сухматий (Сухман)

Марков, № 11. Из старин Терского берега, Б. Архангельская губ, дер. Нижняя Зимняя Золотица. Записано в 1899 г. от А. М. Крюковой, 45 л.

В основе былины лежит предание о каком-то столкновении русских с татарами.

Все попытки установить конкретное событие, послужившее источником, могли только вскрыть некоторые отдельные и иногда отдаленные черты сходства. В целом они лишь заставляют предполагать целый ряд влияний, через которые прошла данная былина, вплоть до XVI в. отложившего в образе Владимира черты деспотизма московских царей. Конец разработан в стиле поэтических сказаний о происхождении названий рек, следы которых мы находим и в других былинах, например в былине «Дунай». Былина — одна из самых редких, известна всего в нескольких версиях.

Неудавшаяся женитьба Алеши

Марков, Маслов, Богословский, т. II, № 24. Терский берег, 6. Архангельская губ., Варзуга. Записано 1901 г. от У. Е. Вопиящиной, 62 л.

Былина-новелла о Добрыне и Алеше — песенная обработка распространенного международного мотива о муже на свадьбе своей жены (Одиссей и Пенелопа, Ашик-Кериб — имеется обработка у Лермонтова, предания о Карле Великом). Трудно сказать, почему этот сюжет приурочен к Добрыне Никитичу. Алеша же Попович включается в былину вследствие тех черт изворотливости, склонности к обману и проч., которыми наделяется его образ в руках скоморохов. См. об этом вступительную статью, стр. 29. Время создания не установлено. Одна

из самых популярных былин. Печатаемый текст относится к той группе вариантов, которые заключают яркую и выразительную социальную сатиру благодаря внесению своднической роли Владимира, наделяемого чертами интригана и насильника.

Алеша Попович и сестра Збродовичей

Киреевский, в. 2, стр. 67. Б. Архангельская губ., Шенкурск.

Былина-новелла на характерный для феодальной эпохи сюжет — о девушке, запятнавшей фамильную честь и осужденной за это братьями на смерть. Возможно, что вначале это была просто безыменная песня, в которую имя Алеши Поповича было внесено позднее, когда определился тип Алеши как «бабьего прелестника». Об этом заставляет предполагать наличие вариантов, в которых вместо Алеши мы находим безыменного молодца, в одном же варианте героем является Чурила по аналогии с близкой былиной о неверной жене. Время и место сложения данной былины неизвестны.

Ставер

Рыбников, I, № 30. Б. Олонецкая губ., Повенецкий у., дер. Горка. Записано в 1863 г. от А. Е. Чукова (по прозвищу «Бутылка»).

Былина о Ставре, очевидно, новгородского происхождения, несмотря на приуро-

чение действия к Киеву. Никаких следов этой былины в южной и средней России, за исключением одного случайного варианта из Владимирской губ., мы не находим. Купеческий характер былины очень силен. Некоторые исследователи полагали, что историческим основанием к ее сложению мог явиться эпизод начала XII в. — столкновение Владимира Мономаха с новгородскими боярами и заточение сотского, боярина Ставра. Оформление предания о заточении Ставра киевским князем в былину произошло не позднее XV в. при помощи ряда литературных мотивов — о жене, переодевающейся в мужское платье для освобождения мужа, о решении дела состязанием в стрельбе, в игре в шахматы и т. п. (Вс. Миллер[12]), но не исключена возможность и простого совпадения имен. Вся группа вариантов, сохранившихся в нынешней Карелии, носит явные следы позднейшей обработки скоморохами — общий балагурный тон, внесение способов испытания пола постелью и баней. Сибирские варианты отличаются более серьезным характером и, возможно, более архаичны.

Дюк

Гильфердинг, № 159, Б. Олонецкая губ., Петрозаводский у., дер. Космозеро. Записано в 1871 г. от И. А. Касьянова, 40 л.

Сложение основы былины главный ее исследователь Вс. Миллер[11] относит к

Галичу в период его расцвета в XII—XIII вв. В ряде вариантов Дюк едет из Волынца в Галич. Имя и отчество героя ведут к Византии, югославянским странам и западной Венгрии, с которыми южные области находились в оживленных сношениях. Былина испытала на себе несомненное влияние «Сказания об Индии богатой», которое доказывало превосходство Индийского царства над Византийским. (Известно было в русской письменности в XII—XIII вв.). Сходство былины со сказанием — не только в основном замысле, но и в фабуле. В былине видны отголоски соперничества южных бояр, богатых и независимых, с князьями. Пышный расцвет Галича и параллельное ослабление Киева — та историческая обстановка, на почве которой могла окончательно сложиться былина. Впоследствии она впитала черты пышного боярского и царского быта московского периода.

Публикуемый вариант с большой силой заостряет сюжет именно в сторону соперничества Дюка в богатстве и роскоши с князем Владимиром. Чурила является в нем представителем Киева.

Про Чурилу

Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. Северный край, Лешуконский район, дер. Усть-

Низема, 30 июня 1928 г. Записано А. М Астаховой от М. Г. Антонова, 59 л. Печатается в первый раз.

Былина представляет типичную новеллу. Богата бытовыми деталями. Одна из самых популярных на севере «бабьих старин», то есть особенно любимых женщинами-сказительницами.

Кроме данного сюжета, с именем Чурилы существует былина о приезде героя в Киев на службу к Владимиру. Чурила является также одним из главных действующих лиц в былине «Дюк Степанович». Место и время происхождения былин о Чуриле не установлены.

Некоторые исследователи, опираясь на южное имя героя, склонны относить эти былины или древнейшие их основы к югу России и к сравнительно раннему времени (А. Н. Веселовский [3] и М. Г. Халанский [20]), другие, по бытовым чертам, приурочивают их к северу — к Новгороду эпохи XV в. (Вс. Миллер [14]) или даже к Москве XV—XVI вв. (А. С. Архангельский [2]).

Развязка в данном варианте является типичной для былины. Но следует отметить характерный вариант с усиленным трагизмом: после убийства жены и Чурилы муж убивает чернавку за донос, а затем и себя (Гильфердинг, № 189).

Сказитель М. Г. Антонов — «баличий» (овечий) пастух (1929 г.) — принадле-

жит к числу замечательнейших мастеров Мезени.

Записанные от него тексты еще нигде не печатались.

Василий Буслаев

Кирша Данилов, № 9.

Фабула и бытовые картины настолько густо насыщены чертами исторической обстановки Новгорода времен его самостоятельности, что можно с несомненностью говорить о местном новгородском происхождении былины в XIV—XV вв. В ней, как показал в своем исследовании И. Н. Жданов,[5] отразились воспоминания о борьбе общественных партий Новгорода на почве классового расслоения в среде торговой буржуазии. В лице Василия Буслаева и «мужиков новгородских» изображено столкновение двух конкурирующих слоев социальной верхушки Новгорода — аристократии, крупных землевладельцев-бояр, с одной стороны, и новгородского купечества — с другой. Попытки отыскать конкретное событие, которое могло лечь в основу былин, и исторические прототипы действующих лиц остались безуспешными. Правда, имя героя былины встречается в Никоновском летописном своде XVI в., где под 1175 г. имеется заметка о смерти новгородского посадника «Васка Буславича». Но возможно, что в летописную заметку имя это попало уже из устного

источника, так как ни в местных новгородских летописях, ни в списках новгородских посадников мы этого имени не находим.

Значительные следы влияний XVI в. в обрисовке некоторых образов этой былины (черты опричны, юродивого и др.) вызвали попытку С. К. Шамбинаго [23] истолковать ее как исторический памфлет на Ивана Грозного, разгромившего Новгород в 1570 году. Неубедительность доводов Шамбинаго вскрыта Вс. Миллером. [17]

Былина о Василии Буслаеве является довольно распространенной на севере. Публикуемый вариант сильнее сохранил новгородский колорит, в других он снижен, и в ряде вариантов Василий Буслаевич превращается в обыкновенного хулигана, в пьяном виде вызывающего мужиков на драку в порядке простого хвастовства. Былина часто контаминируется со второй — о гибели Василия Буслаевича, что свидетельствует о конечном осуждении его поведения, хотя в первой былине отношение к герою скорее сочувственное. В этой противоречивости сказалось скрещение настроений, идущих от различных социальных групп: новгородского боярства, купечества, позднее — крестьянства. Наиболее интересный случай позднейшего переосмысления образа Василия в крестьянской среде мы находим в варианте, записанном А. Марковым на Зимнем берегу («Беломорские былины»,

№ 52, 1901 г.), где Василий Буслаевич оказывается сыном богатого князя и «дворянскими забавами да и забавляитце: малых деток на улки пообиживает», что и вызывает у мужиков новгородских решение его убить.

Василий Буслаев молиться ездил

Кирша Данилов, № 18.

Былина, очевидно, является отражением воспоминаний об «ушкуйничестве», военно-промышленных походах новгородцев для завоевания и грабежа новых областей, которые носили то организованный характер, то характер самочинных разбойных набегов. Можно предположить, что былина оформилась уже тогда, когда ушкуйничество стало подвергаться порицанию, как наносящее ущерб торговым операциям с Поволжьем (с конца XIV в.), а, следовательно, явилась выражением идеологии новгородского купечества (И. Н. Жданов [5]). Печатаемый вариант интересен тем, что наиболее заостряет образ Василия Буслаевича как вольнодумца, не верующего «ни в сон, ни в чох», исторически сложившийся в Новгороде на почве сильных западных влияний.

Былина заключает следы влияний книжной литературы (эпизод с черепом), а также наслоения XVII в. (казачий элемент былины).

Садко

Рыбников, № 134. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., Сумозеро. Записано в 1860 г. от А. П. Сорокина, 32 л.

Историческая обстановка, отображенная в былине, сильно выраженный купеческий характер, изображение таких моментов, как заморская торговля, торговая конкуренция и проч., убеждают в несомненном новгородском происхождении. Эпоха, с которой связана эта былина, — эпоха наивысшего расцвета торгового могущества Новгорода. Имя героя является историческим новгородским. В ряде северных летописей упоминается «Садко Сытинец», «Садко богатый», построивший в 1167 г. каменную церковь в честь Бориса и Глеба. Возможно, что в основу и легли предания об этом историческом лице, разработанные в былину при помощи целого ряда других источников, главным образом сказочных (мотивы о водяном царе и его дочери) и церковно-легендарных (о спасении посредством человеческой жертвы погибающих среди моря).

Печатаемая былина, так же как и второй вариант ее от того же сказителя, записанного Гильфердингом («Онежские былины», № 70), являются самыми полными, подробно разрабатывающими все три основных эпизода, а также сохраняют старейшую развязку эпизода состязания с Новгородом.

В некоторых, очевидно, более поздних обработках победителем оказывается Садко, выкупающий при помощи Миколы Можайского все товары.

Таким образом, былина, являющаяся по замыслу восхвалением торговой мощи Новгорода, переключается впоследствии в разряд обычной героической былины с победителем-героем.

Соловей Будимирович

Гильфердинг, № 68. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Гагарка Шальского погоста. Записано в 1871 г. от П. Т. Антонова, 70 л.

Принадлежит к числу былин-новелл, с заезжими «гостями» в качестве героев. С чертами южного цикла данная былина совмещает явные северные элементы: оснастка корабля (в некоторых вариантах еще ряд северных мореходных терминов), образ типичного новгородского «гостя», есть даже варианты, в которых Соловей Будимирович при теремах строит и гостиный двор (см., например, Гильфердинг, № 199), черты богатого новгородского быта, мотивы русских свадебных песен, неизвестных на юге, и др. Кроме того некоторые варианты включают и географические названия, связывающие былину с севером: море «Вирянское» или «Верейское» (искаженное варяжское или, может быть, от Wironia — эстляндский берег Финского залива) и др. Северный

элемент настолько силен, что заставляет предполагать северное, именно новгородское, происхождение, за что говорит и самое содержание, типичное для новгородского цикла. Время создания — очевидно XV—XVI вв. Южные черты могли быть привнесены позднее под воздействием других былин, где действующие лица группируются вокруг Киева и князя Владимира.

Гудимирович — в большинстве вариантов Будимирович. Запава Утятична — Забава Путятична, часто упоминаемая в былинах как племянница князя Владимира.

Вариант этой былины из Западной Сибири, помещенный в сборнике Кирши Данилова, известен своей запевкой:
«Высота ли, высота поднебесная» (см. вступ. статью, стр. 40).

Вольга

Гильфердинг, № 91. Б. Олонецкая губ. Петрозаводский у., Сенная Губа. Записано в 1871 г. от К. И. Романова, 80 л.

Былина является, повидимому, контаминацией и сложной переработкой при помощи ряда сказочных и легендарных мотивов двух древних песен — о необыкновенном охотнике и о походе и завоевании чужого царства каким-то героем. Имя «Вольга» было включено позднее по аналогии этих песен с преданиями о князе Олеге и княгине Ольге («ловы» Олега, о которых упоминают

летописи, походы на Царьград). Оборотничество Вольги могло тоже явиться позднее в результате истолкования символических образов охоты (как лютый зверь, как сокол и т. д.) под воздействием новгородского предания об оборотне Волхе, залегшем на дне реки Волхова. Следы этого воздействия сохранились в имени героя «Волх», которое встречается в ряде вариантов вместо Вольги.

Вольга и Микула

Гильфердинг, № 73. Б. Олонецкая губ., Петрозаводский у., Кижи. Записано в 1871 г. от Т. Г. Рябинина, 78 л.

Былина, как и предшествующая — «Вольга», вызвала обширную литературу. Главные исследования принадлежат Вс. Миллеру [13], Н. И. Коробка [7], С. К. Шамбинаго [24], М. Г. Халанскому [21], Б. М. Соколову [19]. Но до сих пор все решения относительно происхождения былины нельзя считать окончательными.

Начало былины — результат сближения, под воздействием тех же сказаний о князе Олеге (см. предыдущее примечание) песен о чудесном охотнике и о князе дружиннике, едущем на «полюдие» (сбор дани). Местом окончательного оформления былины скорее всего можно считать Новгородскую область — на основании целого ряда типичных северных и новгородских черт в пейзаже, быте, социальных отношениях.

Напечатанный вариант один из лучших и наиболее полных, четко передающих торжество пахаря над князем, но не имеет окончания, встречающегося в некоторых других вариантах и представляющего исторический интерес: Вольга и Микула приезжают в первый город, мужики готовы покориться, Вольга жалует Микуле наместничество:

Я жалую от себя тремя городами со крестьянами,
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ко ты дань да ведь грошевую.

(Гильфердинг, № 156)

Святогор

Гильфердинг, № 270. Б. Олонецкая губ. Кенозеро. Записано в 1871 г. от И. А. Гурьбина, 60 л.

Образ Святогора — один из труднейших для анализа по своему происхождению и составу.

Представители мифологической школы делили весь эпос на две группы — былины о «старших» богатырях и о «младших». К первым наравне с Вольгой и Микулой причисляли и Святогора. Образы этих богатырей они считали мифологическими, принадлежащими глубокой древности. Однако совершенно ясно, что многие былины этого цикла возникли в результате позд-

нейших влияний сказочных и церковно-легендарных мотивов. Данная былина особенно характерна в этом отношении. В ее основе лежит религиозно-аскетическая тенденция, идея бренности земного существования, нашедшая свое воплощение в образе «земной тяги» (А. Н. Веселовский [4]). Другая идея былины — смерть как возмездие за похвальбу — тоже свойственна религиозно-легендарной поэзии. Под тем же влиянием происходит также постоянное объединение в эпосе богатыря Святогора с библейским апокрифическим Самсоном. Многочисленные исследования, направленные на отыскание литературных параллелей в эпосе других народов: кавказских (Вс. Миллер[10]), восточных (И. Н. Жданов [6]) финско-эстских (С. К. Шамбиного, [22] Вс. Миллер [16]) — к вполне убедительным решениям не привели.

Путешествие Вавилы со скоморохами

Григорьев, т. I, ч. 2, № 85. Б. Архангельская губ., Пинежский у., дер. Шотогорка, записано в 1900 г. от М. Д. Кривополенова, 57 л.

Принадлежит к числу «скоморошин», то есть произведений, сложенных самими скоморохами. В отличие от других скоморошин она имеет серьезный характер. Совершенно ясна основная тенденция, вызвавшая ее к жизни. В ответ на преследование церкви скоморохи создают своего

рода апологию, где сила скоморошьего искусства уравнивается с силой, исходящей от святых. В таком же плане средневековые жонглеры создали свое знаменитое фабльо о жонглере-акробате, обработанное впоследствии Анатолем Франсом.

Гость Терентьище

Кирша Данилов, № 2.

Типичная новелла, вышедшая из буржуазной среды и получившая скоморошью обработку. Версия этого сюжета широко известна восточной и западной письменной литературе. Наряду с былиной существуют также и сказки. Подчеркнутость роли скоморохов в некоторых вариантах выступает еще резче. Так, например, в варианте из сборника Киреевского (в. 7, стр. 48, Приложение) в уста Терентьища вкладывается следующее обращение к скоморохам:

Вы много по земле ходаки,
Вы много всем скорбям знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете, —
У меня, братцы, жена скорбна.

Птицы

Гильфердинг, № 280. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано в 1871 г. от А. В. Георгиевской, 40 л.

Былина создалась на основе древнерусского литературного памятника, известного

под названиями «Сказания о птицах» и «Совет птичий», имевшего распространение с конца XIV и начала XVII в. Памятник содержит, с одной стороны, сентенции птиц религиозно-поучительного характера, с другой — сатирические изображения в лице птиц разных сословий. Этот последний бытовой элемент и послужил источником для былины. Общий сатирически балагурный тон говорит несомненно об участии в ее сложении скоморохов, которые не раз использовали свое искусство для социальных обличений. Некоторые варианты этой былины, кроме птиц, заключают и характеристики зверей, например:

Лев тот на́ мори мясник был,
Медведь от был кожеде́рник,
Много он кож продираёт,
Сапогов на ногах не видаёт,
Волк тот на́ море овчинник,
Много он овчин прибираёт.
Ай шубы он на плечах не видаёт,
Велику соби стужу принимаёт.
Олень-то скорыи посланник,
Зайко-то на мори калачник,
А ножки тоне́ньки, беле́ньки,
Калачики пекет он и мяконьки,
А лисица моло́да молодица,
Долог хвост и не наступит,
Сделаёт вину она не скажё.
А собака та зла лиха свекрова,

День она ночи варайдает,
Дела никáкова не скажёт,
А й кошки эты́ были вдовицы
То-то сироты да бобылицы;
Днем кошки́ лежá по печкам,
Ночью пóйдут по добычкам,
А криночки горшочки открывают
Без ложки сметанку снимают,
За то же их бьют и беспощадно.

(Гильфердинг, № 62)

Приведем еще из других вариантов несколько наиболее ярких образов в социальном и художественном отношении.

Ястреб на мори стряпчий,
С богатого двора берет по куренку,
Со вдовы-сироты берет по две и по три,
То есть великая в нем неправда,

(Гильфердинг, № 130)

Сорока кабáцкая женка,
Черные чéботы держала,
С ножки на нóжку скакала,
На груди подолы подымала,
Молодых ребят приманяла.
Без калача да есть не ся́дёт,
Без молодца да спать не ля́жёт,
Пеш же онá, курвá, не ходит,
Всё ль то едё на подводах,
А пара у ней коней вороных.

(Гильфердинг, № 62)

Песни о зверях и птицах использованы А. С. Пушкиным в его неоконченной сказке о медведице.

Агафонушка и другие пародии

1. *Кирша Данилов*, № 25-а. 2. *Григорьев*, т. III, № 93. Б. Архангельская губ., Мезенский у., дер. Юрома. Записано в 1901 г. от Е. В. Бешенкина, 89 л. 3. *Григорьев*, т. I, ч. 2, № 87. Б. Архангельская губ., Пинежеский у., дер. Шотогорка. Записано в 1900 г. от М. Д. Кривополеновой, 57 л. 4. *Ончуков*, № 29. Б. Архангельская губ., с. Усть-Цыльма. Записано в 1902 г. от П. Р. Поздеева, 65 л. 5. Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. Северный край, Лешуконский район, дер. Малые Нисогоры, 13 июля 1928 г. Записано А. М. Астаховой от И. И. Поздеева, 57 л. Печатается в первый раз.

Среди скоморошин значительное место занимают пародии на былины. Из них «Агафонушка», пародирующая богатырскую былину, — одна из самых замечательных. Запев ее явно пародирует знаменитый запев былины «Соловей Будимирович» из сборника Кирша Данилова: «Высота ли высота поднебесная».

Так как обе эти былины находятся в одном сборнике и в других записях неизвестны, то совершенно ясно, что они создались в среде одного и того же певче-

ского коллектива и, может быть, сложены одним и тем же лицом. Концовка второй пародии «Старина о льдине» заставляет предполагать, что пародия пелась в виде вступления к серьезным былинам.

«Небылица в лицах» представляет интересный пример дальнейшего развития пародии — веселую песню о «небывальщинках», в которой характерный пародийный зачин небылиц: «Старина сказать да стародавняя, стародавняя да небывалая» — превращается в песенный припев и теряет свой пародийный смысл. «Пародия» и «Как во славном во городе Нижове...» являются местными пародиями. Первая возникла, как рассказал исполнитель, по следующему поводу: «Объелся в деревне Ниже человек молоком и помер. Про него самоскладена старина. Травят нижовцев». Вторая — составлена на местного пропойцу.

Скоморошья прибаутка

Гильфердинг, № 60. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Мелентьево. Записано в 1871 г. от И. Фепонова, 50 л.

Характерная скоморошья прибаутка, развернутая почти до размеров отдельной небольшой скоморошины. В качестве зачина или концовки присоединяется к былине «Василий Игнатьев» в олонецких вариантах.

Авдотья женка-Рязаночка

Рыбников, № 182. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано от И. П. Сивцева (Поромского).

Хотя в песне упоминается «турецкий царь», однако, совершенно несомненно, что в данном тексте мы имеем отголосок воспоминаний о татарщине, в частности о разгроме татарами Рязанской земли (1237 г.). Песня представляет образец переходной формы — от исторической песни к балладе.

Татарский полон

Киреевский, в. 7, стр. 195. Б. Тульская губ.

Песни о полоняночках, о татарине или турке-зяте записаны во многих вариантах, что свидетельствует о довольно значительном их распространении. Как предшествующая песня «Авдотья Рязаночка», данная песня испытала позднейшую замену татар турками. Относится к разряду тех исторических песен, которые стоят на грани бытовых, то есть историзм которых заключается в изображении типового эпизода определенной исторической эпохи.

Взятие Казанского царства

Кирша Данилов, № 28.

Взятие Казани в 1552 г. — решительный шаг к захвату Поволжского пути

и плодородных поволжских земель — было тем крупнейшим событием внешней политики московского правительства, которое объединило интересы всех командующих общественных групп: феодального боярства, торгового класса, средних землевладельцев. Особенно популярен был казанский поход среди этих последних, видевших в Казанском царстве «подрайскую землицу», «всем угодную». Песня ярко отразила это отношение к событию, связав его с фактом «воцарения» Ивана Грозного и трактуя его как начало «великой славы Москвы». Основные эпизоды песни передают подлинные исторические факты: взрыв городской стены, который решил участь города, отказ казанского царя Едигера (в песне Симеона) изъявить покорность Ивану Грозному.

Песни о попе Емеле

Аристов, стр.25. *Киреевский*, в. 7, стр. 19. Б. Орловская губ., Малоархангельский у.

Относятся к так называемому «Смутному времени». Связаны с конкретным фактом активного участия духовенства в событиях. Быть может отразили предание об историческом попе Еремее — активном участнике борьбы с поляками (Сперанский[26]). Сложились несомненно в кругах, настроенных оппозиционно в отношении первого Димитрия и его приверженцев: демократический переворот начала XVII в.

изображается как разбойничий набег. Но впоследствии, спустившись в крестьянскую среду, центральный образ попа Емели-Семена приобретает черты идеализации путем выделения своеобразного молодечества и удальства, которые сближают эту песню с циклом разбойничьих песен. Крест на рамени — характерный штрих эпохи; указывает на связь попа Емели с католичеством.

Песни о Михаиле Скопине

Вс. Миллер, № 207. *Киреевский*, в. 7, стр. 113. *Марков*, № 39. Б. Архангельская губ., дер. Зимняя Золотица. Записано от А. М. Крюковой, 45 л.

Сложились в атмосфере сложных классовых взаимоотношений Смутного времени. Племянник царя Василия Шуйского, Скопин, предводитель наемных шведских отрядов, вел успешную борьбу с тушинцами и поляками, очищая от них северные пути к Москве. Это сделало его популярным в широких массах купечества и землевладельцев, заинтересованных в ликвидации движения, связанного с именем второго Дмитрия, так как оно к этому времени приняло характер «холопьего бунта». Внезапная смерть Скопина (занемог 23 апреля 1610 г. на крестинах у Ивана Михайловича Воротынского и умер спустя две недели), последовавшие затем военные неудачи (проигранные сражения преемни-

ком Скопина, Дмитрием Ивановичем Шуйским, братом царя, переход шведских отрядов, не получивших жалования, на сторону противника) породили слухи о насильственной смерти, об отравлении Скопина сторонниками Шуйского (непосредственно женой его брата Дмитрия — дочерью Малюты Скуратова), который якобы боялся его возрастающей популярности. Эти слухи опирались на враждебное отношение боярства к Михаилу Скопину-Шуйскому как к представителю служилых людей. На основе этих слухов и возникли обе песни. Первая из них записана была в 1619 г. для англичанина Ричарда Джемса. В ней хорошо переданы противоположные настроения московского посадского населения и боярства. В соответствии с общей направленностью песни получил трактовку и факт перехода шведских отрядов к противнику. Песня является лирической композицией, созданной непосредственно после события. Во второй песне сюжет оформлен в стиле былины. Введена роль матери, дающей сыну совет, — мотив, встречающийся в ряде былин. В некоторых вариантах события переносятся даже на пир князя Владимира с обычным его атрибутом — похвальбой. Эту вторую песню-былину нельзя рассматривать (как это делали некоторые ученые) как развитие и переработку первой. Обе они возникли независимо друг от друга. То, что вторая песня

тоже возникла в период, близкий к событию, подтверждается тем, что в стиле дошедшей до нас повести об отравлении, относящейся к XVII в., мы находим следы несомненного влияния этой песни-былины.

Земский собор

Рыбников, № 158. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Уная Губа. Записано от Г. Амосова.

В основе песни лежит факт сдачи поляками Смоленска в 1654 г., в эпоху войны Москвы с Литвой и Польшей за возвращение русских областей, когда-то от нее отторгнутых. Земского собора, на котором якобы был решен вопрос о Смоленске, история не знает. Но, изобразив именно так данное событие, песня запечатлела характерную черту эпохи — то значение, которое получили в XVII в. в связи с экономической и политической реставрацией съезды-соборы. На них, кроме внутренних дел, порой решались и вопросы внешней политики. Возвращение Смоленска было одним из самых ярких эпизодов внешней политики на западе (как взятие Казани в последнем фазисе борьбы с татарами), а потому и оставило такой сильный след в историческом эпосе. Интересны варианты этой песни, в которых царь шведский предлагает выменять Смоленск на Хинскую землю, — отголосок тех переговоров, кото-

рые действительно велись между осаждавшими Смоленск русскими и поляками. В этих вариантах упоминается имя Милославского, — действительно, двое Милославских принимали участие в этих переговорах (см. Рыбников, 1, № 32).

Песни о Степане Разине

1. *Аристов,* стр. 45. Б. Тамбовская губ. 2. *Киреевский*, в. 7, Приложение, стр. 149; Лозанова, № 14. 3. *Киреевский,* в. 7, стр. 41; «Новиковский песенник»; Лозанова, № 22. 4. *Киреевский,* в 7. Приложение, стр. 153; Лозанова, № 23.

Песни о Степане Разине — один из самых богатых и популярных исторических песенных циклов. В них нашли яркое отражение настроения угнетенных социальных групп феодально-крепостнической эпохи в период народных революционных движений. Первая из печатаемых песен — о сыне Степана Разина — является самой распространенной, известной во многочисленных записях. Один из вариантов записан А. С. Пушкиным. Текст песни довольно устойчив.

«Сын», «сынок», как именует себя герой песни, — вероятно, один из агентов Разина, посланный в Астрахань на разведку и схваченный властями. Известен конкретный факт такой поимки и казни, который и мог послужить поводом к сложению песни (Н. Аристов [1], А. Н. Лозанова [8]). Публикуе-

мый вариант — один из наиболее социально насыщенных (противопоставление «сынка» крепостным крестьянам, ожидание избавления «невольничков»).

Среди вариантов этой песни следует отметить запись от крестьянки-мордовки, которая дает концовку, изображающую осуществление отмеченных выше народных ожиданий:

Пришел батюшка воскосна,
Новокаменну мою тюрьму
Все по камешкам разобрал,
Все невольничек распустил.

(А. Н. Лозанова, «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», стр. 13)

Вторая песня о походе разинцев и расправе с астраханским губернатором, с одной стороны, отразила воспоминание о действительном факте расправы с астраханским воеводой-князем Иваном Семеновичем Прозоровским, с другой стороны сконцентрировала оппозиционные настроения казачества и других угнетенных социальных групп в отношении ряда астраханских воевод и губернаторов и более раннего и более позднего времени. Четвертая песня представляет социальное переосмысление в плане песен Разинского цикла более ранней песни о молодцах-«тюремничках» и беглых людях.

Князь Голицын

Киреевский, в. 8, стр. 46. Б. Московская губ.

Имеется в виду возвращение князя Василия Голицына с неудачного и позорного для него похода на Крым в 1686 году. Несмотря на полный провал, Голицын, пользовавшийся расположением правительницы царевны Софьи, получил торжественную встречу в Москве и награду.

Песня, повидимому, сложилась в среде, настроенной оппозиционно к партии Софьи. Тон ее явно насмешливый. В одном из вариантов Голицын прямо назван «первым изменщиком». Есть варианты, которые даже изменяют развязку, включая отказ в награде и обещание «пожаловать двумя столбами с перекладиной». Печатаемый вариант представляет интересное переосмысление песни в социальном плане. Очевидно, указанные позднейшие прибавления об угрозе Голицыну дали повод воспринять образ Голицына как обличителя неправды и вложить ему в уста протест против разорения народа. Однако органической переработки всей песни в этом плане не произошло, и начало и конец сохраняют полностью первоначальную редакцию.

Песни о казни стрельцов

Киреевский, в. 8, стр. 18. Сызрань. *Киреевский*, в. 8, стр. 22. «Песенник» Чулкова.

Обе песни отразили событие 1698 года — жестокую расправу со стрельцами, которые пытались во время отсутствия Петра вернуть свое прежнее положение в государстве.

Первая песня, быть может, заключает отзвук тех переговоров, которые велись между Шейном и взбунтовавшимися стрельцами до прибытия Петра, когда Шейн требовал сдачи оружия, а стрельцы добивались предварительного пропуска в Москву, обещая служить царю, как служили раньше. Симпатии песен явно на стороне стрельцов. В изображение их внесены черты твердости, мужества и чувство достоинства. На обработке первой песни заметно сильное влияние былины: выезд атамана, его боевое снаряжение, скачка, приезд — воссоздают типовой образ былинного богатыря.

Шведский поход

Киреевский, в. 8, стр. 126. Б. Калужская губ.

В песне отражено воспоминание о каком-то эпизоде шведской войны при Петре Первом. Большой барин — Борис Петрович Шереметев, упоминаемый в других вариантах.

Передача впечатления от кровавых столкновений со шведами во второй части песни смыкается с оппозиционными настроениями рекрутских песен (см. в. 2 настоящей серии).

Ладожский канал

Киреевский, в. 8, стр. 262.

Песня связана с фактом прорытия Ладожского канала при Петре I. Образец песни, переходящей в безыменную бурлацкую.

Прусский поход

Киреевский, в. 9, стр. 113. Б. Симбирская губ.

Довольно многочисленные песни о прусском походе, сложившиеся в солдатской среде, содержат в себе обычно жалобы на тяготы похода, на продолжительность его, на тяжкие потери.

Данная песня интересна тем, что, помимо таких жалоб, заключает еще и некоторые элементы социальной сатиры. Упоминание о вестях с Тихого Дону перенесено из песен донских казаков, а «чистое поле Лебедян» перешло из старших песен о Полтаве. Кистрин — Кюстрин, прусская крепость, постоянно фигурирует в песнях о прусской войне, очевидно потому, что в казематы этой крепости заключались русские пленники.

Лопухин-Потемкин

Киреевский, в. 9, стр. 100. Б. Калужская губ.

Генерал Василий Абрамович Лопухин был убит во время прусской войны 19 августа 1775 года в сражении под Гросс-

Егерсдорфом. Публикуемая песня создалась в солдатской среде и отразила оппозиционное настроение этой среды, возлагающей вину за кровавые потери на генералов. Имя Потемкина, как в других вариантах Румянцева, заменило собой первоначальное имя Абрóсима, как думает Бессонов, Апраксина, действительного участника данного сражения.

В дальнейшем, повидимому, под влиянием запрещения, из песни были выкинуты все личные намеки, и песня превратилась в безыменную. В таком виде она сохранилась в песенниках Чулкова, Новикова и некоторых других.

Работы на линии

Киреевский, в. 9, стр. 213. Б. Симбирская губ.

Песня составителями сборника Киреевского отнесена к эпохе Екатерины II. Возникла, несомненно, в солдатской среде, и хотя, может быть, и имеет в виду какой-то определенный факт, но затрагивает общую тему, характерную для солдатских песен, — о тяжелой жизни и работе на чужбине.

Пожар Москвы

Пальчиков, № 40. Б. Уфимская губ., Мещененинская вол., с. Николаевка.

П. А. Бессонов, комментировавший песни, собранные Киреевским, отнес песни

о московских пожарах к XVII в., хотя и указал, что «случаи, увековеченные былиной, имели место и позднее, даже в XVIII в.“ В действительности никаких данных в самой песне для отнесения ее к XVII в. не имеется. По стилю она ближе всего стоит к песням XVIII в. Возможно, что в XIX в. эта песня ассоциировалась с событием Двенадцатого года. Имя «барина», от которого якобы начался пожар, неустойчиво. Есть варианты с именем Шереметева.

Чернышов, Захар Григорьевич

Ончуков, № 42. Б. Архангельская губ., Усть-Цыльма, записано в 1902 г. от Г. И. Чупрова.

Песня имеет большую и сложную историю, чрезвычайно характерную для жизни фольклорного произведения вообще. В основе ее — эпизод заключения прусским королем русского генерал-фельдмаршала графа З. Г. Чернышова в Кюстринскую крепость в эпоху семилетней войны. Возможно, что песня об этом эпизоде была сложена вскоре после возвращения русских войск из-за границы. По исследованию А. Н. Лозановой [25], песня эта в своем первоначальном виде представляет переработку песни об Азовском пленнике (см. Киреевский, в. 8, стр. 78—81) и является типичной полковой исторической песнею, направленной на прославление русского царя и

его полководцев (таков, например, вариант Киреевского, в. 9. стр. 130—131).

Печатаемый текст несет яркие следы уже иной социальной среды — оппозиционно настроенных слоев крестьянства и казачества, куда попадает в дальнейшем песня о Чернышове. Сохраняя общую композиционную структуру первоначальной редакции, он превращает графа Чернышова в донского казака и племянника Разина, а Кюстрин — в «Костринский городок» по ассоциации с названием села Кострина, игравшего роль в Разинском движении. Ответ Чернышова в конце песни воспринимается уже не в плане патриотических настроений пленника, который угрожает прусскому королю, предлагающему измену, а как выражение независимости и бесстрашия — постоянных мотивов в песнях Разинского цикла. Подобная трансформация песни о патриоте графе Чернышове обусловлена ассоциированием с именем Чернышова воспоминаний об одном из активных пугачевцев — Иване Никифировиче Зарубине, прозвищем Чика, носившем при Пугачеве имя графа Чернышова, подобно тому как другие приближенные Пугачева назывались именами разных вельмож петербургского двора. В дальнейшем песня еще более отходит от своей первичной редакции и окончательно принимает типовые черты разинской безыменной песни о добром молодце, заключенном в тюрьму. В се-

рии песен о Чернышове интересен еще вариант, заключающий явные отголоски декабрьского события с упоминанием Питера, Петропавловской крепости и с перенесением роли прусского короля на «православного царя».

Песни о Пугачеве

Киреевский, в. 9, стр. 245. Б. Симбирская губ.; Лозанова, № 3. *Киреевский*, в. 9, стр. 248. Б. Симбирская губ.; Лозанова, № 8.

Песни о Пугачеве известны в немногих записях, но довольно разнообразны по содержанию. Первая из печатаемых песен изображает поход пугачевцев под Гурьев и Яик. Отношение к Пугачеву явно сочувственное. Вторая явилась откликом на эпизод встречи Панина с Пугачевым, доставленным в клетке в Симбирск (см. Лозанова [8], стр. 386). Эта песня — одна из наиболее ярких и классово-насыщенных.

Вор Гаврюшка

Аристов, стр. 89; *Киреевский*, в. 10, стр. 112. Б. Саратовская губ.

Трудно с точностью определить, о каком историческом лице здесь идет речь. Это мог быть атаман волжских разбойников Гаврила Быков, который в 1776 году бежал из Новохоперской крепости (Мордовцев), или беглый солдат Гаврила Кремнев, который в 1766 году выдавал себя за Петра III в Воронежской губернии (Н. Аристов [1]).

По словам Аристова, песня «выражает мысль, что миновало прежнее раздольное житье, когда разбойники были сильны, брали часто города, разбивали остроги и выпускали своих братьев на свободу».

Вор Копейкин

Киреевский, в. 10, стр. 108. Сызрань.

Имя героя песни нашло отражение в знаменитом рассказе Гоголя в «Мертвых душах» о капитане Копейкине, который после похождений в Петербурге делается атаманом разбойников в Рязанских лесах.

Как в предыдущей, в данной песне черты историчности в значительной степени стерты, и песня стоит на грани перехода в безыменную разбойничью.

Песни об Аракчееве

Киреевский, в. 10, стр. 209. Б. Оренбургская губ. *Киреевский,* в. 10, стр. 211. Б. Псковская губ. Запись А. С. Пушкина.

С таким же содержанием известны более ранние песни, связанные с именами Долгорукова, Репнина, Меньшикова и Гагарина, но традиционная формула укора еще более усилена и заострена в вариантах, приуроченных к Аракчееву. Вторая песня замечательна тем, что записана в 30-х годах А. С. Пушкиным. Она заключает ряд кон-

кретных черт аракчеевских мероприятий. Вторая часть первой песни встречается также в песнях о Гагарине. В приурочении ее к Аракчееву можно видеть отражение впечатлений от роскоши его Грузинского дворца.

Песни об Аракчееве созданы, вероятно, сейчас же после смерти Аракчеева (1834 год), а может быть еще и при его жизни.

Песни о 14 декабря 1825 года

Ончуков, № 100. Б. Архангельская губ., б. Пустозерская вол., дер. Нарыга. Записано в 1902 г. от В. А. Никонова. *Соколовы*, № 24, стр. 315. Б. Новгородская губ., Кирилловский у., дер. Роговская. Записано от Н. П. Охутина, 80 л.

Обе песни относятся к известному событию 1825 г. Первая песня представляет использование традиционного плача о смерти царя (песни о смерти Петра I, о смерти Екатерины II). Вторая заключает чрезвычайно искаженный и спутанный отклик, очевидно, на основе отдаленных слухов о восстании, руководимом офицерством и сенаторами, направленном на свержение или ограничение самодержавия, о проектах убийства царя, о каких-то взаимоотношениях двух братьев Николая и Константина.

Эти песни иллюстрируют знаменитый тезис В. И. Ленина о далеко стоящих от

народа декабристах. Симпатии во второй песне явно склоняются на сторону царского брата, причем в некоторых вариантах героем является даже солдат, подслушивающий и раскрывающий заговор; в нашем варианте солдат тоже оказывает брату содействие. В первой песне тоже заметно отрицательное отношение к заговору — к «бояришкам».

БАЛЛАДЫ

Специального сборника песен-баллад до сих пор не было (в настоящее время «Библиотекой поэта» выпускается обширный сборник, составленный В. И. Чернышевым).

Наиболее богато балладный материал представлен в I томе известного издания А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПБ., 1895). Однако, с одной стороны, не все песни этого тома действительно могут считаться балладами; с другой стороны, немало балладных песен имеется в других томах того же издания; немало баллад также и в различных других сборниках песен.

В нашем сборнике мы даем лишь очень немногие образцы песен-баллад, по возможности, более типичные и вместе с тем представляющие историю балладного материала, намеченную во вступительной статье.

Сестра и брат

Печатается по тексту из указанного выше сборника В. И. Чернышева. Аналогичная песня (но менее полная) имеется у Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1998, стр. 100 (из б. Малоархангельского у.).

Цюрильё игуменьё

Печатается по сборнику Григорьева, т. I, № 25 (61), стр. 221—223. Записана песня от крестьянки М. П. Пашковой, тридцати семи лет, жены церковного старосты, в дер. Почезерье, на левом берегу реки Пинеги. Песня по характеру своему приближается к духовным стихам, отчасти к былинам (в одном из вариантов у Григорьева, № 95 (131): «Василий и дочь князя Владимира София» — действие отнесено ко времени князя Владимира, и героиня оказывается дочерью Владимира; отравляет ее не «игуменьё», а мать).

Песня принадлежит к числу весьма распространенных (обычно в виде «Василий и Софья»). См. в сборнике Соболевского, т. I, № 82—89.

Девушка-воин

Эта любопытная песня известна нам только по тексту Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1449, стр. 79). Записана она в Москве от семидесятилетнего московского мещанина.

Гостиный сын увозит девушку на корабле

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 245, стр. 322—324. Соболевский, в свою очередь, печатает песню по тексту песенника 1780 года («Новое и полное собрание российских песен», ч. III, стр. 64); в том же песеннике, ч. I, стр. 153, помещена сходная песня о том, как «понизовые бурлаки» увозят «стольникову дочь». Любопытный более поздний вариант, в котором речь идет о «ржевских приказчиках», напечатан в сборнике Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 60, № 1932).

Принц ночует у дочери купца

Печатается по сборнику Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1180, стр. 6); записано в г. Холмогорах в 1843 году П. Н. Базилевским. В сборнике Киреевского есть еще ряд вариантов этой песни (например, № 1223, стр. 15). У Соболевского, т. II, стр. 73, № 90, напечатан вариант также из Холмогор («У Пелькова у купца») по записи П. И. Якушкина (Сочинения, СПБ., 1884, стр. 590).

Пропавшая дочь купца

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, стр. 325—327, № 247. В свою очередь Соболевский перепечатал текст из журнала «Отечественные Записки» за 1841 г., т. XVIII,

Смесь, стр. 11. Записано в б. Костромской губ. Одна из популярнейших «купеческих» (по содержанию) песен (у Соболевского приведено 6 текстов, № 247—252).

Жены покупают волю над мужьями

Печатается по сборнику В. Н. Добровольского «Смоленский Этнографический Сборник», ч. 4, стр. 62, № 102-б. Очень любопытный текст этот отнесен Добровольским к числу «колядных» песен. Известны еще немногие подобные варианты, но менее полные (в том числе в том же сборнике Добровольского, ч. 4, стр. 62, 151, № 102-а, 131. Киреевский, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 106, № 2018).

Любовник-баран

Печатается по сборнику Соболевского, т. VII, № 184, стр. 183—184. Записано в б. Терской обл., перепечатано из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», в. 15, стр. 189. У Соболевского приведено еще три текста (один из «Песенника» 1780 г., один из б. Курской губ., один из б. Вологодской).

Муж-недоросток

Печатается по сборнику Соболевского, т. III, № 557, стр. 451—452. Записано в б. Владимирской губ. Одна из популярнейших песен. Известны многочисленные варианты

ее; в том числе есть такие, в которых муж наказывает жену (напр, Соболевский, т. III, № 558, стр. 452—453, из «Вологодского сборника», т. IV, стр. 374). У Соболевского приведены десять текстов (№ 553—562).

Жена сжигает нелюбимого мужа

Печатается по сборнику Соболевского, т. III, № 139, стр. 111—112. В свою очередь, Соболевский перепечатывает текст из «Истории России» С. М. Соловьева, т. XIV, Приложение 2, где он заимствован из столбца приказного стола 1699 г., № 3313. Песня интересна как один из образчиков сравнительно ранних записей песен и притом сохранившихся своеобразным способом (в судебном деле). Соболевский приводит еще три варианта в записях XIX в. (№ 140, 141, 142), два — из б. Курской губ., один — из б. Воронежской.

Жена мужа зарезала

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 126, стр. 185—187. Соболевский берет текст из сборника А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомарова — «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии» («Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. IV, 1862). Один из типичных балладных сюжетов. Соболевский приводит еще четыре текста (№ 127—130).

Муж убивает жену по клевете матери

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 70, стр. 119—120. Записано в б. Курской губ.

Песня эта известна в многочисленных и разнообразных вариантах. Соболевский приводит еще пять подобных текстов (№ 71—75). Кроме того близко примыкает сюда песня о князе (двенадцати лет), княгине (девяти лет) и старицах, по клевете которых князь убивает жену (Соболевский, т. I, № 76; известен еще ряд текстов). Сходны также песни № 77, 78 у Соболевского.

Ванька-ключник и князь Волхонский

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 28, стр. 55—56. Записано в б. Вологодском у. Н. Иваницким (Статистический сборник, издаваемый Вологодским Губ. Статистическим Комитетом, т. III, стр. 318).

Песня принадлежит к числу наиболее популярных. В сборнике Соболевского помещено двадцать три варианта (№ 25—47); кроме того ряд вариантов опубликован в других изданиях. Известны две основных редакции песни: более древняя, представителем которой является печатаемый нами текст, и более новая, являющаяся переработкой стихотворения В. Крестовского,

основанного в свою очередь на фольклорной песне. Вот начало одной из подобных переделок:

Что не ягода лесная
Спела, зрела и красна, —
Одна княгиня молодая
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша,
Кудреватый, холостой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

(Шейн, т. I, в. 1, № 882, стр. 238, б. Костромской губ.)

Любила княгиня камер-лакея

Печатается по сборнику Киреевского, в. 5, стр. 180 (перепечатано также у Соболевского, т. I, № 49, стр. 85—86). Записано в б. Симбирской губ. Известны также тексты этой весьма драматичной песни в песенниках XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. 3, 1780, стр. 168; М. Попов, «Российская Эрата», ч. 3, 1792, № 110).

Повидимому, в основе этой песни, как и песни о Ваньке-ключнике, лежат какие-то подлинные факты.

Разбойники и сестра

Печатается по сборнику Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1361; записано

в Новгороде. Песня принадлежит к числу популярнейших; у Соболевского приведено семнадцать текстов (т. I, № 178—194); много текстов также у Киреевского (Новая серия).

Песня обычно поется исполнителями былин и духовных стихов и часто включается в сборники былин.

Вещий сон девушки у разбойников

Печатается по сборнику Соболевского, т. VI, № 408, стр. 318—319 (запись Якушкина из б. Костромской губ.). Песня эта известна еще в песенниках XVIII в. (Соболевский, т. VI, № 404) и также относится к числу весьма популярных (у Соболевского двенадцать текстов, № 404—415; кроме того близки также № 416—417).

Девица — атаман разбойников

Печатается по сборнику Киреевского, Песни, в. 9, стр. 192—195. Песня эта основана на преданиях о разбойнице Таньке Ростокинской (в Ростокине под Москвой), которая будто бы наводила ужас на проезжих и прохожих.

Муж-солдат в гостях у жены

Печатается по сборнику Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2974, стр. 344—345 (из б. Звенигородского у.). Эта песня — одна из типичнейших и популярнейших баллад;

у Киреевского она имеется во многих вариантах, в сборнике Соболевского приведено восемь текстов (т. I, № 330—337; близок также № 338).

Простой и вместе с тем драматический сюжет этой песни, близкий и понятный крестьянству, повидимому, является причиной ее популярности.

Старец Игренище

Печатается по сборнику Кирши Данилова, стр. 142—144 (в изд. Публичной Библиотеки).

Любопытна эта песня по изображению старца-монаха в виде богатыря, наказывающего своих противников; получается своеобразная пародия на былину.

Разгульные монахи

Печатается по сборнику Соболевского, т. VII, № 346, стр. 310—311; записано в б. Пермской губ. Соболевский приводит еще три текста этой песни (№ 345 — из б. Псковской губ., № 347 — из б. Казанской губ., № 348 — из б. Архангельской губ.). Это один из образчиков сатирического изображения монахов.

Для сравнения с «классической» балладой приводим образец новой баллады, строящейся в значительной степени на литературных основах.

Мальвина

Тихо стонет сине море,
Тихо зыблется луна,
По долине, по дубраве,
По дорожке столбовой
Рыцярь бенный все спешит
Ко Мальвине молодой.
Тут Мальвину снаряжают
Мёртву бенную к венцу.
Она плацет, слезы льются,
Што со слез руцья шумят.
«Вы, подружки, не спешите,
Дайте сердцу погрустить,
Вы ядино мне скажите,
Как мне ми́лаво забыть?
Мне забыть ево не мо́жно,
Отдалась ему душой.
Праву руценьку давала,
Мне велел родитель мой».
Долго ехал гось нежданный:
«Позно, рыцярь молодой!»
Для злодея все не позно:
Рыцарь саблю обнажил.
Обнаживши саблю востро,
Да слове́чушка сказал.
Сабля вострая взвиласе,
Тут Мальвина померла!
Померла наша Мальвина,
С ней сконцялася любоф.
Полотном тело прикрыли
И послали за попом;
Поп-от с певцием приехал

Мёртво тело отпевать,
Громко певцие запели,
На кладбищо понесли.
Приносили на кладби́що,
Востону́ла вся земля,
Всяселе́нная сказала:
«От любови померла».
Тело в гробе говорило:
«Подойди, милой, сюда,
Подойди, милой, поближе,
Стань ко гробу моему,
Помолися, милой, богу,
Телу душу возврати». —
«Помолиться богу можно,
А воротить душа нельзя».

Песня записана бр. Соколовыми в 1908 г. в дер. Терехове-Малаховой, б. Белозерского у., от крестьянки Т. А. Шарашовой (Б. и Ю. Соколовы, «Сказки и песни Белозерского края», № 685, М., 1915, стр. 503). Песня эта часто встречается в песенниках 1911—1912 гг., но с именем Маруси, а не Мальвины.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ОТМЕЧЕННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Былины и исторические песни

1. *Аристов Н.* Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875, стр. 45 и 89—90.
2. *Архангельский А. С.* Рецензия на «Очерки русской народной словесности» Вс. Миллера. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1898, III, стр. 905—923.
3. *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины, III—XI, 1884, стр. 69—124 (12).
4. *Веселовский А. Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1906.
5. *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 192—424.
6. *Жданов И. Н.* Повесть о королевиче Валтасаре и былины о Самсоне Святогоре. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1901, V, стр. 1—24.
7. *Коробка Н. И.* Сказания об урочищах Овручского у. и былины о Вольге Святославиче. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1908, кн. I.

8. *Лозанова А. Н.* Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935, стр. 4—7 и 386.
9. *Марков А. В.* К былине о бое Ильи Муромца с сыном. «Этногр. Обозр.», 1905, XII.
10. *Миллер Вс.* Кавказско-русские параллели. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892. Приложение.
11. *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности, М., 1897, стр. 97—142.
12. *Миллер Вс.* Ibid., стр. 263—282,
13. » » Ibid., стр. 166—186.
14. » » Ibid., стр. 187—200.
15. » » Очерки русской народной словесности, т. III, М. — Л., 1924, стр. 91—135.
16. *Миллер Вс.* Ibid., стр. 159—174 (№ 19).
17. » » Рецензия на исследование С. К. Шамбинаго, «Вест. Европы», 1913, V.
18. *Соколов Б. М.* Былины об Идолище Поганом. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1916.
19. *Соколов Б. М.* О житийных и апокрифических мотивах в былинах. «Русск. Филолог. Вестник», М., 1916.
20. *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла, 1888.
21. *Халанский М. Г.* Отношение былин о Вольге—Волхе к летописным сказаниям об Олеге Вещем. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1903, XI.

22. *Шамбинаго С. К.* Старины о Святогоре и эстонская поэма о Калевин-поэте. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1902, № 1.
23. *Шамбинаго С. К.* Песни-памфлеты XVI в., М., 1913.
24. *Шамбинаго С. К.* К литературной истории старин о Вольге. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1905, № 11.
25. *Лозанова А. Н.* Социальные переосмысления песен о графе Захаре Григорьевиче Чернышове. «Советский фольклор», в. 2—3, 1935.
26. *Сперанский, М. Н.* Поп - разбойник Емеля. Slavia, R. II, s. 4, 1924, стр. 655—659.

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБРАНИЯ БЫЛИН И ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН [1]

* *Кирша Данилов.* «Древнейшие российские стихотворения», изд. 3, М., 1878; то же, Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной Библиотеки, под. ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901. Первый печатный сборник былин, составлен в конце XVIII в. Былины Западной Сибири и Уральской области.

Чулков М. Д. Собрание сочинений М. Д. Чулкова, изд. «Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», СПб., 1913. Помещены несколько былин и исторических песен.

* *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, М., 1909—1910. Былины и исторические песни, записанные в 60-е годы в б. Олонецкой и западной части Вологодской губ.

* *Киреевский П. В.* Песни, собранные П. В. Киреевским, десять выпусков, М., 1860—1874. Былины и песни из разных м ст России. Среди лиц, записавших и доставивших песни: В. И. Даль, А. С. Пушкин, Н. М. Языков и др.

---

[1] Звездочками обозначены источники, из которых взяты публикуемые тексты.

* *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, СПб. 1873; изд. 2-е, СПб. 1894—1900.

Мякушин Н. Г. Сборник уральских и казачьих песен, 1890. Былины и исторические песни, сохранившиеся среди казачества.

Тихонравов Н. С. и *Миллер В. Ф.* Русские былины старой и новой записи, М., 1894. Несколько былин, извлеченных из рукописных списков XVIII в. Новые записи былин из разных мест России. Особенный интерес представляют записи сибирских былин Н. С. Гуляева.

Пивоваров. Донские казачьи песни, Новочеркасск, 1895.

Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I, 1895. Былины-баллады.

* *Пальчиков Н.* Крестьянские песни с. Николаевки Мензелинского у. Уфимской губ., Л., 1896. Есть исторические песни.

Соколов М. Е. Былины, исторические песни, разбойничьи и воровские Саратовской губ., Петровск, 1896.

* *Марков А. В.* Беломорские былины, М. 1901. Записи былин в 1898—1899 гг. на Зимнем берегу Белого моря. Часть былин — Терского берега.

Богораз В. Г. Колымское русское областное наречие. «Сборник II Отд. Акад. Наук», т. LXVIII, 1901. Есть тексты былин, записанных в Якутской области.

* *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904;

т. III, СПб., 1910. Записи 1899, 1900 и 1901 гг. в Поморье, на Пинеге и на Мезени.
* *Ончуков Н. Е.* Печорские былины, СПб., 1904. Записи по средней и нижней Печоре 1901—1902 гг.
Листопадов и Арефин. Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг., изд. Войска Донского, 1911. Есть былины и исторические песни.
Шайжин. Олонецкий фольклор. Былины, Петрозаводск. 1906.
Миллер В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908.
Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков, Оренбург, 1905.
* *Марков А. В., Маслов А. Л. и Богословский Б. А.* Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. «Труды Муз.-Этногр. Комиссии», т. II, М., 1911, № 8. Былины Терского берега и Кандалакши.
* *Миллер Вс. Ф.* Исторические песни русского народа XVI и XVII вв. «Сб. II Отд. Акад. Наук» т. X, 1915.
* *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края, М., 1915. Былины и исторические песни в Кирилловском у. Новгородской губ.
Озаровская О. Э. Бабушкины старины, изд. «Огни», П., 1916. Записи былин от пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой.

* *Лозанова А. Н.* Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935.

* Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Акад. Наук СССР. Ленинград. Записи 1921, 1926—1929, 1931—1932, 1935 гг. в Карелии, на Пинеге, Кулое, Мезени и Печоре.

Фольклорный отдел Архива Литературного Музея, Москва. Записи 1926—1928 гг. в Карелии.

Антологии и хрестоматии

Сперанский М. Памятники мировой литературы. Русская устная словесность, т. I и II, М. 1916—1919. Избранные тексты со вступительными статьями и комментариями.

Ляцкий Е. А. Былины — старинки богатырские, СПб., 1911. Вступительная статья, тексты.

Соколов Б. Былины, изд. «Задруга», М., 1918. Исторический очерк, тексты, комментарии.

Бродский, Мендельсон, Сидоров. Историко-литературная хрестоматия, ч. I. Устная народная словесность, ГИЗ, 1923.

Былины. Примечания и объяснительные статьи *В. А. Келтуяла.* «Дешевая библиотека классиков», М. — Л., 1929.

Андреев Н. П. Хрестоматия по фольклору. Печатается.

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБРАНИЯ БАЛЛАД

Григорьев. — Григорьев А. Д., Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904.

Добровольский. — Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903 («Записки Русск. Геогр. Об-ва по отд. этнографии», т. XXVII).

Киреевский. — Песни, собранные П. В. Киреевским, в. 5, М., 1864; в. 9, М., 1872. Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, в. 2, ч. 1. М., 1917; ч. 2, М., 1929.

Кирша Данилов. — Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной Библиотеки, под ред. П. Н. Шеффера, СПБ., 1901.

Соболевский. — Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I, СПБ., 1895; т. III, СПБ., 1897; т. VI, СПБ., 1900; т. VII, СПБ., 1902.

Шейн. — Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, в. 1, СПБ., 1898.

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Былины

Общие обзоры и библиография

Лобода А. М. Русский богатырский эпос, Киев, 1896.

Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин, гл. IV. Материалы и исследования по изучению былин с 1896 по 1923 г., Саратов, 1924.

Сперанский М. Н. Былины, т. I, М., 1916, и т. II, М., 1919. Вступительные статьи и комментарии.

Соколов Б. Былины, М. 1918. Указана основная библиография по отдельным сюжетам.

Соколов Б. Былины, «Литературная энциклопедия», т. II, 1929.

Бродский, Гусев, Сидоров. Русская устная словесность. Л. 1924.

История изучения

Пыпин А. Н. История русской этнографии, 1892.

Лобода А. М. Русский богатырский эпос, Киев, 1896.

Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности, 1896.

Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917. Введение.

Соколов Б. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу, «Худож. фольклор», II—III, М., 1927.

Вопросы происхождения русского эпоса

Майков А. О былинах Киевского цикла, СПб., 1863.

Веселовский А. Южнорусские былины. СПб., 1881.

Жданов И. Н. К литературной истории русской былевой поэзии. Сочинения, т. I, СПб., 1904.

Жданов И. Н. Русский былевой эпос, СПб., 1895.

Халанский М. Великорусские былины киевского цикла, Варшава, 1885.

Миллер Вс. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М. — Л., 1924.

Соколов Б. М. Русский фольклор, в. I. Былины, М., 1931.

Условия бытования и исполнители

Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. В сборнике «Онеж-

ские былины», СПб., 1873; изд. 2, т. I, СПб., 1894.
Вступительные очерки в сборниках былин.
Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897. Первые три очерка.
Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917.
Миллер Вс. Казацкие эпические песни XVI—XVII вв. Очерки русской народной словесности, т. III, М. — Л., 1924.
Соколов Б. М. Русский фольклор, в. 1. Былины, М., 1931.
Соколов Б. М. Сказители, Госиздат, М., 1924.
Соколов Ю. По следам Рыбникова и Гильфердинга. «Худож. фольклор», II—III, М., 1927.
Астахова А. М. Былина в Заонежье. «Крестьянское искусство СССР», в. 1, Л. 1927.
Астахова А. М. Былинная традиция на современном севере. Сб. статей, посвященных ак. А. С. Орлову, Л., 1934.

Поэтика былин

Веселовский А. Н. Поэтика. Собр. соч., т. I.
Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897.
Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин, М. — Саратов, 1924.
Габель М. О. К вопросу о технике русского былевого эпоса. Формы былинного

действия. «Наукові записки науководослидчої кафедри історії европейскої культури», т. X, 1927.
Габель М. О. Форма диалога в былинах, «Збірн. на пошану ак. Д. Багаліев». Харьков, 1928.
Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении. Былины, «Сб. V Отд. Акад. Наук». т. XVII, № 8, 1901; «Изв. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1896, № 1; 1897, № 2.
Жирмунский В. М. Введение в метрику. Вопросы поэтики, в. 6, Л., 1925.
Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, Л., 1923.
Маслов А. А. Былины, их происхождение и мелодический склад. С муз. прилож. «Изв. Об-ва любит. естеств., антропол. и энтогр.», Труды Муз.-Этногр. Комиссии, т. II, М., 1911.

Б. Исторические песни

Аристов Н. Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875.
Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917, стр. 328—358.
Сперанский М. Былины, т. II, М., 1919, стр. 317—337. Вступительный очерк к историческим песням.
Лозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве, М., 1935.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

Акита́нт — адъютант

Бабере́ковый — из баберека, шелковой ткани
ба́ско — красиво
бра́тчина — братство, товарищество из церковных прихожан
бу́са — большая долбленая лодка

Валья́жный — 1) резной, точеный; 2) прочный, крепкий; валья́к — резная, чеканная работа
валья́чный — см. вальяжный
варайда́ть — кричать браниться, брюзжать
варо́винный — веревочный, пеньковый
во́льжаный, волжаный — из дерева таволги (род ивняка), таволжаный
во́нный — наружный, тот
вяз — род дерева, дубина из вяза

Га́лера — большое весельное судно
глузды́рь — птенец, не умеющий еще летать, молокосос
го́голь — род утки
голь — голытьба, бедняки
горю́ч ка́мень — известковый камень

гость богатый — купец
гри́дня — комната, покой
гря́дочка, гря́дка — перекладина для вешания платья и др.

Доброхо́ты — доброжелатели.

Егерь — в войсках солдат из стрелковых частей

Жукови́нье — перстень

За́водь — залив на реке, защищенный от ветра
заво́рыдал — зарыдал
задле́ньщина — житель «задле́нной» стороны, окраины — от слов: за Двиной — «задвенный»
зары́снуть — попадать куда-нибудь рыская
затюре́мщик — узник
зды́нуть — поднять
зелено́ — эпитет вина. Собственно, «зеленое», от зелье — растение, злак. Следовательно — хлебное вино

Изро́дный — статный, видный, красивый
и́нишное — иньшое, иное
ише́, ишше́ — еще

Кадо́лы — канаты
кали́ка — странник, богомолец (от греческого слова «калига» — особого рода обувь, которую носили странники)

камка́ — шелковая китайская ткань с разводами
канава́тный — из канавата, старинной цветной узорочной ткани
кану́н варен — пиво, сваренное к празднику
кичи́ги — палки, которыми молотят хлеб
клюха́ — клюка, посох
коза́рочка, каза́рка — в былинах эпитет меди, очевидно от слова хозарская
ко́лпик — птица из рода цапель
комуха́ — лихорадка
коса́ч — тетерев
коси́вчато вместо косящато — сделанное из косяков, гладко отесанных брусьев
коси́ца — бровь, висок
ко́сная лодка — легкая лодка для разъездов, не для груза
кряко́вистый — кряжистый, коренастый, крепкий
кресто́вый брат — поменявшийся крестом
кружа́ло — питейный дом
крупча́тая камка вместо хруща́тая — плотная шуршащая при движении
круши́на — род дерева
ку́жель вместо кудель
ку́ропок — куропатка-самец

Левы́й зверь — лев
ло́жня — спальня

Марью́ха — глухарка
матере́ть — становиться матёрым, возмужалым, дородным.

Нако́н — раз, прием
на́ полы — пополам
не за́ веды — ни за что
ново́й — иной, другой
несуди́мый — не подлежащий суду, которого нельзя судить

Обжа́ — оглобля от сохи
о́ зень — на землю
о́карачь — на карачках, четвереньках
оме́шик — сошник, лемех
опочи́н держать вместо опочи́в держать — отдыхать, почивать
опри́чь — кроме
опру́жинка — подпруга
оту́жинка — веревка, которою привязывают седло
оче́сливый — вежливый, обходительный, умеющий воздать честь

Па́бедье — время около па́беда — еды до обеда.
Перела́дец — род дудки
переле́тник вместо переветник — изменник
пе́ресок, перс — перст, палец
переста́вился — преставился, умер
пестру́ха — тетерка
пилигри́м — странник по святым местам
повале́шное — сбор с валька, за стирку белья на плотах
повене́чное — сбор с венчанья
погинёт — погибнет
полте́и — туши, разрубленные пополам

поля́ковать — рыскать, отыскивая приключения
поля́ница — богатырь, богатырка, от поляковать
поме́лечко — помело, которым обметается печь под посадку хлебов
понюга́льцё — понукальце, кнут
поха́бно стало — показалось унизительно
прироспи́лькивать — глядеть подслеповатыми глазами

Раме́нь — раме́нек, оплечье, часть одежды, кроющая плечо
руда́ — кровь
рища́тый вместо хрущатый — см. крупчатый.

Саже́нь печа́тная — снабженная государственным клеймом
си́ночка — вместо синичка
сливно́й — сплошной
соло́вая — желтоватой масти
со́пка — вершина горы
соро́чинский — сарацинский (сарацины — арабы)
сто́льный — престольный, где пребывает князь, правящий класс
сшиба́ться руками — всплеснуть
сыпь — складчина, взнос
сыть — корм, еда

Ту́ес — берестяная кубышка, бурак
тур — дикий бык (зубр)

тю́ни — сапоги из оленьего меха
тычо́к — шест, багор

Упру́жинка — см. опружинка
ура́з — рана, ушиб
уро́дует — безобразничает
ути́н — боль в пояснице

Чапельни́ще — ухват
че́боты, чо́боты — башмаки, сапоги
чебура́цкий — от «чебрак» — брусок
червле́ный — багряный, красный
черка́льский — черкасский
черна́вушка — служанка для черной работы
чох — чихание, в былине — приметы, связанные с чиханием
чумаки́ — целовальники — продавцы казенного вина

Шалы́га — плеть, кнут
шамахи́льский вместо шемаха́нский — шелк, получаемый из Шемахи (на Кавказе)
шаро́вый вместо жаро́вый — высокоствольный
шебу́ра или шабу́р — крестьянская ткань, а также армяк, зипун, балахон из этой ткани
ше́мшура, ша́мшура, ша́мумра — род шапочки, надеваемой на кокошник
шири́нка — полотенце
шлык — женский головной убор
шпёнышек — шип

Щапли́вый — щегольской
ще́лье — гора на берегу реки или взморья
ще́петно — щегольски, нарядно
Ярлы́к — указ, объявление, записка
яро́вчатый — из дерева явора (чинары)
я́рый воск — чистый, белый
я́чный — ячменный

СОДЕРЖАНИЕ

Былины

---

[1] Первая колонка цифр обозначает страницу стихотворения, вторая — примечания.

Исторические песни

Баллады

Примечания

Отпечатано типографией «Советский Печатник», Ленинград, Моховая ул., 40 для Издательства «Советский Писатель» в количестве 15500 экз. Авт. л. 15. Заказ 9554. Ленгорлит № 31845. Переплет по макетам художника В. Д. Дворaковского. Сдано в набор 9/IX 1935 г. Подписано к печати 25/XII 1935 г. Формат 72×110 1/64. Тип. зн. в 1 бум. листе 179200. Бум. лист. 3 5/8. Ответств. редактор Е. Добин Техн. редактор Ал. Кукуричкина

1935

Цена 2 р. 75 к. Перепл. — 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ЧИТАТЕЛЕЙ И БИБЛИОТЕКИ ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ: ЛЕНИНГРАД, ВНУТРИ ГОСТИНОГО ДВОРА, ПОМЕЩЕНИЕ № 122, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

3 р. 75 к.